

Б 68-52
278

Б 68-52
278

Д.Голубева
Издательство
«Книга»
Москва, 1968

Горький-издатель

801-89
10121-3

1

5 Товарищество «Знание»

- 17 Сборники товарищества «Знание» накануне и во время первой русской революции
- 28 «Дешевая библиотека»
- 32 «Знание» в годы реакции
- 44 Крах издательства
- 57 От «Знания» к «Парусу»

2

62 Книгоиздательство «Парус»

- 66 Серия «Европа до и во время войны»
- 72 Литературные сборники
- 84 Русская и мировая литература в изданиях «Паруса»
- 88 Книги для детей
- 92 Народные картинки-сказки
- 93 Научно-популярные издания

3

97 Книга на службе новому обществу

- 97 «Всемирная литература»
- 112 «Русская литература»
- 116 Горький и издательство З. И. Гржебина

2015119035

6-10
14-68

Книга, быть может, наиболее сложное и великое чудо из всех чудес, сотворенных человеком на пути его к счастью и могуществу будущего.

М. ГОРЬКИЙ

Человек необычной судьбы, большого таланта, Горький поражал своих современников неистребимой творческой энергией. Он был не только писателем, поэтом, публицистом, литературным критиком, но и незаурядным организатором. «Электрический человек», — говорил о нем Скиталец — писатель, чья творческая судьба тесно связана с именем Горького.

Знаток и любитель книги, Горький ценил ее прежде всего как мощное средство познания и революционного преобразования жизни. «Когда у меня в руках новая книга, предмет, изготовленный в типографии руками наборщика, этого своего рода героя, с помощью машины, изобретенной каким-то другим героем, я чувствую, — признавался писатель, — что в мою жизнь вошло что-то живое, говорящее, чудесное. Это новый завет, написанный человеком о самом себе, о существе самом сложном, что ни на есть на свете, о самом загадочном, о наиболее достойном любви — о существе, труд и воображение которого создали все, что есть на земле великого и прекрасного».¹

Организаторский талант писателя особенно ярко сказался в его издательской деятельности.

Многие ценные, хорошие книги обязаны своим появлением Горькому. Многих молодых писателей он ввел в «большую» литературу. С 1902 года по 1921 год он стоял во главе трех значительных издательств своего времени — «Знания», «Паруса» и «Всемирной литературы».

Жизнь России за это двадцатилетие ознаменовалась огромными социально-политическими событиями. Рост

¹ М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941, стр. 482.

пролетариата, широкое проникновение марксистских идей, революция 1905 года, мрачная эпоха реакции, новый подъем революционной борьбы, империалистическая война, свержение самодержавия, наконец, великий перелом — Октябрьская социалистическая революция, гражданская война и первые годы Советской власти — вот решающие вехи этого времени.

В чрезвычайно сложной и своеобразной общественно-политической обстановке тех лет, в век социальных катастроф, классовых битв, великих революционных переворотов, Горький всегда был на передовой, возглавляя демократический лагерь реалистической литературы, рассматривая свои издательства как боевые организации, призванные служить интересам народа.

В обширной горьковiane почти не раскрыта эта сторона его деятельности.

В предлагаемой книге автор на основе архивных материалов, газетных и журнальных рецензий современников, эпистолярного и мемуарного наследия стремится показать принципы книгоиздательской деятельности писателя, роль и значение руководимых им издательств.

Товарищество „Знание“

Горький сумел сгруппировать вокруг издательства «Знание» все лучшее, что было среди писателей. Все же гнилое гнал беспощадно и яро.

А. СЕРАФИМОВИЧ

Начало XX века ознаменовано бурным промышленным ростом и активизацией самого революционного класса эпохи — пролетариата, вооруженного идеями марксизма. До крайности обострились классовые противоречия, раскалились политические страсти, что привело к открытой борьбе во всех областях идеологии. Русская литература того времени становится ристалищем, где скрещивают оружие глашатаи враждебных сил.

Большой художник всегда служит эхом эпохи, отражая мысли и чаяния современников. Горький безоговорочно связал свою творческую и человеческую судьбу с революционным классом, защищал его интересы воинственно и страстно. Еще на рубеже двух веков молодой писатель уловил нарождение нового читателя — трудящегося человека, который ищет ответа на коренные вопросы жизни, который хочет «знать, где правда, где справедливость, где искать друзей, кто враг».¹

Всем своим творчеством Горький стремится ответить на эти вопросы, возбудить в людях действенное отношение к жизни, показать лучшее, что есть в человеке, вселить уверенность в будущем. Но как ни прозорлив художник в своем видении мира, один он не может утвердить новую культуру.

Сознавая, что демократия должна создать «свою культуру, свое миропонимание, — прямо противоположное буржуазно-христианскому взгляду на дело жизни...»,² Горький выступил как организатор и собиратель сил демократической литературы всей России.

¹ «Нижегородский листок», 1899, № 329, 30 ноября.

² М. Горький. Собр. соч. В 30-ти т. Т. 28. М., 1954, стр. 226. (В дальнейшем ссылка на это издание будет приводиться в тексте с указанием арабскими цифрами тома и страниц).

М. Горький (1901)

В 90-е годы, почти одновременно с Горьким, начинает печататься, главным образом в газетах, группа талантливых писателей-реалистов: Л. Андреев, И. Бунин, В. Вересаев, С. Гусев-Оренбургский, А. Серафимович, Скиталец, Н. Телешов, Е. Чириков, С. Юшкевич и др. Горький мечтал объединить эту литературную молодежь в каком-то солидном органе, имеющем влияние на демократического читателя страны. Такое объединение диктовалось и необходимостью борьбы с декадентской литературой, уводящей читателя в мир, далекий от реальной действительности, иногда прямо в религиозную мистику. Представители этого искусства группировались преимущественно вокруг московского издательства «Скорпион». Молодые же демократические писатели не имели своей издательской базы. Поэтому Горький охотно принимает предложение К. П. Пятницкого — директора-распорядителя книгоиздательства «Знание» — вступить членом в это товарищество.

Организованное в 1898 году в Петербурге, издательство «Знание»,³ выпускавшее недорогие научно-популярные книги для широких читательских масс, выгодно выделялось среди других издательств того времени. Не случайно М. Горький, пристально следивший за книжным рынком России, сразу же обратил на него внимание. Писателя привлекли в первую очередь универсализм издательства, его просветительский характер, хороший отбор литературы и высокая полиграфическая культура изданий.⁴

4 сентября 1900 года Горького принимают равноправным участником в товарищество, в состав которого входили К. П. Пятницкий, В. А. Поссе, В. Д. Протопопов, Д. Д. Протопопов, О. Н. Попова, В. И. Чарнолусский и Г. А. Фальборк. Участники товарищества в начале 90-х годов активно сотрудничали в Петербургском комитете грамотности, ставившем своей задачей распространение основ просвещения среди крестьян (в 1895 году это либерально-буржуазное просветительное общество было закрыто правительством).

Горький с увлечением отдается заботам о новом издательстве. Он стремится работать для читателя из народа,

³ В. З. Голубев. М. Горький и «Знание». — «Звезда», 1938, № 10, стр. 216—230; Ю. М. Олейников. Горький и «Знание». — Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1947, т. LVIII, стр. 123—239.

⁴ «Нижегородский листок», 1899, № 314, 15 ноября.

только что приобщающегося к культуре. Поэтому он всячески поддерживает универсализм в отборе книг. Предлагает издать ряд книг по философии, социально-экономической тематике. Считает необходимым разъяснять читателю влияние современного капитализма на жизнь общества. Поддерживает идею выпуска книги немецкого буржуазного экономиста В. Зомбарта «Новейший капитализм», усиленно рекомендует серию книжек о фабричном труде врача Н. А. Вигдорчика, высланного в свое время из Нижнего Новгорода за содействие социал-демократическому движению. Настоятельно рекомендует издать книгу по финансовой науке, в которой излагалась бы история роста налогов, форм обложения; считает необходимым издание книг по международному праву, обзор существующих конституций. «Много еще книг надо!» — подводит он итог в письме к Пятницкому от 20—21 июня 1902 года.⁵ И все это множество книг предназначалось для «нового читателя», который «читает все хорошее, носом чует, где оно, и умеет с удивительной ловкостью извлекать из каждой книжки нужное для своего духа» (т. IV, стр. 75).

Писатель убежден, что «нового читателя» необходимо воспитывать в духе национального равенства и братства. И Горький выдвигает идею выпуска сборников литературы грузинской, армянской, еврейской, финской.

Горький выдвигает также программу издания дешевых книжек для народа. Писатель даже предлагает издательству за свой счет создать специальный премиальный фонд в 3—4 тыс. рублей за хорошо подготовленные народные книжки. Будучи в Петербурге в феврале 1901 года, Горький просил И. Е. Репина взять на себя редактуру рисунков для книжек «Дешевой серии». Предполагалось печатать за границей красочные обложки, книжки богато иллюстрировать. «Книжки будут такие, — писал Горький своей жене Е. П. Пешковой, — что все издатели полопаются от злости» (т. 28, стр. 155). Тогда уже намечался выпуск первой серии в 12 книг стоимостью от 3 до 20 копеек.

Осуществить все эти начинания в те годы Горькому не удалось. По правилам товарищества книги могли быть изданы только с согласия всех его членов. Это необычайно тормозило работу, ибо некоторые из них

⁵ «Архив А. М. Горького». Т. IV, М., 1954, стр. 89. (В последующем ссылка на это издание будет даваться в тексте с указанием римской цифрой тома и арабскими цифрами — страниц).

даже не жили в Петербурге. Кроме того, члены товарищества занимались и другими издательскими делами: О. Н. Попова была сама крупной издательницей, В. А. Поссе руководил журналом «Жизнь», Г. А. Фальборк работал в издательстве «Народная польза», и дела «Знания» отходили на второй план.

Реализация издательского плана проходила не всегда гладко. Нередко случались и споры. Особенно острые трения между Горьким и членами товарищества вызвала идея издания произведений современных молодых авторов.

В начале века положение молодых писателей-реалистов было плачевным: книги неизвестных авторов издатели брали с трудом, платили мизерные гонорары, печатали маленькими тиражами, плохо распространяли. Подтверждение этому — мытарства известных впоследствии, а тогда начинающих писателей.

Первую книгу «Очерки и рассказы» А. Серафимович издал в 1901 году в петербургском издательстве Б. Н. Звонарева, преодолев немало препятствий.

И. Бунин был вынужден фактически сам издать свою книжку «Новые стихотворения» всего в 500 экземплярах (хотя номинально и стояла фамилия издателя С. А. Сирмунта).

Обычно по договорным условиям писатель не мог переиздать свою книгу в другом издательстве до тех пор, пока книга не распродана прежним издателем. Поэтому Н. Телешову пришлось выкупить свои первые книги «На тройках» (1895) и «Повести и рассказы» (1899), залежавшиеся у известного издателя И. Д. Сытина. Не без грустной иронии в одном из своих писем он сообщал, что изорвал весь остаток тиража «На тройках», на часть тиража второй книги наклеил новую обложку, а более 300 экземпляров осудил «к смертной казни через повешение на стены под обои».⁶

Объединение молодых прогрессивных писателей-реалистов становилось требованием времени. Необходимость противопоставить свежие демократические силы декадентскому искусству всякого толка, выступившему на литературной арене в конце прошлого и в самом начале XX века, диктовалась нарастанием революционной волны.

⁶ Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ), ф. 44, оп. 2, ед. 125.

Великий пролетарский писатель хотел с помощью «Знания» собрать передовые литературные силы России. Он внимательно и строго просматривал присылаемые Пятницким рукописи, отбирая самое лучшее в идейном и художественном отношении. Идейность, демократизм становились решающим критерием при обсуждении рукописей.

Горький беспощадно отвергал произведения малохудожественные, фальшивые, лишенные общественного значения, антиреалистические. Он забраковал рассказы Н. Полилова, лишенные содержания, «знания жизни, ума» (т. IV, стр. 84), рассказы В. В. Брусянина, не имеющие «общественного значения и художественного интереса» (т. IV, стр. 100), «очень неопределенную» в общественном смысле фигуру Новикова, стихи поэтессы Галиной (Эйнерлинг) по той же причине. Отвергнутых рукописей было множество. Одновременно Горький всячески поддерживал издание произведений А. Серафимовича, Л. Андреева, Е. Чирикова, Н. Телешова, Скитальца.

Члены же товарищества «Знание» довольно неохотно шли на издание молодых демократических писателей. Им были чужды стремления пролетарского писателя сплотить демократический фронт литературы, объявить войну декадентскому искусству.

Разногласия привели к тому, что в январе 1901 года Горький хотел уйти из «Знания» и «затеять свое издательское дело», в котором мог бы выпускать книги, с его точки зрения, ценных писателей. В результате конфликта к концу 1902 года членами товарищества остались только М. Горький и К. Пятницкий.

Человек образованный, оперативный, практичный, отличный организатор, Пятницкий был для Горького хорошим помощником в делах. В эти годы Горький беспредельно доверял Пятницкому. «... Люблю Константина Пятницкого, — писал он Л. Андрееву в ноябре 1904 года, — построенного природой твердо и прочно, как рыцарский замок. В его сильном теле заключена красная душа, душа, горящая всегда спокойно и ровно, как одинокий костер в безлюдной степи, тихой летней ночью».⁷

Горький стал фактически главой издательства, его идейным руководителем. Всю организационную и техническую работу взял на себя Пятницкий.

⁷ Лит. наследство, т. 72. М., 1965, стр. 240.

М. Горький, К. Пятницкий, Скиталец (С. Г. Петров).
Нижний Новгород. 1900—1901

Общественность приветствовала приобретение издательства Горьким. «Писатель, стоящий во главе книгоиздательского дела, испытавший на себе все задержки, трудности и неприятности, ожидающие всякого, кто желал пустить в обращение созданное им произведение, несомненно лучше всякого другого пойдет навстречу нуждам своих собратьев», — писали газеты.⁸

Получив в свои руки такое популярное издательство, как «Знание», Горький начинает активно объединять вокруг него передовых талантливых писателей-реалистов.

А. С. Серафимович, вспоминая те времена, писал: «Превосходный он был организатор! В тяжелые царские времена суметь отобрать, так сказать, отфильтровать лучших писателей и объединить их в таком крупном издательстве, как «Знание», — это большое дело».⁹

Горький был не только идейным руководителем издательства, но вместе с тем и великолепным редактором

⁸ Бова (В. А. Мазуркевич). Писатель, издатель и читатель. — «Петербургский листок», 1902, № 339, 10 декабря.

⁹ А. С. Серафимович. Собр. соч., т. X. М., 1948, стр. 462.

и воспитателем. Все рукописи писатель внимательно прочитывал, делал замечания, правил, а иногда и просто дописывал. Скиталец, над произведениями которого Горький особенно много потрудился, не без основания называл его своим «литературным отцом».¹⁰

«Сильно помог мне в литературном отношении своими всегда дельными советами и указаниями Максим Горький», — писал впоследствии в своих заметках «Из моей жизни» Л. Андреев.¹¹

По совету М. Горького была написана А. Кипеном повесть «В Октябре». Другом-советчиком был М. Горький для А. Серафимовича.

В дарственной надписи Горькому на своей первой книге, изданной «Знанием», Л. Андреев писал: «Ты так же повинен в этой книжке, как и я... я действительно стараюсь подражать... тебе, Алексей Максимович... твоему смелому и благородному духу, твоему прекрасному сердцу, в котором живет ненависть к злему — эта лучшая форма любви к доброму».¹²

С переходом издательства в руки М. Горького оно в первые годы почти целиком переключается на беллетристику.

С первых же шагов издательство набирает большие темпы, каждый месяц выпуска около 20 книг общим тиражом свыше 200 000 экз. Вряд ли какие-нибудь крупные петербургские издательства — А. С. Суворина, А. Ф. Маркса, М. О. Вольфа, «Просвещение», имевшие свои типографии, брошюровочные и переплетные мастерские (чего не было у «Знания»), издали за такой короткий срок столько произведений художественной литературы. Пятницкий сумел проявить свои незаурядные организаторские способности, оперативность, добиться бесперебойного выпуска книг, используя многие типографии.

Успеху «Знания» способствовали необычайная популярность руководителя издательства — М. Горького и то, что книги других авторов, выпускаемые горьковским издательством, были созвучны передовым идеям времени. Книги Горького раскупались буквально за несколько дней. 31 января 1903 года вышла в свет пьеса «На дне». Пятницкий писал Горькому (12 февраля 1903 года): «В тот день, когда открыли продажу пьесы, ни мне, ни

служащим в конторе нельзя было выйти оттуда до 9 часов вечера. Так и сидели без обеда. Не шутя. Цепь покупателей не прерывалась. Все, что успевали привозить брошюровочные, три брошюровочные, расхватывалось в ту же минуту. Это продолжалось несколько дней. Наконец, пришлось прекратить продажу. Из 40 000 остается не более 2000. Книга распродана. Печатаю снова».¹³ А в сентябре того же года из 80 000 экз. этой книги оставалось не распродано всего несколько тысяч.¹⁴

Уже в 1903 году «Знание» выпустило отдельными томами в невиданном для того времени количестве экземпляров сочинения Андреева, Бунина, Горького, Гусева-Оренбургского, Куприна, Серафимовича, Скитальца, Телешова, Чирикова. «Знание» стало как бы боевым центром молодых демократически настроенных писателей-реалистов.

В большинстве своем пресса приветствовала «молодые всходы» — «знаньевцев» и солидаризировалась с мнением критика А. И. Богдановича, отметившего, что каждый из этих писателей «имеет оригинальные, ему одному присущие черты, отличительный знак несомненной талантливости».¹⁵

Популярность издательства была настолько велика, что писатели считали для себя большой честью выпустить книги под маркой «Знания». Даже Куприну, уже стяжавшему себе литературную известность, это было лестно. «Дела мои литературные, — писал он 6 декабря 1902 года Чехову, — так хороши, что боюсь сглазить, «Знание» купило у меня книгу рассказов. Не говоря уж об очень хороших, сравнительно, материальных условиях, — приятно выйти в свет под таким флагом».¹⁶

Если издание художественной литературы не вызвало разногласий у обоих издателей, то книги общественно-политические, которые, хотя и не очень активно, но все же продолжали выходить, — вскрыли некоторые расхождения во взглядах Горького и Пятницкого. Уже в самом начале совместной работы мелкобуржуазный демократизм Пятницкого не замедлил сказаться при отборе книг.

¹³ Архив М. Горького, КГ-П, 63-1-28.

¹⁴ Там же, КГ-П, 63-1-54.

¹⁵ «Мир божий», 1903, № 4, отд. II, стр. 3.

¹⁶ Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Рукописный отдел (ГБЛ), ф. 331, 48.80.

¹⁰ Архив Горького при Институте мировой литературы Академии наук СССР. (Архив М. Горького), КГ-П, 72-1-1.

¹¹ «Журнал для всех», 1903, № 1, стр. 4.

¹² Лит. наследство, т. 72. М., 1965, стр. 125.

Вопреки настойчивой рекомендации Пятницкого, Горький категорически отказал меньшевику П. П. Маслову, который просил поставить фирму издательства (книга издавалась на деньги автора) и принять на склад «Знания» его книгу «Аграрный вопрос в России».¹⁷ Книга не была принята «Знанием».

Горький высказался также против издания книги В. А. Поссе «Германия и ее политическая жизнь». В последней фразе книги автор выражал надежду, что в Германии не произойдет революция. Горький не мог согласиться с таким выводом и считал для своего издательства неприемлемым выпуск подобной литературы. Но Пятницкий, несмотря на протест Горького, книгу Поссе все же издал. Это возмутило Горького.

После этого инцидента «Знание» до первой русской революции не издает политических книг. Горький все свои силы отдает организации литературных сборников (о них мы расскажем ниже).

Различие взглядов, наметившееся в начале совместной деятельности, примет в годы реакции такие острые и непримиримые формы, что приведет к полному разрыву между Горьким и Пятницким.

Горьковское издательство разительно отличалось от буржуазных издательств и своей экономической политикой.

Горький произвел переворот в оплате авторского труда. Впервые в истории русской литературы доход от издания почти целиком шел автору. Насколько это было ошеломляющей переменой в гонорарной практике того времени, свидетельствует такой пример: Л. Андреев получил от «Знания» за свою первую книгу рассказов вместо 300 руб., предложенных ему Сытиным, 5642 руб. 71 коп.

Одну из своих задач «Знание» видело в том, чтобы избавить талантливых авторов от тяжелой обязанности ради хлеба насущного работать торопливо. С этой целью оно ввело в практику ежемесячные авансы в счет гонорара. Когда в конце 1902 года Андреев заболел и не мог работать, «Знание» предложило ему отдохнуть, соглашаясь в течение года каждый месяц высылать ему по 400 рублей. В октябре 1904 года «Знание» само пред-

¹⁷ В свое время В. И. Ленин резко охарактеризовал аграрную программу Маслова как попытку сделки с помещиками. См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 264.

ложило Серафимовичу ежемесячный аванс в размере 100—150 рублей. Издательство ежемесячно авансировало Бунина, Скитальца, Гусева-Оренбургского и др. Более того, Горький высылал ежемесячные авансы писателям, которых не знал, но про которых думал, что они в состоянии написать серьезные, идейно значимые вещи.

По инициативе Горького было повышено и жалование служащим конторы издательства.

Щедрость и доброта Горького были широко известны. Несколько лет подряд «Знание» по его распоряжению высылало нескольким учащимся, подающим, с точки зрения писателя, надежды, ежемесячную стипендию из гонорара Горького. Писатель с готовностью поддерживал материально любое дело на пользу народу, будь то елка для тысячи детей неимущих родителей, или Общество взаимопомощи учителей и учительниц Нижегородской губернии, или организация новой библиотеки и т. п. Он с охотой ссужал деньги в долг писателям, давал их и безвозмездно.

Щедрость Горького, не жалеющего своих личных денег во имя развития прогрессивной русской культуры, была непонятна Пятницкому. Он считал ее расточительностью и неоднократно осуждал писателя. «Деньги текут из Вашего кармана, как вода из решета, — писал он Горькому в сентябре 1901 года. — Вы — чудовище расточительности. Вы — доменная печь, пожирающая рубли корзинами».¹⁸

Стараниями Горького были сделаны шаги к освобождению Чехова от кабальных условий издателя А. Ф. Маркса, по договору с которым писатель обязан был все свои произведения передавать в полную собственность издателя. Чехов не дожидаясь освобождения от этой кабалы, «Знание» сумело издать только одну его пьесу (в благотворительном сборнике, на который подобные условия не распространялись) — и заплатило ему за «Вишневый сад» 5000 рублей (по 1500 рублей за лист). Гонорар в те годы небывалый в России.

Кроме того, «Знание» повысило тиражи книг по сравнению с другими издательствами.

Впервые в истории русского издательского дела, несмотря на отсутствие конвенции, «Знание» обеспечило русским писателям-«знаньевцам» гонорары от иностран-

¹⁸ Архив М. Горького, КГ-П, 62-1-21.

ных издателей и театров. На первых порах «Знание» договаривалось с определенными иностранными переводчиками и издателями, которым пересылались рукописи русских авторов еще до выхода их в свет на русском языке. Переведенные на иностранный язык русские книги издавались как оригинальные, и авторы получали соответствующий гонорар. А с декабря 1905 года русских писателей за границей стало печатать созданное по инициативе М. Горького специальное издательство. Название его, довольно пространное, выражало его назначение — «Книгоиздательство русских авторов И. Ладыжникова, главного представителя в Германии и везде за границей Максима Горького, Леонида Андреева, Евгения Чирикова, С. Юшкевича, А. Куприна, Скитальца».

Публикуя переводы иностранных авторов, «Знание» платило им авторский гонорар, так же как и русским писателям. Все это издательство делало во имя блага писателей, совершенно не преследуя каких-либо коммерческих выгод. Это было необычно и привлекало к издательству писателей.

Но для того, чтобы «не прогореть», издательство «Знание» всячески стремилось удешевить производство книги, запуская одновременно не менее 10—15 книг (типография брала меньше за большой заказ, да и оптовые закупки бумаги и пр. были выгоднее).

Вначале печатали книгу небольшим тиражом (3—5 тыс. экз.). Если книга, благополучно пройдя цензуру, быстро расходилась, печаталось второе издание, которое, как правило, было не последним. Иногда, в первые годы, на титульных листах обозначалось, какая тысяча данной книги выходит в свет. Так, в 1903 году было выпущено 15 изданий пьесы «На дне». Повторные издания выпускались стереотипными, а на титульных листах указывалось, какой тысяче тиража соответствовало число переизданий (3-е издание было 11-й тысячей, 14-е издание — 66-й тысячей и т. д.).

Однако никогда не удешевляли книгу за счет качества. «Знание» под руководством Горького еще более повышает полиграфическую культуру своих изданий.

Книги «Знания» привлекали добротностью, четкостью шрифта, аккуратностью. В письмах тех лет сплошь и рядом встречаются признания, подобные нижеприведенному: «Книжка так прекрасно издана, имеет такой превосходный вид. . . , что все видевшие ее друзья-литераторы искренно меня поздравляют. Спасибо, спасибо

Вам!»,¹⁹ — писал, например, Л. Андреев Пятницкому после выхода своей первой книжки.

С приходом Горького «Знание» приобрело большой авторитет у демократического читателя.

Книги «Знания» сразу же привлекли внимание В. И. Ленина. Из его переписки с матерью известно, что, находясь в 1902 году за границей, он «с очень большим интересом» читал книги Горького и Скитальца. «И сам читал и другим давал».²⁰

Сборники товарищества «Знание» накануне и во время первой русской революции

Наивысшего своего расцвета «Знание» достигло в годы первой русской революции.

Еще накануне революции оно стало регулярно выпускать сборники произведений своих сотрудников.

Это не было новшеством. В России в начале века очень популярны были альманахи — сборники одного литературного направления, с определенной общественно-политической и эстетической программой. Объясняется это тем, что издавать альманахи было проще и легче, чем любое периодическое издание, которое могло увидеть свет лишь после специального разрешения Главного управления по делам печати, а порой и самого министра при обязательной предварительной цензуре.

Альманахи, освобожденные от предварительного разрешения, предоставляли издателю больше возможностей ускользнуть от репрессий. Кроме того, сама организация альманаха была значительно проще. Журналу требовался постоянный состав сотрудников-специалистов, определенный круг читателей-подписчиков; выход в свет журнала был связан со строгими сроками. Издание альманаха не зависело от этих условий.

Все это делало альманахи (сборники) весьма удобной формой для групповых выступлений представителей разнообразных литературных течений и школ, так бурно возникавших в России в первое десятилетие XX века. Декаденты выпустили в 1895 году сборник «Молодая поэзия». А в 1901 году московское издательство «Скор-

¹⁹ Архив М. Горького. П-ка «Зн.», 2-4-7.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 223.

пион» начало выпуск альманаха «Северные цветы». Альманах объявил войну реалистическому искусству, говоря словами его авторов, «мертвящему влиянию материализма в искусстве».

«Скорпионовцы» отрицали всякую общественную функцию искусства, утверждали «чистое искусство», занимающееся только «самоудовлетворением» и «самопостижением».

«Северные цветы» сознательно порывали с демократическими традициями русского классического искусства. Они начали развернутое наступление на лучшие традиции русской литературы.

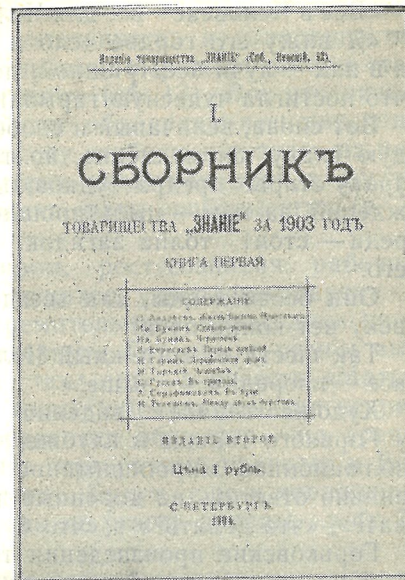
Война была объявлена. Горький понимал, что для успешной борьбы с враждебным лагерем необходимо иметь свой боевой орган. В июне 1901 года правительство закрыло прогрессивный журнал «Жизнь», беллетристический отдел которого он вел. Трудно было рассчитывать на реальную возможность организовать новый журнал. Уже в июле 1901 года у Горького возникает мысль об издании сборника писателей-реалистов. Однако замысел осуществился лишь в 1904 году, когда вышел первый «Сборник товарищества «Знание».

Тщательно отбирая произведения для сборников, Горький ставил непременным условием принципы демократизма, реализма, гуманизма. Это были те «три кита», на которых стояло «Знание».

Первые два сборника вышли в канун первой русской революции. Лейтмотив обоих — решительное обличение господствующего строя, существующих человеческих и социальных отношений. «Знатьевцы» своим творчеством утверждали, что так жить больше нельзя. Более того, они показывали и зреющий в массах безудержный протест.

Перелистаем страницы этих сборников. Против ограниченности, тупости и бесцветности мещанского бытия поднимал свой голос Вересаев в очерке «Перед заветной». Беспощадно обличал ревностного прислужника реакции, педагога-доносчика Куприн в рассказе «Мирное житие». К трагической гибели приводит человека косность, а по сути дела общественный строй в рассказе «На поруках» Чирикова. Все говорит о гнете, о тяжелой жизни, губящей всякие творческие силы («Между двух берегов» Телешова). Звучат и ноты протеста против такой жизни. Вначале это одинокие и стихийные взрывы бунта («В пути» Серафимовича, «Жизнь Василия Фи-

Обложка первого сборника «Знания»

вейского» Андреева), но уже зреют в народе революционные силы, появляются «народные заступники», которые не хотят покорно смириться, а хотят правду брать силой («В приходе» Гусева-Оренбургского), уже слышатся дерзкие речи — надо объединиться для «одного общего дела» («Между двух берегов» Телешова), сопротивляются черносотенному насилию герои повести Юшкевича «Еврей». О зарождении в народе активного социального протеста говорили бодрые и, по выражению цензора, «намекающие на будущее разрушение и освобождение народа»²¹ стихи Скитальца:

Идите же вперед! Вперед, сыны народа!
Я вижу блеск зари, дорога вдаль — светла.

Идейную программу этих сборников воплощает лирико-философский этюд Горького «Человек». Этот сильный и красивый гимн человеку-творцу, воля и разум которого способны изменить мир, был ответом декадентам, провозглашавшим фатальную предопределенность, бесцельность человеческого бытия и обреченность мира.

²¹ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 777, оп. 5, ед. 85.

«Все в Человеке—все для Человека!»—заявил Горький.

«Я вижу его гордое чело и смелые, глубокие глаза, а в них — лучи бесстрашной, мощной Мысли, той Мысли, что постигла чудесную гармонию вселенной...»

Вот снова, величавый и свободный, подняв высоко гордую главу, он медленно, но твердыми шагами идет по праху старых предрассудков, один в седом тумане заблуждений, за ним — пыль прошлого тяжелой тучей, а впереди — стоит толпа загадок, бесстрастно ожидающих его.

Они бесчисленны, как звезды в бездне неба, и Человеку нет конца пути!

Так шествует мятежный Человек — вперед! и — выше! все — вперед! и — выше!»

Художественное видение действительности было у Горького тоньше и глубже, чем у его соратников. Революционное миропонимание помогало писателю правильно ответить на коренные вопросы эпохи: «кто виноват?», «что делать?» и «что будет?».

Горьковские произведения тех лет показывали сложный процесс русской жизни, непримиримость противоборствующих общественных тенденций, неизбежность революционного взрыва.

«Жизнь — борьба рабов за свободу и господ — за власть, и она не может быть мягкой и спокойной, она не будет доброй и красивой, пока есть господа и рабы», — так просто и обнаженно расставляет классовые силы эпохи герой рассказа «Тюрьма» (сб. 4). Горького волнует роль буржуазной интеллигенции в революции. В пьесах «Дачники» (сб. 3), «Варвары» (сб. 9), «Дети солнца» (сб. 7) Горький показывает беспомощность буржуазной интеллигенции, которая не в силах сломить старый мир классовой эксплуатации и построить новую жизнь. Сущность этих людей предельно ясно раскрыта в стихах Власа:

Маленькие, нудные людишки
Ходят по земле моей отчизны,
Ходят и — уныло ищут места,
Где бы можно спрятаться от жизни.
Все хотят дешёвенького счастья,
Сытости, удобств и тишины...

(«Дачники»)

Нет, не им принадлежало будущее!

Сломают старую жизнь и создадут новую иные люди — рабочие, которые не побоятся вступить в борьбу

с «хозяевами жизни» («Враги», сб. 14). Сила рабочих, залог их победы — в их сплоченности и солидарности. Эту мысль писатель символически выражает словом «товарищ» в сказке «Товарищ!» (сб. 13). Вот что писал Горький: «...это слово пришло объединить весь мир, поднять всех людей его на высоту свободы и связать их новыми узами, крепкими узами уважения друг к другу, уважения к свободе человека, ради свободы его» (т. 7, стр. 163).

Борьба со старым миром, рост сознания рабочих и крестьян, сплочение трудящихся, укрепление партии — величественная эпопея стремительного нарастания пролетарской революции развернута Горьким в самом выдающемся произведении тех лет — в повести «Мать» (сб. 16—21). Писатель в живых образах показал непреложность исторического развития общества — на арену выходит рабочий класс, что неотвратимо приведет к Великому Октябрю 1917 года. Будут еще и поражения и жертвы, но «морями крови не угасят правды...» (т. 7, стр. 516).

Повесть имела громадное воспитательное, революционизирующее значение. «Очень своевременная книга», — сказал о «Матери» В. И. Ленин, ибо повесть раскрывала многим рабочим, стихийно участвующим в революционном движении, неизбежность победы рабочего класса. Повесть не утратила своего мобилизующего и воспитательного заряда и в наши дни, когда многие народы сбрасывают с себя оковы рабства. И до тех пор, пока где-либо в мире человек угнетен, повесть Горького будет призывать к борьбе за освобождение. Величайшая правда Горького в том, что русская революция изображалась им как решающий фактор мировой истории.

Своим творчеством, своими взглядами Горький сильно воздействовал на «знаньевцев».

«Знаньевцы» чутко улавливали назревание в стране революционной ситуации. Почти во всех их произведениях чувствовалось неумолимое приближение революционного взрыва. Все слои общества пришли в движение. Бунтует юноша Вася против уездной скуки (рассказ Телешова «Черной ночью», сб. 5), не может смириться с помещанской семейной рутинной героиня пьесы Чирикова («Иван Миронович», сб. 5), бунтуют люмпен-пролетарии против господствующих классов в повести Скитальца «Огарки» (сб. 10), растет протест против насилия и угнетения у героев Гусева-Оренбургского («Страна отцов»,

сб. 4). И даже полицейский — верный страж царизма — не выдержал существующего режима и повесился (Телешов. «Надзиратель», сб. 9).

Не без прямого и непосредственного влияния Горького «знаньевцы» быстро и остро откликались на современные события, создавая произведения, злободневные в лучшем смысле этого слова.

Не случайно прогрессивная газета «Одесские новости» подчеркивала, что по книжкам «Знания» литературный критик со временем сможет восстановить перед собой общественную жизнь эпохи.²²

Сильнейшее общественное звучание приобрели произведения, разоблачающие антинародный характер русско-японской войны. Самым значительным среди них были записки В. Вересаева «На войне» (сб. 17—20). Автору удалось вскрыть империалистический характер войны, ненавистной и чуждой простому русскому народу, бессмысленно гибнущему на полях сражений. Ясно чувствуется приближение революции, в ранее безропотной солдатской массе раздаются грозные предупреждения: «С начальством нашим, дай срок, мы еще разделаемся!»

Правдивая картина дальневосточной авантюры нашла отражение и в таких произведениях, как «Путь» Л. Сулержицкого (сб. 9), «Отступление» Г. Эрастова (сб. 13). Хотя проповедуемый ими пацифизм был далек от исторически правильного взгляда на сущность русско-японской войны, но картина позорной, бессмысленной бойни, бездарности царских вояк убеждала демократического читателя в гнилости самого строя, в неизбежности его краха. Идея этих произведений, как и повести Л. Андреева «Красный смех» (сб. 3), была прямо противоположна официальному взглядам и той верноподданнической литературе, которая наводняла книжный рынок. Естественно, «Московские ведомости» усмотрели даже в повести Андреева «стремление превратить залежи горючего материала... в зарево социального пожара».²³

Центральной темой сборников «Знание» стали революционные события 1905 года.

Многие произведения «знаньевцев» посвящены крестьянским волнениям. Жестоко высекали и посадили в тюрьму «бунтовщиков», которые мирным путем хотели вернуть отобранную у них помещиком землю (Скиталец.

²² «Одесские новости», 1906, № 7015, 29 августа.

²³ «Московские ведомости», 1905, № 50, 19 февраля.

«Полевой суд», сб. 7). На предметных уроках растет сознание народа, и уже мужики силой решают захватить землю (Скиталец. «Лес разгорался», сб. 8), они восстают и громят имение помещика, ибо «жить стало невозможно народу» (Чириков. «Мужики», сб. 8).

Участие рабочих в революции показывали Юшкевич и Серафимович. Активно протестуют трудящиеся еврейские массы против буржуазии (пьесы Юшкевича «Голод», сб. 8; «Король», сб. 14). Революционно последовательны рабочие массы в рассказах Серафимовича. Они не только знают, за что сражаются, но и уверены в своей силе («Похоронный марш», «Среди ночи», сб. 9).

«Братцы, счастье наше в наших руках!» — говорит на тайном митинге один из рабочих. И в сознание слушателей проникала «радость ожидания огромного, всеобъемлющего счастья, грядущего освобождения».

Появление «Сборников товарищества «Знание» стало событием в литературной и общественной жизни страны. Они сплотили демократический фронт литературы.

В противовес декадентам, пасующим перед реальной действительностью, воспевающим небытие

(«И ночь заманчива, и ненавистен день...

Уснуть, навек уснуть! Какое наслажденье!

И разве смерть страшна? Жизнь во сто крат страшней».

К. Бальмонт. «Больной»),

«знаньевцы» не только решительно заявили «нет» старому обществу, но, пусть иногда в робких, туманных представлениях, показали социальное пробуждение народа, его нежелание мириться со старым порядком жизни. Это было очень близко демократическому читателю. И потому успех сборников был колоссальный.²⁴ Небывалые для такого рода изданий тиражи (первый сборник — 33 000, второй — 81 000 экз.) быстро разошлись. А. Серафимович сообщал Пятницкому (30 июня 1904 г.): «Сборник здорово идет в наших городах, в Ростове первый присыл в 200 экземпляров разошелся в 3 дня, в Новочеркасске тоже чрезвычайно интересуются».²⁵ Не меньшим успехом пользовались и последующие «Сборники товарищества «Знание». Вспоминая

²⁴ Об огромной популярности сборников свидетельствуют цифры. За годы революции вышло 17 сборников «Знания» общим тиражом 620 000 экз. Небезынтересно отметить для сравнения, что в то же время тиражи декадентских альманахов не превышали 2000 экз., да и они не расходились полностью.

²⁵ Архив М. Горького, ф. «Знание».

эти годы, Н. Телешов писал в «Записках писателя»: «Успех был необычайный. Книжные магазины не только записывались на них заблаговременно, но и упрашивали знакомых писателей помочь им записаться, чтоб не пропустить очередь. Такого успеха книг я не помню».²⁶

Общественный отклик на сборники был шумным. Пресса различных направлений широко обсуждала на своих страницах их содержание. Оценки были часто диаметрально противоположными, в зависимости от идейно-политических взглядов рецензентов.

Демократическая печать горячо приветствовала сборники, в которых «принимают участие наиболее блестящие представители молодого поколения писателей» и «были напечатаны самые значительные произведения последнего времени».²⁷ Особо отмечалась пропагандистская роль сборников. Большое общественное значение сборников подчеркивалось многими современниками. «Сборники книгоиздательства «Знание», — писала московская газета «Новости дня», — призваны, по-видимому, сыграть значительную роль в современной литературе и общественности. Сгруппировавшийся вокруг них кружок беллетристов соединяет с целями чисто художественными цели общественные».²⁸

Неистово набросилась на сборники декадентская критика, справедливо усмотрев в их авторах своих непримиримых противников в искусстве.

С ненавистью она призывала всех, «любящих русскую литературу», «бороться с влиянием этих сборников».²⁹ «В данное время, — утверждал журнал символистов «Новый путь», — имеет значение в культурно-историческом смысле, главным образом, борьба «декадентов» с «босьяками».³⁰ Нужно отдать справедливость проницательности рецензентов враждебного лагеря, уловивших общественное значение сборников, авторы которых «постоянно призывали к борьбе, к новому».³¹ С особой ненавистью декадентская печать, вкупе с реакционной, громила произведения Горького — руководителя и редак-

²⁶ Н. Телешов. Записки писателя. Рассказы о прошлом и воспоминания. М., 1950, стр. 108.

²⁷ «Всемирный вестник», 1905, № 7, отд. II, стр. 121. См. также: «Правда», 1904, № 6, стр. 263—274; «Русское богатство», 1904, № 8, отд. II, стр. 131.

²⁸ «Новости дня», 1905, № 7884, 17 мая.

²⁹ «Весы», 1905, № 4, стр. 50.

³⁰ «Новый путь», 1904, № 1, стр. 248.

³¹ «Весы», 1905, № 4, стр. 49.

тора этих «Сборников». «С Горького и талант уже начинает слезать, вытираться на нем», — безапелляционно заявила З. Гиппиус.³² К символистским журналам «Новый путь» и «Весы» присоединились реакционно-черносотенные газеты «Новое время» и «Московские ведомости», поносившие Горького за «марксистское мировоззрение», за активное, действенное отношение к жизни во имя борьбы с «вековыми» устоями существующего социального строя. Известный черносотенный критик А. Басаргин патетически восклицал: «Ужасная у нас нарождается «литература»».³³

Группировавшиеся вокруг сборников «Знания» писатели примыкали к левому флангу демократической литературы. Их объединяло резкое оппозиционное отношение к существующему социальному строю.

В годы революции «знаньевцы» находились под сильным воздействием революционного творчества Горького. По признанию А. Куприна, создавая свое лучшее произведение — повесть «Поединок», он испытывал прямое воздействие Горького. «Теперь, наконец, когда уже все окончено, — писал он Горькому, — я могу сказать, что все смелое и буйное в моей повести принадлежит Вам. Если бы Вы знали, как многому я научился от Вас и как я признателен Вам за это».³⁴ Идеинная близость к Горькому сказалась в обличительном пафосе повести, разоблачающей царскую армию с ее тупыми, бездарными, порочными командирами и забитыми, беззащитными солдатами. Не без влияния Горького устами одного из героев Куприн говорит о неизбежности социальных перемен: «Появились новые, смелые, гордые люди; загораются в умах пламенные, свободные мысли».

Свое наиболее художественно зрелое произведение — трагедию «Терновый куст» — Д. Айзман создал под идейным влиянием Горького. «Когда я писал мою пьесу, — вспоминал Айзман, — я чувствовал, что зажег меня Максим Горький, без него «Терновый куст» либо не был бы написан вовсе, либо вышел бы значительно слабее».³⁵ И для С. Юшкевича Горький был учителем жизни.

Влияние Горького сказалось даже на таком зрелом мастере, как И. Бунин. Человеческие и литературные

³² «Новый путь», 1904, № 7, стр. 249.

³³ «Московские ведомости», 1905, № 117, 30 апреля.

³⁴ М. Горький. Материалы и исследования. Т. II. М.—Л., 1936, стр. 417.

³⁵ Там же, стр. 328.

судьбы этих столь различных художников были тесно связаны почти два десятилетия. Бунин был весьма аполитичен. Но Горький чувствовал в нем большой художественный талант и стремился вовлечь его в общественные битвы века. Горький публикует в сборниках «Знания» произведения Бунина, в которых звучат гражданские мотивы. В рассказах «Золотое дно» и «Сны», объединенных общим заглавием «Чернозем» (сб. 1), бунинский мужик уже ждет «перемен», уверенный в том, что в ближайшее время «что-нибудь будет».

Общественное значение приобретали стихи Бунина «Джордано Бруно» (сб. 14), в которых поэт утверждал, что «умерший в рабский век бессмертием венчается — в свободном». Прямым откликом на революционные события 1905 года были стихи Бунина «Пустошь» (сб. 21), в которых поэт — «бессильный свидетель зверств, расстрелов, пыток, казней» — не только оправдывает восставших крестьян, но и намекает на будущее возмездие.

В литературных и общественных кругах того времени М. Горького называли «буревестником революции», а сплотившуюся вокруг него писательскую группу «Созвездием Большого Максима». «Главной крепостью этой непобедимой армады»³⁶ были сборники «Знания».

Но «знаниевцы» в своих произведениях, даже находясь под прямым и непосредственным влиянием Горького, не смогли подняться до революционной пролетарской идеологии Горького. Разоблачая порочные формы буржуазного общества и царского самодержавия, они ясно видели, «кто виноват». Однако не в состоянии были дать ясный ответ, «что делать», как перестроить жизнь по-новому и тем более не могли сказать, «что будет». Они были лишены исторического предвидения, завтрашний день истории был для них загадкой. «Знаевцы» были лишены гениальной прозорливости Горького, истинного певца революции и рабочего класса. Революция, по мнению «знаниевцев», была лишь этапом мелкобуржуазных и интеллигентских политических выступлений и не затрагивала глубинных слоев простого русского народа. Предел их стремлений — буржуазно-демократические преобразования. Говоря словами К. Маркса, они прикладывали к буржуазному режиму «мелкобуржуаз-

Слева направо: С. Г. Скиталец, К. П. Пятницкий (стоит), Л. Н. Андреев, М. Горький, Н. Д. Телешов, Ф. И. Шаляпин, И. А. Бунин, Е. Н. Чириков (стоит). Москва, 1902

ную и мелкокрестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения».³⁷

Чутьем художника один из самых талантливых «знаниевцев» Л. Андреев улавливал революционный дух и глубокую самобытность произведений Горького, чего не доставало многим его соратникам. В письме к Горькому в 1905 году он образно, с присущим ему остроумием, вскрыл своеобразие «знаниевского» блока: «С каким наслаждением прочел я вчера «Тюрьму»... у твоих писаний совсем особенный, очаровательный вкус, благородный, сильный, единственный. И прежде всего: вкус свободы, чего-то вольного, широкого, смелого... Случалось ли тебе, мальчишкой, искать в саду или в поле свергибус, этакую съедобную травку, с горьковатым, острым вкусом, запахом поля — земли, травы, лета? Вообрази, что где-нибудь в Эрмитаже, за ужином со всякой чертовщиной, электричеством, лакеями и литера-

³⁶ «Россия», 1906, № 285, 2 ноября.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 4. М., 1955, стр. 450.

торами, вдруг попал тебе на зуб свергибус — это ты, твои писания. А вот остальные: Найденов — плохо прожаренный, сыроватый ростбиф; Скиталец — лошадиный щавель; Гусев-Оренбургский — кухмистерский суп с вермишелью; Юшкевич — салат из селедочных головок на дрянном прованском масле; Ванечка [Бунин] — воздушный пирог. А я — старый, очень старый, ужасно старый сыр, соответствующе вонючий (не то трупом пахнет, не то портянками), вечно плачущий, но только одним глазом, как и подобает сыру; и те, кто этот сыр могут есть, не понимают тех, кто его есть не может, и наоборот».³⁸

Но несмотря на то, что в своих политических взглядах «знаньевцы», кроме Горького и Серафимовича, не шли дальше широко понятого революционного демократизма, своими произведениями они помогали демократическому читателю осознать необходимость ломки общественного строя. Показывая ростки нового, начало нарождающегося протеста против социальной несправедливости, «знаньевцы» воспитывали революционную активность читателей, тем самым служили делу революции и прогрессивным идеям века.

«Дешевая библиотека»

Распространение хорошей и дешевой книги в народе имело огромное культурно-просветительное значение. Достаточно сказать, что, по данным статистики, в начале XX века провинциальный городской житель в среднем на книгу тратил ежегодно не более 8 копеек (а на водку — 6 рублей!). Особенно широко издавало дешевые книги издательство «Донская речь». (Почти все «знаньевцы», кроме Горького, печатались прежде в «Донской речи»). Большими тиражами издавал книги для народа И. Д. Сытин. Среди них было немало полезных, содействующих народному просвещению и освоению практических знаний, но были и из разряда «Ванькиной литературы», вроде «житий святых», «Повести о приключениях английского милорда Георга», «Подвигов Блюхера». В противовес сытинским изданиям еще в 1900 году Горький предлагал организовать в «Знании» выпуск дешевых изданий.

В 1905 году Горький осуществляет свою давнюю мечту — демократизировать книгу, пустить ее в массы чи-

тателей по небывало дешевой цене, буквально за гроши. Он создает серию «Дешевая библиотека». Перед «Дешевой библиотекой» Горький ставил ленинскую задачу — служить «миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность».³⁹

В беллетристический цикл библиотеки было включено 156 произведений 13 писателей-«знаньевцев» — Горького, Серафимовича, Куприна, Бунина, Андреева, Скитальца, Телешова, Гусева-Оренбургского и др.

Буквально за гроши читатель — рабочий и крестьянин — мог приобрести произведения своего любимого писателя — Горького: «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике», «Человек», «Макар Чудра», «Дед Архип и Ленка», «Челкаш», «Старуха Изергиль», «На плотях», «Коновалов», «Мальва», «Тюрьма» и др. Издаваемые огромными тиражами (книжки Горького — более 50 000 экз., других писателей — до 20 000 экз.), брошюры проникали в самые отдаленные уголки страны.

Внешнему оформлению этих книжек Горький уделял много забот. Брошюры издавались на хорошей бумаге, имели четкую печать и стоили от 2 до 12 копеек.

Пролетарский писатель понимал, что для успеха революции необходимо широко развернуть пропагандистскую и агитационную работу в массах. В доступной и доходчивой форме нужно сказать народу, кто его враг номер один, как с ним бороться, кто его друг и чего может добиться народ своими силами. Наиболее успешно решало такую задачу издание политических брошюр. Поэтому Горький с готовностью поддержал предложение ЦК большевиков организовать в «Дешевой библиотеке» отдел политической марксистской литературы и все расходы по ее изданию взял на себя. Была создана редакционная комиссия, которая должна была отбирать книги для издания. В состав ее входили В. И. Ленин, В. В. Воровский, Л. Б. Красин, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский и др. Печатание и продажу литературы брало на себя издательство.

Вокруг «Знания» объединились лучшие литературные силы большевиков — В. В. Воровский, А. В. Луначарский, В. М. Величкина, А. И. Ульянова-Елизарова, В. П. Ногин, Я. М. Свердлов и др. ЦК большевиков наметал выпустить несколько серий переводных и оригина-

³⁸ Лит. наследство, т. 72. М., 1965, стр. 258—259.

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 104.

нальных брошюр по основным вопросам политической и экономической борьбы пролетариата.

В первую очередь планировался выпуск книг В. И. Ленина «Что делать?», «Аграрный вопрос» и «Критика» Маркса», а также работы М. С. Ольминского «Права Государственной думы» и «О свободе печати», И. И. Скворцова-Степанова «Издали» и др.

Одновременно шла подготовка переводов почти 40 произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля, В. Либкнехта, П. Лафарга, Ф. Меринга и других по стратегическим и тактическим партийным вопросам, по обобщению опыта революционной борьбы европейского пролетариата. Но цензурные гонения, обрушившиеся на прогрессивную печать после поражения декабрьского вооруженного восстания, затормозили работу, и первые издания партийного отдела вышли в свет лишь весной 1906 года. Брошюры выходили большими тиражами — от 15 000 до 30 500 экз.

Издательство очень бережно относилось к текстам переводных политических брошюр. Они печатались полностью, без сокращений и адаптирования, переводы отличались высоким качеством. В. В. Воровский заново, с наибольшей близостью к немецкому оригиналу,⁴⁰ перевел «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, так как существовавший перевод Плеханова не удовлетворял редакцию.

Оригинальные брошюры, изданные «Знанием», посвящались злободневным вопросам социально-политической жизни России и были написаны доступным для малообразованного читателя языком. Так, в брошюре С. Михайловича (Я. М. Свердлова) «Что такое рабочая партия» в популярной форме рассказывалось о законах развития капиталистического общества, о том, что только социалистическая революция избавит рабочий класс от капиталистического рабства, излагались задачи партии пролетариата. В брошюре М. С. Ольминского «Права Государственной думы» разоблачались конституционные думские иллюзии.

С осени 1906 года вновь усиливаются полицейские гонения на печать. В ноябре 1906 года власти полностью уничтожили тираж книги Ж. Гедэ и П. Лафарга «Программа рабочей партии, ее основание и коммента-

⁴⁰ Знаменательно, что это издание неоднократно перепечатывалось и после Великой Октябрьской социалистической революции.

рии к ней». В декабре был наложен арест на книги А. Тюрляна «Парижская Коммуна 1871 г.» и А. Бебеля «Постоянная армия и рабочая милиция».

Во второй половине 1908 года большевистская редакция политических брошюр «Дешевой библиотеки», выпустив 59 названий, фактически прекратила свою деятельность. Причиной тому явились правительственные репрессии: наступление реакции на прогрессивную печать, аресты и конфискации политических книг. Издательство не смогло в этих условиях организовать настоящего распространения политических брошюр. Отрицательную роль сыграло и отсутствие Горького. Из-за преследования царскими властями Горькому в марте 1906 года пришлось покинуть Россию и уехать за границу. Серия политических брошюр без Горького была фактически заморожена. Издательство, чтобы предотвратить неприятности со стороны судебных и полицейских органов, убедило Горького дать якобы фиктивное распоряжение — не продавать брошюры по общественным вопросам. (По существовавшим в то время законам, если конфискуемая книга еще не продавалась, то издатель ее в этом случае не подвергался судебному наказанию).

В годы реакции работники издательства не делали никаких попыток распространять эти книжки среди читателей. Более того, даже в годы нового революционного подъема заведующий конторой С. П. Боголюбов, боясь, что его как единственного представителя фирмы (Горький и Пятницкий находились в Италии) могут привлечь к судебной ответственности за хранение этих брошюр, не включал их в каталоги. На все запросы и заказы людей, знающих об этих брошюрах, он неизменно отвечал отказом. В апреле 1913 года большевистская газета «Правда» с возмущением сообщала, что Боголюбов намеревается продать эти брошюры как сырье на бумажную фабрику. И действительно, Боголюбов просил Пятницкого добиться от Горького письменного распоряжения об уничтожении брошюр, мотивируя тем, что 12 названий политического отдела «Дешевой библиотеки» подлежат конфискации по закону.

Всего в «Дешевой библиотеке» было издано 215 художественных и политических произведений.

В. И. Ленин высоко ценил «Дешевую библиотеку» издательства «Знание». В период нового революционного подъема рабочего движения, в 1911 году, Ленин вспоми-

нал о ней, считая, что наступило время восстановить библиотечку «Знания» (т. 17, стр. 17).

Несмотря на то, что брошюры «Дешевой библиотеки» не были полностью реализованы в свое время, сам факт издания Горьким марксистских брошюр имел огромное политическое значение.

«Знание» в годы реакции

С середины 1906 года реакция постепенно переходила в наступление, отнимая одну за другой свободы, отвоєванные первой русской революцией у царского правительства. Зверски расправлялась реакция с печатью. «Свободной печати объявлена война не на жизнь, а на смерть», — писал В. И. Ленин в статье «Колебания сверху, решимость снизу».⁴¹

Жестокие ограничения и репрессивные меры сковывали деятельность русских издательств.

При отправке книжного багажа по железной дороге в провинцию жандармерия вскрывала почти каждую посылку и часто тут же, на месте, конфисковывала книги. В провинции не давали торговать книгами, закрывали книжные магазины, склады, в самых невинных произведениях властям мерещилась крамола. Дело доходило до курьезов — однажды было конфисковано 8-е издание грамматики Смирновского.

Особенно настороженно власти относились к книгам Горького. В августе 1907 года Петербургский комитет по делам печати возбуждает судебное преследование против 16-го и 18-го сборников «Знания» за опубликованную в них повесть Горького «Мать». На сборники наложен арест. В донесении прокурору сообщалось, что «при чтении повести бросается в глаза полное, ясно выраженное сочувствие автора идеям социалистического учения и выведенным в повести пропагандистам этого учения».⁴²

На «Знание» обрушился каскад цензурных запрещений. Конфискованные полицией книги рвут на куски, бумагу увозят на перемол на фабрику, а издательству еще предъявляется требование оплатить работу по уничтожению книг. Против издателя М. Горького возбужда-

лись судебные преследования.⁴³ Издательство терпело большие убытки. В письмах Боголюбова тех лет часты сетования: «Не знаю, как отвертеться с уплатами, денег осталось немного» (10 августа 1906 года).

«Знание» вынуждено идти на всевозможные ухищрения. Тиражи сборников печатаются частями. Вначале — небольшая часть тиража, а после благополучного разрешения на выпуск сборник допечатывают. В первую очередь издательство удовлетворяло все иногородние запросы; затем, предварительно припрятав в различных местах значительную часть тиража, передавало издание в книжные магазины и начинало продажу при конторе издательства. Но это не спасает экономического положения издательства. Пришлось прекратить регулярную выплату денег писателям. «С Пятницким была отчаянная пальба, — писал 15 марта 1908 года Серафимович поэту И. А. Белоусову, — нету денег, насилиу из горла вырвал 300 рублей».⁴⁴

В эпоху реакции начался постепенный закат «Знания». «Знаниевцы» предложили, во имя спасения своего издательства, реорганизовать его на товарищеских началах. Пятницкий наотрез отказался, не желая свое «дело» отдавать в чьи-либо руки. Это явилось одной из причин падения «Знания». Но главная состояла в том, что наступившая в стране реакция пагубно отразилась на творчестве некоторых писателей-реалистов, в том числе и «знаниевцев».

Книжный рынок был наводнен «модной» продукцией, восхвалявшей культ индивидуализма, извращенности, предательства. Появилось невиданное доселе количество порнографических бульварных сборников на потребу читателю-мещанину. Московская книжная фирма М. Гиппиус издавала дешевые сборники скабрёзных анекдотов, рассказы с «картинками». Сборники другого московского издателя — А. С. Балашова были еще более низкопробными («Бабочки ночные», «Мои любовники», «Ночь любви», «Первая ночь», «Любовь-душка» и пр.). Известный петербургский полубульварный издатель А. А. Каспари выпускал «юмористические» альманахи, которые по содержанию ничем не отличались от названного выше чтива («Улыбка Амура», «Услуги Гименея», «Наши

⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 209.

⁴² ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 9, ед. 1141, л. 2 (об.).

⁴³ К марту 1913 года за издательством «Знание» числилось 23 судебных литературных дела.

⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 457, оп. 1, ед. 189.

Евы», «Наши Адамы», «Запретные плоды» и пр.). Все эти сборники с бьющими в глаза названиями стремились затемнить сознание читателей, развратить чувства.

После поражения революции мелкобуржуазный читатель разуверился в демократических идеалах. Он с удовольствием почитывал книги, авторы которых, в угоду его взглядам и вкусам, поносили высокие идеалы революции, развенчивали человека, воспевали разврат, восхваляли небытие. Некоторые писатели-реалисты под напором реакции отказались от традиций критического реализма. Все чаще в их творчество просачивались элементы мистики, эротики.

Будучи в подавляющем большинстве мелкобуржуазными демократами, «знаниевцы» не смогли в годы реакции удержаться даже на демократической платформе. Бывшие соратники Горького требовали «ревизии» направления сборников «Знания» в угоду «духу времени». С. Юшкевич, активный участник «Знания», неоднократно высказывался, что «Знание» как литературное явление не делает шагов вперед, что сборники в прежнем составе потеряли интерес, что выдвинулись новые имена.⁴⁵

Возмущаясь тем, что в произведениях некоторых «знаниевцев» зазвучали ноты декадентства, Горький едко замечал, что «быть декадентом — стыдно, так же стыдно, как болеть сифилисом» (т. VII, стр. 70).

Продолжая из-за границы руководить издательством, Горький неуклонно требовал придерживаться прогрессивно-демократического реалистического направления. Понимая, что вдали от родины трудно редактировать сборники, Горький решает в качестве соредактора привлечь Л. Андреева. Но политическое и эстетическое кредо Андреева было довольно расплывчатым. Он считал, что необходимо не только расширить и освежить состав сотрудников, но и «тенденцию свести к minimum'у, а то и «совсем на нет»,⁴⁶ «помещать только то, что ведет к освобождению человека». ⁴⁷ Андреев понимал под этим творчество символистов. Горький же твердо продолжал ориентироваться на демократических писателей и резко возразил против приглашения символистов в сборники. «Сборники «Знания» — сборники литературы демократической и для демократии — только с ней и ее силою

человек будет освобожден», — писал он Андрееву 26—30 июля 1907 года.⁴⁸

Пятницкий попытался найти компромиссное решение: выпускать два вида сборников — старые под редакцией Горького и Пятницкого, новые — под редакцией Андреева. Но на это не пошли ни Горький, ни Андреев. Не отредактировав ни одного сборника, Андреев под предлогом болезни отказался от поста редактора. Да и в творчестве самого Л. Андреева в те годы все сильнее звучали ноты неверия в силу человеческого разума, пассивность перед темной стихией чувств. Это было чуждо М. Горькому. «Вы прочитали новые рассказы Леонида? — спрашивал Горький в одном из писем к Пятницкому. — ... На меня они оба произвели отвратительное впечатление, и я рад, что эти грязные вещи появятся не у нас... он — чужой. Его дорога — круто направо. Его задача — показать во всяком человеке прежде всего скота, социальная ценность такого намерения и вредна и погана» (т. IV, стр. 208—209).

Пути бывших друзей разошлись.

Несколько лет спустя, в 1910 году, Л. Андреев признается Пятницкому, что «идейная» связь со «Знанием» у него «давно уже нарушена» и причина этому, по его мнению, «глава «Знания» М. Горький, который «столь резко и прямо» выступил против его творчества.

Сильно подрывали деятельность «Знания» конкурирующие издательства: «Шиповник» и «Московское книгоиздательство».

Петербургское издательство «Шиповник», организованное в 1906 году С. Ю. Копельманом и З. И. Гржебиным, выпускало книги по политике, философии, искусству и литературе (сочинения современных писателей России и Запада). Но известно оно в русской культуре своими альманахами, которые стали издаваться с 1907 года. Альманах «Шиповник» должен был, по мысли его организаторов, вытеснить господствовавшие в литературе и на книжном рынке горьковские сборники «Знания».

Используя идейные колебания писателей-«знаниевцев», а также материальные трудности «Знания», издатели «Шиповника» всячески пытались переманить их в свой альманах и тем самым лишить сборники «Знания» наиболее талантливых сотрудников. «Шиповник»

⁴⁵ ЦГАЛИ, ф. 9, оп. 1, ед. 59; ИРЛИ, ф. 520, ед. 158.

⁴⁶ ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. 50.

⁴⁷ Лит. наследство, т. 72. М., 1965, стр. 284.

⁴⁸ Лит. наследство, т. 72. М., 1965, стр. 288.

установил авторам более высокие гонорары. (Если «Знание» платило за авторский лист в 40 000 знаков 300 руб., то «Шиповник» за лист в 35 000 знаков — 450 руб.).

Особенно настойчиво добивался «Шиповник» сотрудничества Л. Андреева, творчество которого с каждым годом все более и более привлекало внимание публики: иные одобряли его произведения, другие порицали, но все их читали. Л. Андреев был властителем дум мелкобуржуазного читателя, самого многочисленного в России тех лет.

Воспользовавшись принципиальными идейно-теоретическими разногласиями между Горьким и Андреевым, Гржебин добился того, что последний, уйдя из «Знания», перешел в «Шиповник». Л. Андреев надеялся таким путем противопоставить себя Горькому, занять равное с ним место в литературе. Так именно расценил поступок Андреева Горький. «... Он настолько вырос, — писал он в октябре 1907 года, — что пора ему играть самостоятельную роль. Пускай попробует».⁴⁹

«Московское книгоиздательство», во главе которого стоял сын крупного представителя бумажной торговой фирмы — Э. Г. Блюменберг, также активно пыталось конкурировать со «Знанием». Выпускаемые им сборники «Земля» по своему направлению примыкали к альманахам «Шиповника» и не случайно современниками воспринимались как «московская вариация петербургского «Шиповника» или «двоюродный брат альманахов «Шиповника». «Московское книгоиздательство» также стремилось переманить к себе «знаньевцев». Ему удалось привлечь к редактированию первых сборников «Земля» И. Бунина.

В годы реакции из издательства «Знание» ушли Е. Чириков, А. Куприн, В. Вересаев, А. Серафимович, Д. Айзман, С. Юшкевич. Верными издательству до конца остались С. Гусев-Оренбургский, Н. Телешов. Уход ряда талантливых писателей болезненно сказался на сборниках, и Горький даже предложил прекратить их издание.

Горький настойчиво советовал Пятницкому изменить характер сборников, придать им большую боевитость, включив в них критический материал и статьи по философии. Эта реформа была принципиально важна, ибо в годы реакции была запрещена почти вся демократи-

ческая пресса. А буржуазная пресса ополчилась против революционных идей, против традиций передовой русской культуры, полились потоки грязи и лжи, на все лады воспевались мистика и идеализм. Вся эта разнузданная пропаганда преследовала единственную цель — отвлечь массы от революции, внушить мысль, что революция несет только разрушения и страдания.

Горький считал, что отпор «клике бесноватых» (т. 29, стр. 68) в полной мере может дать только «Знание», у которого есть свои традиции и определенный авторитет у демократического читателя.

Писатель мыслил это сделать с помощью нескольких сборников, посвященных отдельным темам или проблемам.

Так, в 1908 году, в связи с 80-летним юбилеем Толстого, был задуман сборник статей о нем. Буржуазная пресса, ранее травившая Толстого, поднимала на щит самые слабые стороны его учения — «непротивление злу насилием». Горький считал необходимым организовать отпор такой однобокой, тенденциозной трактовке великого писателя. В задуманный сборник должны были войти статьи В. Базарова, А. Луначарского, Л. Войтовского, С. Попова и самого Горького.

Кроме литературно-критических сборников, Горький предполагал выпускать и публицистические сборники. Для участия в них он намеревался пригласить виднейших большевиков — В. И. Ленина, И. И. Скворцова-Степанова, А. В. Луначарского, М. Н. Покровского и др.

Для рабочих, только что приобщающихся к знанию, Горький планировал издание специальной общеобразовательной серии книг. Таким образом, Горьким была продумана целая система изданий, противостоящих литературной и политической реакции.

Но все эти замыслы осуществить не удалось. Пятницкий не поддержал инициативы Горького, опасаясь новых преследований правительства, конфискации, новых убытков, а главное, Пятницкий не разделял политической позиции Горького.

Это усугубило назревающий конфликт между издателями.

Горькому удается выпустить только сборник «Очерки философии коллективизма» (1909), в котором была опубликована знаменитая статья писателя «Разрушение личности», направленная против мещанства, ренегатства,

⁴⁹ Архив М. Горького, ПГ-рл, 5-20.

утверждающая неизбежность крушения капитализма и предсказывающая торжество нового творчества, творчества социалистического общества. Но философская часть статьи, написанная под явным влиянием «богостроительных» взглядов А. Богданова — проповедника «новой», «социалистической» религии, была ошибочной. В какой-то мере симпатизируя «богостроительским» идеям, Горький поместил в сборнике статьи А. Богданова и его единомышленников, в которых допускалась ревизия теоретических основ марксизма.

Философские заблуждения Горького этих лет повлекли за собой издание чуждых марксизму философских книг («Приключения одной философской школы» А. Богданова, «Религия и социализм» А. Луначарского, «Вопросы о границах познания» М. Ферворна, «Основные начала биологии» Ф. Ле-Дантека).

В 1908 году Горький намеревался создать даже библиотеку «философии XX века», в которую, кроме книг богдановцев, хотел включить переводы популярных философских брошюр французского биолога Ф. Ле-Дантека «Смех»; французского физика Ле-Бона «Рождение и смерть материи»; Кэнтонна «Начало жизни». Находясь под влиянием идей Богданова, Горький отказался опубликовать в «Знании» книгу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», в которой дана резкая, принципиальная критика философии Богданова.

Неоценимую дружескую помощь в эти годы оказал Горькому В. И. Ленин. В своих письмах к Горькому Ленин терпеливо разъяснял суть его заблуждений, освещал политику и тактику большевистской партии в новых исторических условиях. Под влиянием В. И. Ленина к зиме 1909 года Горький порывает с группой Богданова.

Несмотря на некоторые философские ошибки, общественная позиция Горького-демократа и в годы реакции была незыблемой.

Как и ранее, он не допускал появления на страницах сборников «Знания» произведений социально вредных. Он отказался принять повесть С. Юшкевича «Леон Дрей», стоявшую на грани порнографии, и привлечь к участию в сборниках столпа реакции в литературе — М. Арцыбашева. Отклонил Горький и публикацию романа ренегатствующего писателя В. Винниченко «На весах жизни». Горький дал убийственную характеристику повести, сказав, что «со всех точек зрения — сочинение дрянное» (т. 29, стр. 179), которое внушает чи-

тателю единственную «свежую» мысль: «...нет на свете людей извращеннее, распутнее, бессовестнее и глупее, чем русские революционеры» (т. 29, стр. 178). (Позднее отвергнутые произведения были напечатаны в конкурировавших буржуазных изданиях: в альманахе «Шиповник» и в сборнике «Земля»).

Своими произведениями, опубликованными в сборниках «Знания», Горький стремился пробудить в людях активное, творческое отношение к жизни, вселить уверенность в неизбежности победы рабочего класса. Именно в эти годы в сборниках (16—21) были напечатаны повести «Мать» и «Лето» (27), проникнутые историческим оптимизмом.

Горький ратовал за социально здоровую литературу, отстаивал традиции гуманизма и в письмах к Пятницкому неоднократно развивал эту мысль.

«Я решительно против литературного шарлатанства и цинизма, против торговли чувством и мыслью, против литературы «услужавшей» обывателю-мещанину, который желает и требует, чтобы Куприны, Андреевы и прочие талантливые люди закидали и засыпали вчерашний день всяким хламом, чтобы они избавили обывателя от страха пред завтрашним днем», — писал Горький 17 апреля 1908 года Пятницкому (т. IV, стр. 246). Если раньше, в первые годы совместной работы, у издателей были расхождения в оценках общественно-политической книги, то сейчас возникают разногласия и в отношении к художественным произведениям. Горький был очень возмущен тем, что Пятницкий, даже не поставив его в известность, опубликовал в 21-м сборнике слабый художественно рассказ А. Куприна «Ученик», и неудачное произведение Э. Верхарна «Монастырь», герой которого — отцеубийца — своими покаяниями довел себя до безумия. Пятницкий намеревался печатать в «Знании» и декадента А. Волынского.

Отказ многих «признанных» талантов от широких социальных обобщений, от демократических идей заставил Горького искать новые литературные силы в самом народе. Не жалея труда, Горький внимательно и чутко учил литературному мастерству молодых писателей.

Удивительно мягко Горький умел сказать о недостатках, тут же похвалив за удачный образ, вселить веру в свои силы. В одном из писем к рабочему поэту В. А. Смирнову Горький, предостерегая от подражательности, желал ему «найти самого себя». «Вы умеете пи-

сать картинно и верно: об этом особенно хорошо говорит четвертая строфа стихотворения «Метель». В поэзии, в стихе, — продолжал Горький, — должен главенствовать образ — мысль, данная в нем, сильнее мысли, одетой в слова, да еще в слова слишком зановошенные» (т. 29, стр. 81).

Горький пытался публиковать в сборниках «Знание» произведения начинающих писателей из народа, которые изображали жизнь и чаяния народные. В ноябре 1908 года он послал Пятницкому семь стихотворений В. А. Смирнова с просьбой напечатать те из них, которые «не возбуждают гнева цензуры» (т. IV, стр. 266). К сожалению, ни одно из них не было опубликовано Пятницким.

Горький верил, «что русский пролетариат должен выдвинуть из своей среды новых поэтов — бодрых, сильных, ярких, — новых людей» (т. VII, стр. 69). В писателях из народа он видел передовые силы демократической литературы. И читателя-демократа он по-прежнему считал самым лучшим читателем, а рабочий класс самым ценным в России. Не случайно письма Горького в контору издательства полны просьб-распоряжений выслать книги по адресу простых рабочих. «Сейчас в России я не вижу ничего более ценного, как эти люди»,⁵⁰ — писал он Боголюбову в сентябре 1910 года.

С годами все усугублялись расхождения между Горьким и Пятницким во взглядах на задачи издательства «Знание». В годы реакции особенно отчетливо выявились мелкобуржуазное мировоззрение К. Пятницкого. Он всячески противился попыткам Горького реорганизовать издательство с тем, чтобы оно смогло занять боевые позиции в борьбе с реакционной журналистикой и литературой.

«В «Знании» идет какой-то разброд и разложение, — с сожалением сообщал летом 1909 года Серафимович Белоусову, — что-то у Пятницкого с Горьким неладит. Умирает «Знание», жалко. Не найдется человека, который стал бы преемником».⁵¹

В годы реакции издательство перестало удовлетворять Горького. Расхождения между издателями были настолько серьезны, что уже в январе 1909 года Горький высказывал мысль о необходимости создания нового издательства, более отвечающего требованиям дня. Но

для организации такого издательства у писателя денег не было. Возникла мысль организовать «издательство для широкого круга публики, энциклопедического характера», к которому привлечь И. Д. Сытина как человека, издающего книги для народа. По просьбе Горького весной и осенью 1909 года И. Бунин даже вел переговоры с Сытиным, который одобрительно отнесся к предложению Горького.

Но приезд Пятницкого к Горькому на Капри в августе 1909 года несколько разрядил напряженную обстановку.

И Горький делает попытку поднять «Знание» с тем, чтобы оно вновь вернуло свою роль в общественно-литературной борьбе.

Стараясь оживить сборники «Знания», Горький привлекает к ним новые литературные силы, создавая новый коллектив «знаньевцев». О титанической работе Горького можно судить по той огромной переписке, которую он ведет со своими корреспондентами. В письме к И. С. Шмелеву от 22 февраля 1910 года Горький сообщал, что в истекшем году прочитал 417 рукописей (т. 29, стр. 110).

Требования Горького к присылаемым рукописям остались прежними — реализм, демократизм, гуманизм и отражение основных социально-политических событий современности. Произведения даже известных авторов, не отвечающие этим требованиям, отвергались. По этим причинам «Знание» отказалось принять пьесу Д. Айзмана «Светлый бог», пьесу Е. Чирикова «Белая ворона», цикл рассказов «Пророки» Ш. Аша, рассказ В. Муйжеля «Грех» и др. Вместе с тем на страницах сборников появились новые имена — А. Золотарев, И. Шмелев, С. Кондурушкин, И. Сургучев, И. Касаткин, Ф. Крюков, А. Гольдебаев, Е. Тарасов, И. Воронов, Л. Никифорова, В. Язвицкий и др. Темой творчества этих писателей была тяжкая жизнь русской деревни, пошлость и грубость городской жизни, безрадостная жизнь политических ссыльных, пробуждение «маленького человека» под влиянием революции.

Для писателя, не потерявшего свою гражданскую совесть в годы реакции, было большой честью вступить в ряды «знаньевцев». И. С. Шмелев благодарил издательство в письме от 30 июля 1910 года за то, что оно считало писателя вступившим в число постоянных сотрудников «Знания». «Великим счастьем почту для себя оправдать это крайне лестное положение — идти под

⁵⁰ Архив М. Горького, ПГ-рл, 5-137.

⁵¹ ЦГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. 915.

чистым и высоким знаменем, чувствовать себя хоть немного причастным к славной деятельности, прокладывая светлые пути к светлой и великой цели». ⁵²

Новым писателям Горький уделял много внимания и заботы, старался помочь идейному и художественному росту молодых. Все рукописи Горький внимательно читал и давал обстоятельный разбор-рецензию на каждое произведение. Делал он это не навязчиво, не менторски, а тоном доброго друга, кровно заинтересованного в расцвете общего дела — родной литературы. «... Чуть только увижу трепет нового таланта, — признавался Горький начинающей писательнице Л. А. Никифоровой, — так мне и захочется ковром лечь под ноги ему, дабы легко и без лишней траты сил шел он к своей высоте» (т. 29, стр. 114). И расстилался ковром! Терпеливо учил художественному мастерству. Рецензируя произведения той же Никифоровой, Горький советовал автору изменить поучительный тон, избегать повторений одних и тех же звуковых сочетаний, шипящих и свистящих слогов. Писатель должен в совершенстве владеть своим оружием — художественным словом, ибо «литература... — боевое дело, и чтоб нанести врагу хороший удар», надо отточить свое оружие, чтобы оно было «гибким, острым, ранящим глубоко» (т. 29, стр. 91).

Бодрый, мажорный настрой произведений приветствуется Горьким. Он одобряет молодого неизвестного поэта И. Воронова, хваля его стихи за бодрый тон, хорошую, умную улыбку. Шмелеву внушает, что он способен «спеть прекрасные, тихие, но бодрые песни» (т. 29, стр. 111).

Многие наставления касались методики литературного труда.

На первое место Горький ставит художественную правду. «Пишите так, — советует он Шмелеву, — как будто Вы рассказываете любимейшему человеку, пред которым нельзя сказать ни слова неправды, но который нуждается, чтобы в нем отметили его хорошее, его человеческое!» (т. 29, стр. 111).

Не менее важным для писателя Горький считал умение в настоящем видеть ростки будущего, «найти в жизни общественное, типичное не только для сего дня» (т. 29, стр. 101), «раздуть искры нового в яркие огни» (т. 29, стр. 102). Горький сам глубоко верил в светлое

будущее талантливого, но забитого и замордованного в настоящем русского народа и не уставал это внушать молодым писателям.

«Мы же с Вами пребываем в стране, где сотня миллионов черепов, полных доброго мозга, еще не научились пользоваться силой ононого, еще чуть тлеет этот хороший мозг, — писал он Никифоровой. — И — Вы представьте — вспыхнет, загорится, воссияет? Ведь это же необходимо! Очень я люблю российский народ — в будущем его. Люблю и люблюсь» (т. 29, стр. 103).

Убежденный в том, что успех будущей революции зависит от активности народных масс, Горький стремился своими сборниками посильно помогать освободительному движению. Он знакомит широкие круги передовой общественности с жизнью трудового люда различных уголков родины. На страницах сборников появляются произведения, показывающие жизнь окраинных областей России (Ф. Крюков описывал донское казачество, И. Касаткин — уезды Костромской губернии, С. Кондурушкин — далекий Север, И. Сургучев — Северный Кавказ).

Противники Горького, декаденты и модернисты, продолжали яростно выступать в печати против «Знания» и его идейного руководителя. Зинаида Гиппиус в своем обзоре «Альманахи» писала в 1911 году: «Знание» — это направление с Горьким во главе, — направление, дорожащее собою больше, чем литературой и даже «именами». ⁵³ Лакеи победившей реакции на все лады жевали и пережевывали идею «о конце Горького», которого, якобы, «русская социал-демократическая партия сжевала... без остатка». ⁵⁴ Критик А. Измайлов договорился даже до того, что «конец» Горького наступил сразу же, когда писатель вошел в «Знание». ⁵⁵

Горький вел борьбу с литературным распадом, давал отпор «модным» реакционным альманахам «Шиповник», «Жизнь». В этой борьбе писателя всегда поддерживал В. И. Ленин. «Я тысячу раз согласен с Вами насчет необходимости систематической борьбы с политическим упадочничеством, ренегатством, нытьем и проч., — писал он Горькому. ⁵⁶

⁵³ «Русская мысль», 1911, № 1, отд. III, стр. 207.

⁵⁴ «Весы», 1907, № 7, стр. 58.

⁵⁵ «Новая иллюстрация», 1907, № 18, стр. 141.

⁵⁶ В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. Изд. 2-е, доп. М., 1961, стр. 20.

⁵² Архив М. Горького, ф. «Знание».

Поистине героические усилия, предпринятые Горьким для спасения издательства, ни к чему не привели. Ему не удалось оживить «Знание». В годы реакции книжный рынок заполнили декаденты. Так, издательство «Шиповник» с каждым годом обгоняло по тиражам «Знание».⁵⁷

Пребывание Горького и Пятницкого за границей губительно сказывалось на деятельности издательства. Текущими делами занимались технические работники. Распространялись книги плохо, сборники готовились медленно. Были дни, когда выручка от продажи равнялась 4 рублям. Загородных заказов почти не было, посылки часто возвращались — провинциальные торговцы отказывались их взять. «Знание» шло на всевозможные ухищрения, чтобы уменьшить все возрастающий дефицит. Каждое произведение в сборниках печаталось с отдельной нумерацией страниц, а на сигнатурках указывалось название данного произведения без указания сборника. Если сборник не пройдет через цензуру, те же оттиски можно использовать для отдельных книг писателя, экономя деньги на печать. При конфискации сборника можно было безопасные в цензурном отношении вещи приброшюровать и к другим сборникам. Но все эти приемы не давали существенных результатов. Спрос на книги падал, продажа шла туго.

Характерен отчет издательства, по которому выходило, что для распространения 5000 экз. книги Чирикова издательству требуется почти 11 лет. Книги того же писателя в «Московском издательстве» расходились несравненно быстрее (за полгода было продано более 1600 экз. 2-го тома, а 9-й том разошелся в количестве 3100 экз. менее чем за год).

Серафимович жаловался Белоусову, что его книги в «Знании» расходятся медленно, от трех томов осталось

⁵⁷ За 1908 год «Шиповник» выпустил 279 000 экз. книг общей стоимостью в 202 045 руб., тогда как «Знание» издало 198 183 экз. на сумму 200 636 руб. В 1910 году «Шиповником» было издано 153 500 экз. книг стоимостью в 192 935 руб. В этом же году «Знание» выпустило 103 000 экз. книг на сумму 114 170 руб. Следующий, 1911 год, еще разительнее показал преуспевание издательства «Шиповник». Под маркой этого издательства вышло 233 200 экз. книг на сумму 308 272 руб. «Знанием» же было выпущено всего 66 200 экз. стоимостью в 84 900 руб.

еще 2,5 тысячи, он не знает, как «оттуда вылезет».⁵⁸

По существовавшим договорным условиям авторы не могли переиздавать свои книги в другом издательстве до тех пор, пока они не будут распроданы «Знанием». Поэтому писатели стали выкупать свои книги у «Знания» и продавать их в другие издательства. Так, в конце 1909 года Л. Андреев продал свои сочинения книгоиздательству «Просвещение». В 1911 году была завершена передача книг Д. Айзмана тому же издательству. Выкупил свои книги и Бунин.

Когда выкуп книг стал массовым, «Знание» поставило условие — писатель обязан погасить имеющиеся за ним долги. Такое условие было поставлено Серафимовичу, когда он хотел получить оставшиеся экземпляры своих книг, вернув издательству затраченные на их издание деньги. Так же было и со Скитальцем.

Касса «Знания» совершенно опустела. В 1911 году брату Пятницкого пришлось отдать свои сбережения издательству. Дело дошло до того, что Боголюбов из своих личных денег платил авансы Пришвину, Гусеву, Найденову.

Но, самое главное, — интерес к сборникам «Знания» совершенно упал, книжные магазины или сокращали заказы или совсем отказывались их принимать. Читающая публика стала называть сборники, исключая вещи Горького, никчемными.

Слухи о бедственном положении издательства довольно широко ходили не только в писательской среде, но и в издательской. На Капри стали наведываться другие издатели. Так, в конце 1910 года Горького посетил владелец издательства «Просвещение» Н. С. Цейтлин, предлагая передать ему все книги «Знания». Цейтлин хотел «проглотить» горьковское «Знание», в то время как Горький был согласен использовать «Просвещение» только для распродажи сборников с высокой (40—50%) уступкой.

И. Д. Сытин также хотел приобрести издательство или войти в него пайщиком. В марте 1911 года он приехал на Капри, чтобы переговорить о «Знании». Опытный издатель критиковал практику Пятницкого, который выпускал большие тиражи и тем самым замораживал в нераспроданных книгах большие капиталы и, кроме того,

⁵⁸ ЦГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. 915.

не умел распространять свои издания. Сытин хотел вступить в товарищество «Знание» с паевым взносом в 10 000 руб., и с тем, чтобы получать доходы от всех изданий, в том числе и выпущенных ранее. Это было невыгодно для старых пайщиков, и Пятницкий отказался принять предложение Сытина.

Делается последняя попытка спасти «Знание» своими силами. Для более оперативного издания сборников в качестве редактора был привлечен В. С. Миролюбов, бывший издатель известного в свое время «Журнала для всех». Его же ввели в издательство третьим членом с правом голоса наравне с Горьким и Пятницким. Но и из этой попытки ничего не вышло.

У Горького падает интерес к издательству, он начинает отходить от него. Общественно-политическое оживление в стране требовало создания боевых, оперативных органов. Горький понимал, что с помощью погибающего «Знания» он не сможет наладить издание ни журнала, ни газеты, и поэтому согласился взять на себя редактуру художественного отдела журнала «Современник». Материал для сборников отбирали Пятницкий и Миролюбов. Горький почти не принимал в этом участия, ибо был занят работой для «Современника».

Горький порой слишком прямолинейно проводил свою ориентацию на демократического писателя. Так он выступил против публикации стихов А. Блока, хотя в 10-е годы поэт уже отошел от ортодоксальных символистов и был общепризнанным талантом. Но с мнением Горького не посчитались ни Пятницкий, ни Миролюбов.

В этом признавался в письме к Миролюбову (28 ноября 1911 года) Пятницкий: «Что касается Блока, подаю свой голос за «Осень», «Усталость». В последнем настроении нам чуждое. Но это — Блок. Нельзя же от него требовать, чтобы он чувствовал и говорил, как Горький». ⁵⁹ И в 38-м сборнике были помещены два стихотворения А. Блока — «Осень» (впоследствии печаталось под названием «Там неба осветленный край...») и «Усталость».

Участие Миролюбова не спасло дела. Миролюбов, так же как и Горький и Пятницкий, был в эти годы на положении политического эмигранта и жил за границей. Он активно занимался журналистской работой, редактируя художественные произведения журналов «Заветы»

и «Современник». Иногда ради этих журналов он жертвовал интересами сборников.

Писатели-реалисты, в ту пору сотрудничавшие в сборниках (Касаткин, Разумовский, Гольдебаяев и др.), не оправдали надежд Горького. Его не могло удовлетворить ни их художественное мастерство, ни их идейные настрoения. Годы нового революционного подъема требовали от писателя утверждения положительных идеалов, уверенности в конечной победе пролетариата. «Знание» нового призыва из-за своей идеологической ограниченности и малого таланта не могли уловить прогрессивных тенденций в развитии общества. Они оставались на прежних критических позициях. Единственное, что рецензенты отмечали положительного у «знаньевцев» в эти годы, — отсутствие стилистических кривляний: «нет никаких модернистских изломов и заковык, которые возбуждают желание цитировать известное выражение Салтыкова-Щедрина: «Нет никакой необходимости столь вящще изломиться»». ⁶⁰

Время настоятельно требовало более действенного участия писателей в освободительной борьбе. Необходимо было объединение ведущих писателей-реалистов. «Знание» уже не в силах было это сделать, ибо объединяло второстепенных и третьестепенных писателей, чьи книги публика не хотела читать. Подобрать и объединить вокруг сборников талантлиую молодежь, живя далеко от родины, было невозможно. Даже Л. Андреев в письме к Горькому от 12 августа 1911 года сетовал на то, что Горького нет в России, ибо видел в нем единственного человека, способного «привести молодую литературу к революционному единству», повторить «для русской разбредшейся литературы» «ту же роль, что и тогда со сборниками «Знание»». ⁶¹

Возникла настоятельная необходимость в издательстве, которое объединило бы демократических писателей-реалистов и в то же время действительно защищало их материальные интересы.

Ни один из писателей-демократов не обладал достаточным капиталом для организации нового издательства. Единственно возможной формой было создание издательства на товарищеских началах.

⁶⁰ «Кругозор», 1913, № 2, стр. 265.

⁶¹ Лит. наследство, т. 72. М., 1965, стр. 315.

⁵⁹ ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. 964.

В конце ноября 1911 года в Петербурге было организовано на паевых началах «Издательское товарищество писателей». Ядром первого в России «самоиздательства» писателей были В. Муйжель, Е. Чириков, С. Сергеев-Ценский, Н. Олигер, И. Шмелев, А. Толстой. Писатели, объединившиеся вокруг нового издательства, единодушно указывали на Горького «как на человека, способного стать во главе задуманного дела». По поручению «товарищей», Н. С. Клестов обратился к Горькому с просьбой принять участие в товариществе. Понимая, что Горького в первую очередь будет интересовать идейная основа издательства, Н. Клестов попытался изложить ее, говоря, что члены товарищества объединились под флагом чистой «художественности», что время идеологий прошло, и они не ставят перед собой особых социальных задач, хотя и выступают против писателей, работающих на потребу мещанину.

Горький подверг суровой и резкой критике «философию» Клестова, отвлекавшую внимание писателей от социальных задач искусства во имя чистой художественности. Горький подчеркивал, что «под видом освобождения личности скрыт социальный индифферентизм, пагубный для нас и уже лишивший русскую литературу доверия и внимания со стороны читателя-демократа». Он считал, что для борьбы с развращающим влиянием «литературных лавочников» «несомненно надобно выдвинуть какую-то идейную организацию, для этой цели необходимо объединить людей идеологически».⁶² Горький не верил в успех издательства писателей с неопределенной идейной программой. Он не только не поддержал предложения Клестова о соединении издательства писателей со «Знанием» и создании новых сборников взамен прежних, но и отказался вообще принимать участие в работе нового издательства.

Горький оказался прав. «Издательское товарищество писателей» не смогло выполнить свою основную задачу — объединить писателей-реалистов демократического толка и защитить их профессиональные интересы. Оно просуществовало немногим более двух лет и выпустило в свет один сборник и несколько книг.

Задачу объединения писателей на основе общности идейных интересов попыталось решить «Книгоиздательство писателей в Москве», возникшее в марте 1912 года.

⁶² Архив М. Горького, ПГ-п, 1331/1; ПГ-рл, 18-29-4.

В нем участвовали В. Вересаев, И. Бунин, Н. Телешов, И. Шмелев, И. Белоусов, С. Найденов, А. Серафимович, Н. Крашенинников, Б. Зайцев, А. Черемнов и др.

Бунин и Вересаев обратились к Горькому с просьбой принять активное участие в этом издательстве. Вересаев — редактор издательства — поспешил сразу же отмежеваться от петербургского издательства. «Считаю нужным, — писал он 1 августа 1912 года, — указать Вам, что с этим сумбурным «товариществом», относительно которого, кажется, никто в мире не знает определенно, кто именно состоит в нем «товарищами», — мы не имеем ничего общего».⁶³ Горький откликнулся на просьбы Бунина и Вересаева и выслал издательству свои «Сказки об Италии».

Однако, когда в канун первой мировой войны, в годы правительственной пропаганды идей национализма и шовинизма, Горький предложил «Книгоиздательству писателей» издать сборники «иноплеменной и областной литературы», дело приняло иной оборот. Для писателя выпуск таких сборников «снова и быстро укрепил бы пошатнувшийся моральный и политический престиж русской литературы» (т. 29, стр. 249). Но его предложение не было принято, ибо «Книгоиздательство писателей» и не ставило перед собой таких широких и больших задач.

Горькому, который в своей издательской деятельности никогда не уходил от острых вопросов современности, принципиально было чуждо издательство, замкнувшееся в узких рамках выпуска произведений своих членов. Первые шаги нового издательства не встретили сочувствия Горького: он, в частности, считал, что весьма опрометчиво выпускать книгу В. Л. Львова-Рогачевского «Снова накануне», так как в ней отсутствует историзм, она скучно написана. Горький критиковал издательство и за книгу И. А. Новикова, считая, что «его вдохновения» чисто литературные, что «неонародничество — вообще штука плохо выдуманная и ненужная» (т. VIII, стр. 287). Рецензия Горького на «Рассказы» И. Новикова, опубликованная в «Современнике» (1912, № 12), была не менее сурова.

Считая Горького «самым нужным писателем в настоящее время»⁶⁴ и высоко оценивая присланные им «Сказ-

⁶³ Архив М. Горького, КГ-П, 15-6-8.

⁶⁴ Архив М. Горького, КГ-П, 15-6-11.

ки»,⁶⁵ Вересаев не мог согласиться с его оценками некоторых авторов, издающихся в «Книгоиздательстве писателей в Москве». «Книгоиздательство писателей», пояснил Вересаев Горькому, ставило перед собой очень ограниченные цели — помочь писателям в издании их книг. Поэтому требования к издаваемым книгам должны быть более мягкими в идейном смысле, чем требования «Знания». По мнению руководителей нового издательства, необходимо только, чтобы книга не была антижизненной, антихудожественной и антиобщественной. Такая расплывчатая программа не могла устроить Горького.

Он понял, что не сможет осуществить в «Книгоиздательстве писателей» свои замыслы и обратился к И. П. Ладыжникову и А. Н. Тихонову с просьбой изыскать пути организации нового издательства в России. Предполагалось издание сборников современной беллетристики, литературы малых народностей, дешевых книг для народа.

Ладыжников и Тихонов вели переговоры с рядом лиц. Судовладелец В. М. Каменский писал Горькому, что возможно организовать издательское товарищество, куда вошли бы, помимо него, И. Д. Сытин, волжский пароходовладелец Н. В. Мешков, Ладыжников.

Считая Горького будущим руководителем издательства, Каменский предлагал как официального организатора нового товарищества привлечь И. Бунина. Горький соглашался с этим, но ставил условием непременно издание еженедельника.

Однако дело закончилось неудачей. Мешков после беседы с Г. А. Фальборком, бывшим пайщиком издательства «Знание», стал скептически относиться к идее создания нового издательства. Неудачей окончилась и попытка Ладыжникова договориться с М. В. Сабашниковым. Последний считал необходимым привлечь к активному участию в издательстве символистов, что было неприемлемо для Горького.

В Петербурге Тихонов начал переговоры с либеральной общественной деятельницей С. В. Паниной, но вскоре также убедился в их бесполезности.

Велись переговоры и с Е. А. Ляцким, возглавлявшим

⁶⁵ «Как хорош ансамбль сказок! Сколько в них света и солнца, и физического и духовного, и как это нужно именно в нынешнее время. И как больше начинаешь любить Вас после такой книги». (Архив М. Горького, КГ-П, 15-6-10).

небольшое издательство «Огни». Ляцкий мечтал привлечь Горького в свое издательство, надеясь, что это будет способствовать его расширению. Ляцкий и его компаньоны были согласны и на активное участие в издательстве Ладыжникова, которому поручалось заведовать всей технической частью. Дело разладилось после того, как Горький порвал в начале 1913 года с журналом «Современник», руководители которого отказались ввести в редакционный совет публицистов-большевиков. Вместе с тем Горький разочаровался и в Е. Ляцком, одном из ведущих деятелей редколлегии журнала.

Не прочь был вступить в новое демократическое издательство Ю. И. Лепковский — владелец московского издательства «Печатник». Но этот вариант провалился из-за экономических обстоятельств.

Не дали результатов и переговоры с владельцем большой московской типографии А. А. Левинсоном, главой издательства «Прометей» Н. Н. Михайловым и т. д.

Уклонялся от переговоров о новом издательстве и Сытин, который справедливо полагал, что он не будет в нем полновластным хозяином, а в «коммерческие» способности Ладыжникова и Горького он не верил, и не без оснований — «Знание» стояло на грани катастрофы, да и берлинское издательство Ладыжникова потерпело крах.

Все это приводило Ладыжникова к выводу, что устроить в настоящее время «издательство, в том виде, как предполагалось, нельзя».⁶⁶

И в то же время разрыв Горького с Пятницким назревал все более. Горький считал, что «Знание» замкнулось в издании художественной литературы, а наступивший в стране революционно-общественный подъем усилил потребность в политической, социально-экономической книге. В этом Горький был солидарен с В. И. Лениным, который в 1911 году просил издать в «Знании» свою книгу об аграрном вопросе, книгу К. Каутского, содержащую статьи «Мальтузианство и социализм» и «Вопросы земли», направленные против Маслова, помочь в издании легального журнала. Сам Горький считал, что следовало бы издать статьи М. Павловича (М. Л. Вельтман) о внешней политике. Пятницкий саботировал все предложения Горького.

В политических вопросах Пятницкий никогда не стоял на позициях Горького. За время совместной работы у из-

⁶⁶ Архив М. Горького, КГ-П, 42-1-3.

дателей неоднократно были размолвки из-за общественно-политической книги. Горький твердо стоял за издание книги, с его точки зрения, нужной и полезной в данный исторический момент читателю-демократу. В годы революции это была книга, зовущая в бой с самодержавием, в годы реакции — дающая бой ренегатам всех мастей и оттенков. Горький всегда был в бою. А Пятницкий — по своим политическим симпатиям мелкобуржуазный демократ — был далек от этого. Тем более, что это было сопряжено с цензурным, а следовательно, и судебным риском. С каждым годом разногласия усиливались.

Более того, у издателей оказался и разный взгляд на художественную литературу. Борясь с «литературным распадом», с литературой, услаждающей вкусы мещанской публики, которая разуверилась в демократических идеалах, Горький по-прежнему ориентировался на писателей-реалистов, стоящих на позициях демократизма и гуманизма. Линию эту он проводил твердо, иной раз даже принимая несовершенные по форме, но близкие идейно произведения. Пятницкому были чужды эти задачи Горького.

Ко всему тому еще присовокуплялись запутанные денежные отношения между издателями и всевозможные слухи вокруг этого. Дело дошло до того, что Пятницкий воспротивился дальнейшему изданию собраний сочинений Горького.

Сотрудники издательства осуждали Пятницкого за разлад с Горьким, за нежелание печатать сочинения Горького. В письмах к Пятницкому Боголюбов неоднократно подчеркивал, что «Горького все-таки любит пролетарий, хочет читать и нередко спрашивает, когда же выйдут следующие тома».⁶⁷

Напряжение усугублялось еще и тем, что в 1911 году, в спорах по делам издательства, неожиданно выяснилось, что юридически полным товарищем в издательстве был только Пятницкий, а Горький был, как выразился он в одном из писем, лишь «безголосым вкладчиком». Это явилось для всех неожиданностью.

Назревал крах. Боголюбов в своих письмах 1912 года писал: «книги продаются невообразимо скверно», «мы очень близки к полнейшему краху всего нашего дела», «ничего не издаем, ничего не получаем, в деньгах отказываем», «полнейший застой, все от нас бежит».

⁶⁷ Архив М. Горького, П-ка «Зн.», 9-1-46.

В Россию Пятницкий вернулся лишь после объявления политической амнистии, в сентябре 1913 года. Он стал фактически неработоспособным, не мог учитывать все изменения российского книжного рынка, все дела издательства были переданы в руки технических работников.

Весною 1913 года было уже ясно, что старое «Знание» умирает. В марте Боголюбов решительно заявил, что дело продолжать нельзя, ибо нет ни копейки денег, чтобы принять что-нибудь к изданию. Необходимо было позаботиться о том, чтобы издательство умерло с честью, и возродить его в новом виде. Ладыжников — представитель Горького — предложил передать все книги «Знания» на склад какого-либо издательства, чтобы обеспечить их распространение, а тем самым и постепенное возвращение вложенного капитала.⁶⁸ Но Пятницкий не принял это предложение.

У Горького возникает мысль уговорить Пятницкого продать ему или Сытину свой пай в «Знании» и тем самым создать возможность возрождения издательства. Однако на это Пятницкий не пошел.

Пятницкий хотел во что бы то ни стало сохранить «Знание» и не устраивать шума в связи с уходом Горького из издательства. Горький не возражал, но при условии, что либо Ладыжников займет в издательстве положение человека с правом голоса, взяв часть паев Горького или каким-то иным путем получая вознаграждение за свои труды, либо роль Пятницкого должна быть ограничена рамками издания книг по искусству. Пятницкий на эти условия также не пошел.

Весною 1913 года Горький фактически порвал все деловые отношения со «Знанием», хотя Пятницкий по-прежнему считал его «товарищем» издательства. После ухода Горького из «Знания» оно как издательство прекратило свое существование. Некоторые книготорговцы предлагали купить остатки изданий по весу на макулатуру. Пятницкий все это отверг, пытаясь найти деньги для «развития хорошего, полезного дела».⁶⁹

Критическое положение издательства усугублялось новыми конфискациями. В годы нового революционного

⁶⁸ Номинальная стоимость оставшихся на складе книг составляла 296 889 руб.; распродав их с обычной уступкой в пользу книготорговцев, можно было получить 192 652 руб. 85 коп. А вложено было издателями 125 245 руб. 25 коп., следовательно, издателями была бы получена и известная прибыль.

⁶⁹ ЦГАЛИ, ф. 484, оп. 1, ед. 89.

подъема произведения «знаньевцев», изданные в предшествующие годы, вновь стали представлять реальную угрозу спокойствию самодержавия.

Так, в 1913 году Петербургский комитет по делам печати занялся девятым «Сборником товарищества «Знание», изданным в 1906 году. Комитет писал, в частности, прокурору судебной палаты, что автор рассказа «Похоронный марш» Серафимович «с видимым сочувствием относится и к описанному революционному выступлению рабочих, и к измене солдат долгу службы, воинской присяге, и к бунтарским речам оратора... рассказ «Похоронный марш» несомненно содержит в себе возбуждение к изменническим и бунтовщическим действиям».

Было начато уголовное дело против А. Кипена за его повесть «В октябре», чего не могла сделать царская цензура по отношению к бельгийцу Э. Верхарну за опубликованную «Знанием» пьесу «Зори», хотя оба они обвинялись: «в сочувствии... к насильственному перевороту», в призыве «к свержению существующего в России государственного строя».⁷⁰

3 марта 1916 года оба эти произведения были вырезаны из 63 экземпляров оставшихся на складе сборников, и разорваны на мелкие части.⁷¹

Двумя годами раньше (в октябре 1914 года) были уничтожены конфискованные судом книги Р. Гольста «Всеобщая стачка и социал-демократия» и А. Бебеля «Постоянная армия и народная милиция».

После Февральской буржуазной революции книги «Знания», особенно политические брошюры «Дешевой библиотеки», вновь появились на книжном рынке.

В 1919 году 250 000 нераспроданных книг, оставшиеся на складах издательства, были переданы Наркомату просвещения для народных библиотек.

* * *

Почему погибло «Знание»?

Причину падения и краха издательства «Знание» нужно искать в целом комплексе причин. Разразившаяся после первой русской революции в стране реакция сильно затормозила распространение популярных во время революции и кануна ее книг «знаньевцев». Книги, напечатанные большими тиражами, мертвым капиталом

⁷⁰ ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 22, ед. 38, л. 5.

⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 10, ед. 1968, л. 11.

лежали на складе. Конфискации книг приносили большие убытки.

С 1906 года Горький вынужден был находиться за границей. Это создавало большие трудности в руководстве издательством и поддержании связей с писателями. В 1909 году эмигрировал и Пятницкий. Находясь за границей, он ослабил руководство оперативными делами издательства, по многу месяцев не отвечал на письма и предложения писателей, тем самым часто заставляя их обращаться в другие издательства.

Подорвал популярность издательства и отход от него ведущей группы писателей, сотрудничество бывших «знаньевцев» в конкурирующих издательствах. Решающую роль в крахе «Знания» сыграли все усугублявшиеся принципиальные разногласия по ведению издательских дел в новых исторических условиях между Горьким и Пятницким. Работа их в одном издательстве стала совершенно невозможной.

Между тем нарастание нового революционного подъема требовало от литературы более действенного участия в освободительной борьбе народа. Сборники «Знание» по своему содержанию не могли удовлетворить новым требованиям. Нужны были органы боевые, политически заостренные, быстро откликающиеся на текущие, злободневные вопросы. Такими органами могли быть только газеты и журналы. Это хорошо понимал Горький. Начиная с 1910 года он переходит к активному сотрудничеству в журналах.

* * *

Роль и значение издательства «Знание» в истории русской литературы и общественной мысли трудно переоценить. Невиданный для тех времен тираж сборников «Знания» (1 088 000 экз.) свидетельствовал о большой их популярности. В предреволюционные годы и в годы революции сборники объединили вокруг себя прогрессивных, демократически настроенных писателей-реалистов. Возглавив демократический литературный лагерь, они сыграли большую роль в воспитании общественного самосознания широких слоев читателей.

В тяжелые годы реакции сборники, руководимые М. Горьким, вели упорную борьбу против разложения в литературе, против «литературного распада». Они противостояли реакционной литературе, оплевывающей иде-

алы революции. В этом их огромная общественно-политическая заслуга.

Издательство «Знание» дало культурному миру свыше 400 томов хорошо изданных книг. Оно выпустило 9 томов сочинений Горького тиражом в 396,1 тыс. экз. Отдельными изданиями вышли «Мещане», «На дне», кроме того, в серии «Дешевая библиотека» было издано 36 произведений (34 брошюры) Горького общим тиражом в 1 683 тыс. экз. Уже одним тем, что было дано русскому народу в тяжелых цензурных условиях более 2 млн. книг великого пролетарского писателя, издательство внесло большой вклад в развитие культуры.

Издательство выпустило сочинения Гарина-Михайловского (9 томов), Чирикова (8 томов), Бунина (5 томов), Юшкевича (5 томов), Л. Андреева (4 тома), Се-рафимовича (3 тома), Скитальца (3 тома), Гусева-Оренбургского (3 тома), Елпатьевского (3 тома), Ш. Аша (3 тома), Куприна, Телешова, Айзмана, Найденова, Пришвина и др. Были изданы переводы сочинений классиков украинской литературы Т. Шевченко, И. Франко, В. Стефаника, М. Коцюбинского.

«Знание» издало много произведений западноевропейских писателей (Ибсена, Р. Роллана, Золя, Шелли, Байрона, Гете, Леопарди и др.), античных трагиков (Эсхила, Софокла, Эврипида). Таким образом, издательство «Знание» познакомило демократического читателя с передовой современной литературой, с классиками мировой литературы, с литературой братских народов. Были выпущены книги по искусству (Моррис «Искусство», Р. Мутер «История живописи» в 4-х томах, Бенуа «Русская живопись» и др.), по народному образованию, естественным и общественным наукам.

«Знание» вооружило трудящиеся массы в годы революции марксистской брошюрой, выпуская ее в серии «Дешевая библиотека». Книги издательства широко проникали во все края России: издательство имело связь с 168 магазинами 93 городов России. Произведения «знаньевцев» стали известны и зарубежному читателю через издательство Ладыжникова в Берлине.

Руководя издательством и понимая высокое назначение литературы как идейного оружия в революционной борьбе, Горький проявил себя страстным борцом с аполитизмом, эстетством. Задачу издательства он видел прежде всего в формировании передового общественного сознания и эстетического вкуса. Писатели — наши совре-

менники — высоко ценят роль Горького и его издательства в объединении писателей реалистического направления.

Выступая на расширенной сессии руководящего совета Европейского сообщества писателей, Константин Федин подчеркнул, что «Горький объединял вокруг издательства и сборников «Знания» сильный коллектив русских прозаиков — среди них были Бунин, Куприн. Опорой всего направления оставалась демократическая аудитория интеллигенции и передового городского пролетариата. Реалисты составляли ряды органического противника символизма как в области эстетики, так и политически».⁷²

От «Знания» к «Парусу»

К началу 1913 года Горький располагал всего 5 тыс. рублями, которых, конечно, было мало для новой самостоятельной издательской деятельности. Решено было на эти деньги начать подготовку тематических сборников, содержащих лучшие образцы русской литературы о жизни и быте различных сословий. Молодому писателю Золотареву было поручено за лето составить план двух книжек, посвященных рабочему и мужику. Кроме того, намечалось подготовить смешанный сборник, первая часть которого состояла бы из художественных произведений, в основном уже опубликованных (кроме произведений Горького и Бунина), а вторая — из критических статей об этих произведениях. Необычность содержания сборника должна была привлечь к нему читателей. Тревожило распространениеготавливаемых сборников, ибо не было своей фирмы, своего склада. Возникали различные варианты: использовать издательство «Огни», вступить в переговоры с большевистской газетой «Правда», предложив сборники в качестве премии для годовых подписчиков. Горький хотел это сделать, чтобы поднять тираж «Правды», испытывавшей материальные затруднения.

В мае 1913 года Горького посетил Сытин и вел с ним переговоры относительно нового издательства. Рамки своего дела, очевидно, уже не удовлетворяли его, развертываемые Горьким планы увлекли Сытина своей перспективностью.

⁷² К. Федин. Судьба романа. — «Правда», 1963, № 218, 6 августа.

По воспоминаниям Сытина, писатель критиковал его за выпуск слезливой, ноющей литературы, призывал издавать книгу, которая бы поднимала, бодрила дух народа. Горький считал, что книжный рынок наводнен книгами, проповедующими смирение и подвигничество, между тем народ нуждается в книжке, говорящей ему об обязанностях и правах гражданина и человека.

Однако никаких конструктивных решений не было принято. Летом 1913 года Горький сообщал Тихонову: «Был у меня и Сытин. Это — очень интересно, очень лестно, но — практически — ничего неизвестно и нельзя понять. Хотя предложения сделаны — блестящие и весьма либеральные: «Делайте, что хотите, с кем хотите, средства — какие угодно дам»... И[ван] П[авлович] [Ладыжников] будет вырабатывать условия совместного труда, т. е. совместного в смысле вывески»⁷³.

Горький скептически отнесся к сытинским обещаниям, но тем не менее не хотел упускать возможность осуществить хотя бы часть своих планов. В письме к Сытину (23 июня 1913 года) он подтвердил желание работать с ним и выразил уверенность, что вместе они сделают немало хорошего. Писатель обещал разработать для нового издательства план изданий, а также программу ежемесячника и еженедельника. Все это, по его мнению, могло сразу поставить дело «вполне солидно и морально и материально». Но в этом же письме Горький не случайно оговаривается, что не может сказать ничего определенного о форме своего личного сотрудничества. Писатель был занят в это время организацией беллетристического отдела в марксистском журнале «Просвещение». Не терял он надежды и на создание своего издательства.

Желая выполнить свое обещание — составить издательский план, — Горький запросил у Сытина через М. Ф. Андрееву список всех оригинальных и переводных книг, предложенных Сытину авторами и переводчиками, с тем, чтобы произвести отбор.

Горький считал полезным «укрепиться» в этом издательстве и по возможности взять его в свои руки, что позволило бы сделать его демократическим и осуществить ряд замыслов, в том числе издание новых сборников, которые могли бы заменить «Сборники товарищества «Знание».

⁷³ Горьковские чтения. 1953—1957. М., 1959, стр. 45.

Сытину также хотелось работать с Горьким, но вместе с тем он побаивался радикальных изменений в привычном для него издательском деле и опасался, что руководство Горького «издалека» не будет достаточно эффективным. В ноябре 1913 года Сытин передал через М. Ф. Андрееву, что у него нет денег на финансирование нового издательства. Это, несомненно, было лишь отговоркой. Параллельно М. Ф. Андреева вела переговоры с большевиком В. Д. Бонч-Бруевичем, руководившим петербургским издательством «Жизнь и знание». Издательству этому было очень важно привлечь к активной работе Горького, так как оно втайне лелеяло мечту стать преемником «Знания» в деле объединения демократических писателей. Близкие Горького высказывали надежду, что писатель сможет в издательстве «Жизнь и знание» занять руководящее положение и осуществить свои планы. В октябре 1913 года, когда переговоры с Сытиным затянулись, Андреева писала Горькому: «С Бончем, конечно, книгоиздательство было бы легче строить по твоему желанию».⁷⁴

Но Горький несколько скептически относился к Бонч-Бруевичу. Еще в марте 1913 года, в письме в редакцию журнала «Современник», резко критикуя статью Бонч-Бруевича «Три скапюские рукописи», опубликованную в мартовском номере журнала, Горький, между прочим, писал о Бонч-Бруевиче: «он это делает по легкомыслию, вообще и во всем свойственному его натуре».⁷⁵ По-видимому, именно некоторое недоверие Горького к Бонч-Бруевичу привело к тому, что писатель активного участия в делах издательства «Жизнь и знание» не принимал, если не считать издания своего собрания сочинений.⁷⁶

Издательству «Жизнь и знание» не удалось стать преемником горьковского «Знания» в объединении демократических писателей. Крупнейшие из них тяготели к товариществу «Книгоиздательство писателей в Москве», а впоследствии к возникшему в 1915 году горьковскому издательству «Парус». Надо сказать, что «Жизнь и знание» не было столь взыскательно, как «Знание», в от-

⁷⁴ Мария Федоровна Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М. Ф. Андреевой. М., 1961, стр. 219.

⁷⁵ Архив М. Горького, ПГ-риз, 66/18.

⁷⁶ С 1914 по 1917 год книгоиздательство «Жизнь и знание» издало 11 томов сочинений Горького, продолжающих собрание сочинений, выпущенных «Знанием» (т. X—XX).

боре публикуемых произведений. Оно издавало и типично третьеразрядную беллетристику (А. К. Лозину-Лозинского, С. С. Караскевич-Ющенко, К. и О. Ковальских и др.).

После возвращения на родину (31 декабря 1913 года) Горький по-прежнему искал пути объединения прогрессивных литературных сил. По свидетельству Сытина, он и Горький часто встречались в 1914—1917 годах и много говорили об издательских делах, в том числе и об организации газеты — самой активной и мобильной формы воздействия на общественное сознание.

Понимая, какое огромное влияние оказывали сытинские книги, проникавшие, благодаря отлично налаженной сети распространения, в самые отдаленные уголки России, Горький своими планами, советами и рекомендациями стремился помочь Сытину увеличить художественную и научно-практическую ценность его изданий. Не без воздействия Горького Сытин на своем 50-летнем юбилее заявил, что пришла пора создать «чисто идейное издательство», «которое действительно дало бы настоящую пищу для народа. Я бы умер счастливым, если бы осуществилось это великое, не сытинское, а общественное, дело, которое ждет всех нас».⁷⁷ По-видимому, речь шла об осуществлении разработанного Горьким в 1915 году проекта культурно-просветительского издательства, цель которого — «дать законченные серии книг по всем общественным и научным вопросам, как в форме народных изданий, так и изданий для интеллигенции».⁷⁸ В проекте делался акцент на издание книг сериями и библиотеками, чтобы они не затерялись, а привлекли к себе внимание.

В задуманном издательстве намечалось издание 12 серий: библиотека крестьянина и рабочего; библиотека для детей: учебники, рассчитанные на различные категории учащихся — от учеников сельской школы до студентов университета; библиотека женщины; библиотека гражданина; серии: естественные науки, политика и культура, экономика, литература, искусство, национальные вопросы России. Намечалось также издание литературно-общественного журнала.

Для каждой серии был составлен развернутый план. В «Библиотеке крестьянина», например, предполагалось

издавать брошюры объемом в 1—1,5 авт. л. (стоимостью не дороже 5 коп.) по самым разнообразным вопросам культуры, быта, науки, жизни, религии, права, агротехники, естествознания и т. п., выпускать календари, песенники, картины, а также справочники, книги по истории крестьянства.

Сохранились планы отдельных изданий. Так, в книге «Русский мужик в XIX веке» предполагалось показать отношение мужика к самому себе, высказанное в пословицах, поговорках, сказках; отношение к мужику в дворянской и разночинной литературе, а затем отношение к деревне и мужику в литературе 80—90-х годов. Многообразная и в то же время целеустремленная серия книг «Библиотеки крестьянина» должна была, по мысли Горького, стать энциклопедией крестьянина.

Таким образом, был разработан весьма широкий план изданий для самообразования. Материальные средства издательства складывались из денежных взносов пайщиков. Предусматривалась также возможность замены взносов непосредственной работой в издательстве. Управление делами возлагалось на Правление, состоящее из пяти человек. Для решения вопросов, связанных с авторами и их рукописями, предполагалось создать по каждому разделу Совет из трех человек, который выделял бы одного представителя в Общий совет с правом участия (с совещательным голосом) на заседаниях Правления.

Всему этому не суждено было осуществиться. В условиях буржуазной действительности и царского режима объединение сил прогрессивной интеллигенции и русского капитала для создания культурно-просветительного издательства национального значения было утопией.

⁷⁷ И. Д. Сытин. Жизнь для книги. М., 1960, стр. 250.

⁷⁸ Архив М. Горького, Пл. Г., 1-34-1.

Книгоиздательство „Парус“

«Парус» ставит целью поднять интерес читателя к серьезной литературе.

М. ГОРЬКИЙ

К весне 1915 года Горькому, наконец, удалось организовать в Петрограде свое издательство. Называлось оно «Торговый Дом А. Н. Тихонова и К°, Книгоиздательство «Парус». Имя Горького не упоминалось в официальных документах — не хотелось привлекать к издательству особого внимания цензуры и полиции.

Ближайшими помощниками Горького по издательству были А. Н. Тихонов и И. П. Ладыжников. В письмах к писателям Горький неоднократно подчеркивал, что во главе дела стоит коллектив. «Парус», — писал Горький С. Н. Сергееву-Ценскому, — дело не очень коммерческое, это попытка моя и двух моих товарищей учредить широкое демократическое книгоиздательство» (т. 29, стр. 376). Но душою этого «демократического книгоиздательства» был М. Горький.

«Парус» создавался в дни кровопролитной империалистической войны, в дни двойной (обычной и военной) цензуры. Цензура неистовствовала. Главное управление по делам печати засыпало особыми циркулярами Комитеты и инспекторов по делам печати о повышении «бдительности» и нещадно карало крамольников.¹ В этих условиях истинные цели издательства, разумеется, не могли быть объявлены открыто. В широких литературно-общественных кругах «Парус» воспринимался как продолжатель «Знания». В печати появились сведения, что с осени Горький предпримет издание новых беллетристических сборников, что готовится также серия сборников, посвященных литературам разных народностей.² В действи-

¹ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 15, ед. 353, л. 183.

² «Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии», 1915, № 7, стлб. 102; № 11, стлб. 156.

А. Н. Тихонов. 1916

тельности же Горький ставил перед «Парусом» задачу более широкую: в науке и во всех сферах общественной мысли вскрыть «непримиримые противоречия двух мировоззрений»,³ борьбу материалистических и идеалистических взглядов.

Горький намеревался издательским репертуаром охватить широкий круг проблем философии, политики, социологии, науки, этики и т. д.

Ставилась поистине огромная задача — снабдить читателя-демократа книгами по социально-исторической, политико-экономической, естественнонаучной тематике и современной беллетристикой.

По социально-историческому разделу предполагался выпуск нескольких книг, которые смогли бы, по мысли Горького, «заменить для демократии энциклопедию социально-исторических знаний». Это — «История нравов и обычаев в России», вплоть до 80-х годов XIX столетия, и «История третьего сословия или торгово-промышленного класса в России». Намечался выпуск книг по исто-

³ Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Вып. 2. 1908—1916. М., 1958, стр. 498.

рии всемирной культуры, а также издание «История русской литературы в связи с историей народа» и «Россия в XX столетии».

По политико-экономическому разделу планировалось издание популярных очерков развития главнейших отраслей промышленности мира — «Летописи экономической деятельности мира»; выпуск книг по истории политических учений, среди них книги Кампанеллы, Томаса Мора, «Капитал» К. Маркса, брошюры по истории, внешней политике западноевропейских государств, о быте западноевропейских рабочих; создание популярных историй различных сословий: духовенства, дворянства, крестьянства, пролетариата. Дополнительно Горький считал необходимой серию исторических романов и тематических сборников, которые дали бы представление о том, как художественная литература изображала сословную психологию народа («Мужик», «Дворянин», «Поп», «Чиновник», «Купец», «Офицер», «Солдат»).

В естественнонаучном цикле предполагался выпуск книг по новейшим вопросам науки: атом, электрическая энергия, воздухоплавание и др.

В «Парусе» Горький намеревался хотя бы частично выполнить ранее им разработанную программу универсального издательства.

Горький был убежден, что одна из главных задач времени — просвещение широких демократических слоев. Он полагал, что правильное освещение мирового исторического процесса, в том числе и истории России, не только вскроет истинные причины многих социальных бед, но и поможет поднять революционную активность трудящихся масс. Поэтому он планировал издание книг по широкому кругу исторических проблем.

Горький определял тематику книг, разрабатывал подробные проспекты их, даже намечал авторов. Так, серия «Быт западноевропейских рабочих» должна была всесторонне осветить жизнь рабочих: среднюю продолжительность их жизни, заработок, квартирные условия и питание, отношение к женщине, семье, к товарищам, к образованию, к спорту и т. д. Горький считал необходимым выяснить, какие писатели наиболее популярны в рабочей среде, выявить культурный уровень рабочих, а также степень их политической зрелости (отношение к внешней политике своей страны, к империализму, колониализму), проследить за отражением идей социа-

И. П. Ладыжников в кабинете М. Горького.
Петроград, Кронверкский проспект, 1915

лизма в быте рабочего.⁴ Уровень жизни рабочего на Западе в те годы был значительно выше, чем в России. В большинстве западноевропейских стран рабочие уже добились минимальных демократических прав. Рассказ об этом должен был сыграть, по справедливому замечанию А. Овчаренко, «немаловажную роль в развитии чувства пролетарского интернационализма и укреплении решимости российского пролетариата реорганизовать жизнь».⁵ В качестве авторов серии Горький называл марксистов А. М. Коллонтай и А. В. Луначарского, знакомых с жизнью западноевропейских рабочих.

Многие замыслы Горького не были реализованы не только из-за жесткой военной цензуры, но и потому, что лучшие марксистские публицисты находились в эмиграции, отрезанные от родины полосой огня.

«Парус» просуществовал три года. События огромного социально-политического значения — свержение царизма и Великая Октябрьская социалистическая революция не могли не сказаться на планах Горького. Время вносило в них свои коррективы.

⁴ Архив М. Горького, Пл.-Г., 1-34-3.

⁵ А. Овчаренко. Публицистика М. Горького. М., 1961, стр. 348.

В годы империалистической войны шовинизмом была заражена большая часть народа. Шовинистические настроения охватили и часть пролетариата. Поэтому Горькому важно было вскрыть истинные причины войны. Он особенно тщательно готовил серию брошюр по истории внешней политики западноевропейских государств — «Европа до и во время войны».

В ней предполагалось издать не менее 10 книг: «Государства Западной Европы перед войной», «Современная жизнь и роль финансового капитала в ней», «Германия накануне войны», «Англия накануне войны», «Франция накануне войны», «Роль Азии и Африки в общеевропейской войне», работы об Австрии, Италии, Турции, государствах Балканского полуострова.

Для этих книг Горький составил типовую программу. Брошюры должны были показать, что современный финансовый капитализм является источником войн за передел мира, за захват колониальных рынков и баз сырья. Каждая брошюра должна была стать обвинительным актом «против капитализма как возбудителя катастрофы, переживаемой миром, и указать, что анархическая деятельность капитала не может не хранить в себе зародышей подобных катастроф» (т. 24, стр. 173).

План брошюры «Германия накануне войны», например, требовал показать государственный строй Германии, ее колониальную политику, руководящую роль финансового капитала, психологию правящих классов и т. д. Делался совершенно правильный марксистско-ленинский вывод о неизбежности войн между капиталистическими странами из-за рынков сбыта и баз сырья. «Война вызвана всеми условиями современной анархии производства — самочинно, силою своего внутреннего развития, поставленного в необходимость стремиться к разделу Африки и Азии. Эта анархия питает и долго будет питать идеи и настроения империализма и национализма; особенно развивает и обостряет ее пагубная деятельность финансового капитала»⁶, — писал Горький. Он правильно рассматривал первую мировую войну как империалистическую, грабительскую, захватническую.

Осенью 1915 года Горький просит М. Н. Покровского, жившего в это время в эмиграции, взять на себя редак-

тирование серии с правом расширять и варьировать темы. Писатель знал Покровского как историка-марксиста, при его помощи он хотел связаться и с другими публицистами-марксистами, способными разрабатывать эти темы, не впадая в шовинизм и национализм.

Покровский одобрил начинание Горького, считая тему «в высшей степени насущной», а предложение быть редактором — «большой для себя честью».⁷ Вообще марксисты, жившие за рубежом, воспринимали издательство «Парус» как марксистское. «На днях при встрече с т. Луначарским я узнал об одном марксистском издательстве, во главе которого стоит Максим Горький»⁸, — писал Д. З. Мануильский М. Н. Покровскому.

Горький сам наметил авторов для отдельных брошюр. Так, он рекомендовал Покровскому пригласить для написания брошюры о Румынии — известного деятеля румынского социал-демократического движения Х. Раковского, об Ирландии — большевика В. Керженцева, об Азии и Африке — социал-демократа М. Павловича (М. Л. Вельтмана).

Покровский, в свою очередь, привлек к этой работе левых интернационалистов — А. В. Луначарского, С. А. Лозовского и др.

Брошюру о Франции взялся написать М. Покровский, об Италии — А. Луначарский, об Англии — И. Херасков, об Азии — М. Павлович, о Балканах — Л. Владимиров и др. Однако не было автора для обобщающей вводной брошюры. «Сразу, — вспоминает Покровский, — стал вопрос об общем введении — о вводной брошюре, дающей смысл и освещение всей серии: брошюре об империализме».⁹ Покровский предложил В. И. Ленину написать такую брошюру. Ленин ответил согласием.

В. И. Ленину установление прочных издательских связей в России представлялось очень важным для партии.

Прослышав об издательстве Горького, он попросил сестру — А. И. Ульянову-Елизарову узнать о направлении издательства «Парус». «...Нов[ый] издатель произвел на меня прекр[асное] впечатление, — писала 28 октября 1915 года Ульянова-Елизарова, — очень просил вас кланяться, сказал, что очень любит вас, хотя и ругались где-то. Сейчас он в журнале (Летопись) и в издатель-

⁶ А. Овчаренко. Публицистика М. Горького. М., 1961, стр. 349.

⁷ Архив М. Горького, ПТЛ., 13-4-1.

⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 147, ед. 65.

⁹ О Ленине. Сборник воспоминаний. М., 1927, стр. 78.

стве (Парус) ставит целью 1) борьбу за интернациональность и 2) борьбу со всеми остатками азиатчины в нашей жизни. ...Вообще очень против м[еньшеви]ков». ¹⁰ А. И. Ульянова-Елизарова советует Ленину впредь печататься только в «Парусе».

Однако издательство печатало только небольшие брошюры. Поэтому посланные В. И. Лениным в январе 1916 года рукопись его книги «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Вып. 1. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки» и в феврале 1916 года рукопись брошюры Н. К. Крупской «Народное образование и демократия» из-за больших объемов не были изданы «Парусом». ¹¹

Стремясь использовать любую легальную возможность для публикации своих произведений, В. И. Ленин сразу же согласился с предложением Покровского написать брошюру об империализме. Тем более, что в те годы он работал именно над этой проблемой. Объем брошюры был определен в 5 листов, срок сдачи — 15 июля 1916 года. Ленин начал готовить рукопись в январе 1916 года и окончил ее досрочно — в июне 1916 года.

Ленин предвидел трудности публикации своей брошюры, и не без оснований. Во-первых, на пути стояли цензурные рогатки. Ведь Ленин был «политический эмигрант» и «государственный преступник»! Поэтому брошюра могла выйти лишь под псевдонимом. Важность темы для политического просвещения демократического читателя определила готовность Ленина, во избежание возможных затруднений, «смягчить» и заглавие рукописи. Он писал редактору: «...если неудобно данное, если слово империализм желательно избегать, тогда поставьте: «Основные особенности новейшего капитализма». ¹² Несколько позже, в письме к тому же Покровскому, Ленин предлагал новый вариант заглавия, более узкий: «Новейшие экономические данные о современном капитализме». ¹³ Книга была анонсирована в журнале «Летопись» под «невинным» заглавием: В. Ильин. «Новейший капитализм».

Существовали еще и иные трудности для публикации брошюры Ленина. В эти годы у Горького наметились расхождения с большевиками по некоторым тактическим

вопросам. Горький считал, что империалистическая война нанесла непоправимый ущерб международному рабочему движению: она уносила из жизни лучших борцов. Поэтому на данном этапе нельзя ослаблять внутрипартийными разногласиями международное рабочее движение в борьбе против основного врага — монархии и империализма. Такая точка зрения привела логически к протесту писателя против резкой ленинской критики оппортунистов Каутского и Мартова. Поэтому из брошюры Ленина были устранены все острые определения политических взглядов Каутского и вся критика в адрес Мартова, иными словами все то, что, по мнению Горького, могло послужить разъединению социал-демократов.

До Ленина дошли претензии Горького. В письме к Инессе Арманд 18 декабря 1916 года он с горечью писал: «...издатель (и это Горький! о, теленок!) недоволен резкостями против... кого бы Вы думали?.. Каутского! Хочет списаться со мной!!! И смешно и обидно». ¹⁴ А в письме к редактору брошюры Покровскому (21 декабря 1916 года) Ленин сетовал: «Грустно! Ей-ей, грустно. Зачем? Не лучше ли попросить издателей: напечатайте, господа милые, прямиком: *мы*, издательство, удалили критику Каутского. Право, так бы надо сделать... Я, конечно, вынужден подчиниться издателю, но пускай издатель не боится сказать, чего он хочет и чего он не хочет; пускай издатель отвечает за сокращения, а не я». ¹⁵

В целом же Горький высоко оценил основную идею книги Ленина — разоблачение виновника всех социальных, экономических и политических бед народов — современного империализма. Прочитав рукопись, он тут же пишет восторженный отзыв о ней Покровскому (29 сентября 1916 года): «Да, брошюра Ильинского действительно превосходна, и я вполне согласен с Вами: издавать ее необходимо целиком, но — вне серии». ¹⁶ Покровский же как редактор считал, что книга Ленина должна открыться серию. Между тем, остальные брошюры еще не были закончены. Горький требовал, чтобы все они вышли одновременно, а работу В. И. Ленина задерживать из-за этого не хотел.

¹⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 13, оп. 1, ед. 39.

¹¹ Обе книги вышли в 1917 г. в издательстве «Жизнь и знание».

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 259.

¹³ Там же, стр. 275.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 340.

¹⁵ Там же, стр. 344.

¹⁶ В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. Изд. 2-е, доп. М., 1961, стр. 229.

О горьковской оценке брошюры Ленина свидетельствует и ее тираж — 15 000 экз., в то время как тираж остальных брошюр серии колебался от 7000 до 10 000 экз.

Книга вышла в свет в июле 1917 года под ленинским заглавием «Империализм, как новейший этап капитализма». Заглавие «Новейший капитализм» осталось лишь в самом начале текста брошюры. Марки издательства на книге не было, в выходных данных указан только склад издания: «Книжный склад и магазин «Жизнь и знание». Это была маскировка, ибо большую часть тиража, почти 10 000 экз., «Парус» распространял среди читателей самостоятельно, и только 5500 экз. взял магазин издательства «Жизнь и знание».

«Парус» не издал открыто под своей маркой ни одной политической книги. Объясняется это тем, что Горький, испытывая материальные трудности, вынужден был еще в конце 1916 года и в начале 1917 года привлечь в издательство новых пайщиков-капиталистов. До некоторой степени они связывали руки издателю.¹⁷

Канторские книги «Паруса» говорят о широкой популярности книги Ленина: ее запрашивали из многих населенных пунктов страны. Москва, Брянск, Тверь, Старая Русса, Тамбов, Рига, Казань, Витебск, Гомель, Одесса, Севастополь, Батум, Ставрополь, Николаев, Киселоводск, Луганск, Харьков, Полтава, Таганрог, Тифлис, Ташкент, Уфа, Иркутск и т. д. Среди адресатов, запрашивающих книгу Ленина, были редакция газеты «Забайкальский рабочий» (Чита), Бахмутский комитет РСДРП (25 экз.).

С июля и до конца 1917 года из общего тиража в 15 000 экз. было отдано на комиссию, продано и разослано наложенным платежом 10 433 экз. Все это — яркое свидетельство большой популярности книги Ленина. Уже в 1917 году она не только окупилась себе, но и принесла доход: потрачено на нее было 6628 руб. 57 коп.,

¹⁷ При организации издательства Горький внес 25 000 руб. Примерно через год — 14 октября 1916 года — от Горького в счет основного капитала поступило еще 25 000 руб. По тогдашним ценам этих денег было недостаточно для развития большого издательства, и Горький привлекает к участию в товариществе людей, обладающих капиталом (т. IX, стр. 178—179; ГИАЛО, ф. 1136, оп. 2, ед. 1, 10). Вкладчики имели прямое отношение к промышленному или финансовому капиталу России и вкладывали деньги в издательство, как в любое другое «дело», надеясь, разумеется, получить дивиденды. Имя Горького служило им порукой успешности предприятия.

а получено от продажи — 7230 руб. 60 коп.¹⁸ Из книг, изданных «Парусом», книга Ленина разошлась быстрее всех.

После Февральской революции, которая не принесла народам желаемого мира, Горький по-прежнему выступал с осуждением войны. Он продолжал считать актуальным выпуск брошюр серии «Европа до и во время войны». К концу 1917 года вышли из печати «Азия и ее роль в мировой войне» М. П. Павловича, «Англия до и во время войны» И. М. Хераскова. На титульных листах был указан год издания 1918, а вместо издательства «Парус» обозначено: «Издание газеты «Новая жизнь». То же было указано и на брошюрах М. Н. Покровского «Франция до и во время войны» и Л. Владимиров «Война и Балканы».¹⁹

Также «анонимно», без обозначения издательства, были выпущены «Парусом» в конце 1917 года две брошюры барона Романа Розена «Мир или война во что бы то ни стало?» и «Европейская политика России».

Барон Розен — бывший член Государственного совета, ранее много лет проживший на дипломатической службе, в первой брошюре подверг критике лозунг Временного правительства — «Война до победного конца». Трезво оценивая международное значение революции как «начало пробуждения трудового человечества», для которого империалистическая война несет только страдание и смерть, автор предупреждал, что настанет день «окончательного пробуждения», который будет днем расплаты народных масс с правящими классами. Во избежание «грозного призрака гражданской войны», «грозящей гибелью нашей расы и цивилизации», автор требовал от Временного правительства принять лозунг большевиков — немедленное заключение мира, без аннексий и контрибуций, мира на основе самоопределения народов.

Во второй брошюре «Европейская политика России», содержащей специальную записку — «доверительный меморандум» правительству (октябрь 1912 года) и тексты выступлений автора в Государственном совете, барон Розен, оценивая исторические и экономические условия развития европейских стран, призывал царское правитель-

¹⁸ Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО), ф. 1136, оп. 2, ед. 4. «Книга изданий 1917 г.»

¹⁹ Так же, как в свое время книга Ленина, все эти брошюры были анонсированы в № 7—8 «Летописи» за 1917 г. как серия брошюр под редакцией М. Покровского, издаваемая «Парусом».

ство изменить внешнюю и внутреннюю политику во избежание общеевропейской войны. Когда же война разразилась, автор брошюры полагал, что победа будет возможна лишь в том случае, если Россия порвет с традиционной национальной политикой угнетения и натравливания друг на друга национальных меньшинств. Эта брошюра привлекла Горького прежде всего призывом изменить национальную политику России.

Горькому настолько была ненавистна империалистическая война и великодержавный шовинизм, что он счел возможным издать книги автора-недемократа, выступившего с антишовинистическими и антимилитаристическими идеями, хотя и во имя спасения интересов привилегированных классов.

Из всего задуманного плана изданий по социально-историческим и политико-экономическим вопросам Горькому удалось осуществить только серию брошюр, направленных против империалистической войны. Но и это имело огромное политическое значение.

Литературные сборники

Горький задумал создать «широкое демократическое издательство». В отличие от существовавшего в то время «Книгоиздательства писателей в Москве», он стремился привлечь в «Парус» не только лучших писателей-демократов, но и малоизвестных молодых провинциальных авторов. Он стремился объединить в своем издательстве писателей национальных меньшинств. Он стремился объединить и пролетарских писателей.

Для реализации всех этих планов предполагался регулярный выпуск сборников произведений современных писателей (2—3 выпуска в год), сборников литературы народов России, пролетарских писателей и произведений литературной молодежи, уже опубликованных в журналах. Такой тип издания был экономически выгоден для издательства, платившего мизерные гонорары авторам, а иногда и вообще ничего не платившего за перепечатанный материал. Отбор материала издательство производило соответственно своим общественным и литературным взглядам. Не в накладе были и писатели. Публикация беллетристических произведений в периодической печати имеет не только положительную, но и отрицательную сторону. Журнал и газета, предоставляя писателю

большую читательскую аудиторию, в то же время через сравнительно короткий срок «хоронят» материал от внимания публики. Газета и даже журнал быстро теряют свою свежесть. Книга же не так быстро стареет.

Горький начал деятельность «Паруса» с организации литературного сборника. Летом 1915 года он обратился с просьбой к И. Бунину, И. Шмелеву, К. Треневу, С. Сергееву-Ценскому, М. Пришвину, И. Касаткину, А. Неверову, И. Вольнову прислать для сборников свои произведения. Среди приглашаемых авторов были не только бывшие «знаньевцы» (старого и нового призыва), но и талантливая молодежь, выходцы из крестьян: Тренев, Вольнов, Неверов.

Однако в первый год существования издательства ни один из сборников не вышел в свет. Многие авторы нарушили свои обещания и не прислали материалы, да и Горький был занят созданием нового литературного, научного и политического журнала «Летопись», первый номер которого вышел в декабре.²⁰

Но Горький не оставил своего намерения. В 1916 году он вновь обратился к мысли издавать сборники, теперь уже не только русской, но и зарубежной литературы. В обращении к писателям, разосланном издательством, подчеркивалось, что сборники организуются при ближайшем участии и руководстве М. Горького.

Принципиально важно было противопоставить новые сборники сборникам «Земля», в которых по-прежнему из номера в номер печатались порнографические произведения М. Арцыбашева и присных.

Собирая литературные силы для организации сборников, Горький расширил круг приглашаемых авторов, привлекая молодых писателей-провинциалов. На этот раз среди них, кроме упомянутых, были недавно пришедшие в литературу поэты Э. Герман (Киев), Д. Семеновский (Иваново-Вознесенск) и прозаики сибиряки А. Новоселов и Г. Гребенщиков. Но эти писатели, за исключением Новоселова, не могли тотчас же прислать свои произве-

²⁰ «Летопись» (Пб., 1915—1917) была единственным легальным органом, выступившим против империалистической войны. Новый журнал, организационно хотя и не связанный с издательством «Парус», в некоторой степени осуществлял задачи, поставленные Горьким перед «Парусом» в области политики и науки. На страницах журнала печатались художественные произведения, которые затем публиковались «Парусом» в виде отдельных изданий или же в сборниках, например, «Еврей» М. Гольдшмидта, «В людях» М. Горького, «Тайга» В. Шишкова, «Монарх» П. Милля и др.

дения. Некоторые из них были призваны в действующую армию. Война сказывалась на работе всех. И. Шмелев писал, что «летом, если обстоятельства благоприятствуют»²¹, подготовит рассказ для осеннего сборника. Гребенщиков, находившийся на фронте, писал: «Принять участие в сотрудничестве почту для себя за честь».²² М. Пришвин также выражал готовность писать для сборников: «Благодарю за приглашение участвовать в сборнике «Паруса», — писал он, — и при первой возможности дам материал. Что же касается ближайшего сборника, то категорически обещать не могу, но приму все меры, чтобы к 15 января доставить Вам небольшой очерк или рассказ».²³ Тяжелые условия военного времени привели к тому, что издать сборник не удалось.

Летом 1917 года издательство вновь предприняло попытку издать сборник, который в какой-то степени должен был заменить «Летопись». «Взамен журнала, — писал А. Н. Тихонов Брюсову 13 декабря 1917 года, — мы предполагаем выпускать литературные альманахи».²⁴ В первом из них намечалось поместить пьесу Горького, стихи А. Блока, С. Есенина, рассказы М. Пришвина, Е. Замятина, К. Тренева, стихотворение и рассказ И. Бунина и неопубликованные материалы Н. Некрасова. Круг авторов все более расширяется. Привлекаются талантливые поэты — совсем еще юный Есенин и уже знаменитый Блок. Горький рядом с Блоком! Несколько лет назад Горький выступал против публикации стихов Блока на страницах сборника «Знания». Но Блок 1917 года, создавший прекрасные стихи, проникнутые глубокой любовью к родному народу, близок Горькому.

Однако и эти альманахи не появились. Часть приглашенных писателей группировалась вокруг сборников «Слово» («Книгоиздательство писателей в Москве») и не чувствовала потребности в новом объединении. Попытка Горького создать единый блок писателей, вышедших из народных низов, и буржуазных демократов в те годы оказалась нежизненной.

Успешнее шло объединение пролетарских писателей. Горький сыграл большую роль в организации первых кадров пролетарских литераторов. Вернувшись из эмиграции, он объединил вокруг себя поэтов, группировав-

шихся вокруг большевистской газеты «Правда». При его активном содействии издательство «Прибой» выпустило в 1914 году «Первый сборник пролетарских писателей». В издательстве «Парус» Горький задумал выпустить второй сборник. Недостатка в материалах не было, Горький получал их со всех концов России. Часто авторам, жившим в тяжелейших условиях, не хватало элементарных знаний. И трем редакторам (М. Горькому, А. Чапыгину, А. Тихонову) пришлось много потрудиться, отбирая и редактируя их произведения.

С большой любовью Горький помогал пролетарским писателям, терпеливо учил их трудному писательскому мастерству, старался вселить веру в свои силы.

Кто знает, не будь дружеской поддержки Горького, во время сказанного доброго слова умного учителя, сколько бы одаренных натур погибло!

Известный советский писатель Всеволод Иванов вспоминает, что в 1916 году, работая наборщиком в одном из сибирских городков, он послал Горькому свой рассказ «По Иртышу» и сразу же получил ответ. В письмах к Иванову Горький неустанно повторял о необходимости учиться у писателей-стилистов — Чехова, Тургенева, Лескова; советовал «серьезно заняться самообразованием». Горький внушал, что писатель «не только судья людям, но и кровный их друг». В этом — суть писательской философии Горького, которую он прививал и своим ученикам — пролетарским писателям.

Огромное количество присланных материалов, широкий диапазон тематики произведений, вера авторов в будущее — свидетельствовали о больших возможностях, заложенных в зарождающейся пролетарской литературе.

«Сборник пролетарских писателей», вышедший в 1917 году, был единственным из сборников современной литературы, осуществленных издательством «Парус».

Готовя сборник в военные годы, когда фактически была запрещена рабочая пресса, издательство «Парус» консолидировало силы пролетарских писателей, учило их художественному мастерству, растило пролетарскую интеллигенцию. Кроме того, издательство оказывало пролетарским писателям большую материальную поддержку в форме авторского гонорара.

Из авторов пролетарского сборника двое — Михаил Герасимов и Всеволод Иванов — вошли впоследствии в большую советскую литературу.

²¹ ГИАЛО, ф. 1136, оп. 1, ед. 1, л. 3.

²² Там же, л. 18.

²³ Там же, л. 5.

²⁴ ГБЛ, ф. 386, картон 105, ед. 3, л. 23—24.

В годы империалистической войны, когда в России пышно расцвел великодержавный шовинизм и национализм, национальная проблема становится особенно актуальной.

Горький, солидаризируясь в национальном вопросе с партией большевиков, поднимает свой голос в защиту угнетенных народов. Он считает, что русские писатели должны бороться за полное равноправие всех наций, должны взять на себя инициативу познакомить русского читателя с культурой и литературой других народностей и тем самым укрепить взаимное доверие и сломить национальную узость.

Сразу же после организации «Паруса» Горький занялся подготовкой сборников национальных литератур. Он намечает издание сборников армянской литературы, латышской, литовской, финской, грузинской, татарской, еврейской и украинской.

Для отбора авторов и произведений он создал национальные комитеты. Сборники должны были носить историко-литературный характер, включать лучшие произведения начиная с древнейших времен и до новейшего периода. Текстам предшествовала статья, раскрывающая историю литературы на фоне развития национальной культуры и общественной мысли. Горький ставил перед авторами статей задачу показать богатую, с большими традициями историю национальных литератур. Завершались сборники (кроме армянского) библиографическим списком литературы на русском языке, посвященной истории общественной и культурной жизни данной нации.

Особенно обширна была библиография к «Сборнику финляндской литературы», составленная В. М. Смирновым, возглавлявшим славянский отдел Университетской библиотеки в Гельсингфорсе (в то время он принадлежал к партии большевиков, в его отделе часто находили себе приют русские политические эмигранты). В кратких аннотациях подчас давались оценки литературы. Так, о реакционных книгах М. Бородинки «История Финляндии» сказано, что они «чрезвычайно тенденциозны», о работах большевички А. Коллонтай читаем: «Капитальные труды А. М. Коллонтай по экономическому и социальному вопросу в Финляндии не имеют подобных себе и в финляндской литературе».

Подобный комментарий придавал сборникам не только научный, но и политический характер. Это был новый тип издания, до той поры не встречавшийся в русской

печати, хотя с начала века появился ряд литературных сборников, содержащих переводы произведений национальных писателей. Такой строго научный подход позднее станет характерным для всех горьковских изданий переводной литературы.

В мае 1916 года вышел из печати «Сборник армянской литературы» — первый в серии национальных сборников. Редактором его был Горький.

Готовя следующие сборники, Горький решил привлечь Бунина соредактором по поэтическому разделу. После отказа Бунина Горький с такой просьбой обратился к Брюсову. Тот ответил согласием.

Почему Горький обратился к Брюсову, бывшему вождем символистов, с которыми Горький не однажды вступал в решительные схватки?

Горькому импонировали гуманистические мотивы, появившиеся в эти годы в творчестве Брюсова, его антивоенные стихи, широкий размах его культурно-просветительской деятельности. Горькому хотелось сблизить поэта с передовой демократической литературой.

Высокая культура редакторской работы Брюсова была также известна Горькому. Брюсов, по заданию Московского армянского комитета, составлял сборник «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней». Он прочел множество книг об армянской литературе на французском, немецком, английском, латинском, итальянском языках, ознакомился со всеми русскими переводами армянской поэзии и даже изучил армянский язык.

Брюсов горячо взялся за подготовку поэтических переводов «Сборника латышской литературы». В Петрограде, где находилось издательство, и в Москве, где жил Брюсов, были созданы специальные группы переводчиков. Издательство, после отбора произведений Национальным комитетом, пересылало Брюсову множество подстрочных переводов («про запас»), чтобы дать возможность поэтам-переводчикам выбрать наиболее близкие им стихи и поэмы. Брюсов чрезвычайно взыскательно отбирал для сборников сделанные переводы.

Человек блестящей эрудиции и огромной культуры, Брюсов не мог ограничиться отбором присланных переводов — он высказывал и свое отношение к предлагаемым для перевода авторам.

Национальный комитет решил включить в состав 30 стихотворений Райниса, 10 — Аспазии, 5 — Вейденбаума, 10—15 — Порука, 10—15 — Скальбе, 5 — Курция, 2 —

Барда, 2 — Швабе. Предполагалось дать представление русскому читателю о латышской поэзии с 90-х годов прошлого столетия до последних дней. Среди авторов были поэты, принадлежавшие к пролетарскому, демократическому и национально-буржуазному лагерям. Но в этом перечне не было имен латышских модернистов, на что Брюсов сразу же обратил внимание и предложил включить в сборник для полноты картины представителей так называемого «нового искусства»: Эглитиса, Кенинга и Фаллия. Горький и Национальный комитет согласились показать в сборнике «новое искусство», но ставили непременным условием «в интересах полноты представительства» дать и стихи одного или двух «рабочих поэтов». Подстрочники их произведений были высланы Брюсову с просьбой выбрать что-нибудь для перевода.

В результате вместо восьми в книге были даны стихи шестнадцати поэтов. Латышская поэзия была представлена русскому читателю значительно полнее и разнообразнее. Но Национальный комитет и Горький не сочли возможным включить стихи вождя латышских декадентов В. Эглитиса, который во всем старался копировать своих петроградских и московских учителей.

Возникали у Брюсова некоторые несогласия с Комитетом и по отбору стихов. Брюсову казалось, что рекомендация Комитета не всегда правильна. «...У латышских поэтов,— писал он издательству,— есть произведения более сильные, более яркие, более ценные, чем те, которые переведены и переводятся (по поручению издательства)».²⁵ В отборе стихов и переводов Брюсов отдавал явное предпочтение художественной стороне дела, игнорируя порой общественно-социальную значимость стихов. Характерен инцидент со стихами Райниса. Когда работа переводчиков была завершена (подавляющее большинство стихов было переведено самим В. Брюсовым), и редактор отобрал стихи для публикации, выяснилось, что Райнис прекрасно представлен как лирик, но «его общественно-революционная стихия выражена далеко не полно, а между тем,— подчеркивало издательство,— эта сторона его творчества считается наиболее яркой и сильной».²⁶ Издательство предложило пополнить число переводов Райниса. Основоположник латышской пролетар-

ской поэзии Райнис занял центральное место в сборнике. Цензура запретила стихи Райниса, направленные против самодержавия. Но их успели восстановить и включить в сборник, так как печатался он уже после Февральской революции. «Сборник латышской литературы» впервые достаточно полно ознакомил русское общество с поэзией Райниса.

Работа в «Парусе» содействовала сближению двух больших художников — Горького и Брюсова. Под влиянием обаятельной личности Горького, его умелых и тактичных «поправок», поэт пересмотрел многие свои позиции.²⁷ Горького привлекала в Брюсове необычайная трудоспособность, требовательность и эрудиция. Сотрудничество было плодотворно как для издательства, так и для Брюсова.

Издательство предложило поэту быть редактором и последующих сборников. «Надеемся,— писал Тихонов 25 февраля 1916 года,—...что Вы не откажете помочь нам в этом деле, которому мы придаем большое культурное значение и которому Ваше участие придаст необходимый авторитет».²⁸ В письмах издательства и самого Горького к Брюсову постоянны слова признательности за «доброе, глубокое, идейное отношение», за «ценный труд», за «товарищеское, доброе отношение». Издательство даже считало, что не сможет справиться без участия Брюсова с изданием серии сборников. Год общего труда укрепил их «случайный союз».

Удалось выпустить только три сборника национальных литератур: «Сборник армянской литературы», «Сборник латышской литературы» и «Сборник финляндской литературы». Прозу в двух последних сборниках редактировал Горький.

В целом сборники национальных литератур были встречены прессой одобрительно. «Сборник армянской литературы»,— писал С. Шаумян,— хорошо задуманное и в общем удовлетворительно осуществленное начинание».²⁹

С этой оценкой согласились многие рецензенты. Так, газета «Приазовский край» отмечала, что «начинание

²⁵ Лит. наследство, т. 27—28. М., 1937, стр. 646.

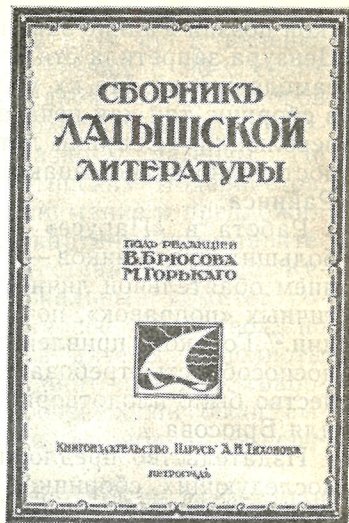
²⁶ ГБЛ, ф. 386, картон 105, ед. 2, л. 13.

²⁷ Достаточно сказать, что Брюсов, в конце концов, покинул буржуазно-националистический журнал «Русская мысль», возглавляемый кадетским лидером Петром Струве.

²⁸ ГБЛ, ф. 386, картон 105, ед. 2, л. 5—6.

²⁹ С. Шаумян. Литературно-критические статьи. Изд. 2-е. М., 1955, стр. 70.

Обложка «Сборника латышской литературы» в издании «Паруса»

составителей сборника нужно признать безусловно удавшимся и нельзя не пожелать сборнику широкого распространения. Издана книга изящно и стоит сравнительно недорого».³⁰

«Финны приветствуют сборник», — писал рецензент финского журнала «Aika» («Время») о «Сборнике финляндской литературы».³¹ В этой же рецензии особо подчеркивались симпатии великого русского писателя к соседнему финскому народу.

Как о первом удачном переводе латышской литературы на русский язык писал о «Сборнике латышской литературы» в газете «Яунайс вардс» Антон Биркерт, будущий заслуженный деятель культуры Латвийской ССР.³² Ян Судрабкалн, ныне народный поэт Латвии, в 1917 году отмечал, что все прежние попытки ознакомить русскую публику с латышской литературой были неудачны. Сборник издательства «Парус» выгодно отличался, по его мнению, серьезностью отбора и художественной ценностью. Удачу издательства он объяснял тем, что в со-

³⁰ «Приазовский край», 1916, № 168, 27 июня; см. также: «Русские ведомости», 1916, № 173, 27 июля.

³¹ «Aika» («Время»), 1917, № 12, стр. 457.

³² А. В. [Antons Birkerts. Latviešu rakstnieki krievu valodā. — «Jaunais Vards», 1917, 6, 8, 9, 10 авг., № 178—181 (Антон Биркерт. Латышские писатели на русском языке. — «Яунайс вардс», 1917, 6, 8, 9, 10 авг., № 178—181).

ставлении сборников принимала участие русская и латышская левая демократия.³³

Автором вводной статьи «Латышское общественно-культурное развитие и латышская литература» был латышский революционный деятель и литературный критик Я. Янсон. Статьи Янсона — первая написанная с марксистских позиций литературоведческая работа о латышской литературе.

Райнис, живший в эмиграции, принял известие о том, что его произведения переводятся в горьковском издательстве, с «большой радостью». Выпуск сборника он расценивал как большое событие в латышской литературе.³⁴ Естественно, диаметрально противоположной точки зрения придерживались правые группировки: декадент В. Эглитис критиковал марксистскую направленность статьи Янсона и общественную направленность сборника.³⁵ К нему присоединился рецензент «Русского богатства»,³⁶ органа полукадетской партии «народных социалистов».

Книга выдержала самое строгое испытание — проверку временем. Не случайно в 30-х годах А. Упит писал, что статья Янсона и весь сборник сделали для популяризации латышской литературы значительно больше, чем все позднейшие попытки писателей вывести латышскую литературу на европейскую арену.³⁷

Нельзя сказать, что все в национальных сборниках было безупречно. Сравнительно малый объем их при большом материале создавал известные трудности отбора как авторов, так и самих произведений. Особенно серьезные упреки были сделаны «Сборнику армянской литературы».

Руководитель армянских большевиков С. Шаумян сразу же обратил внимание на то, что в репертуаре сборника нет произведений пролетарского поэта А. Акопяна. «... Есть у нас, — писал Шаумян, — целый обществен-

³³ Sdrbk. [Jānis Sudrabkalns]. Latviešu dailliteratūras krājums krievu valodā. — «Brivais Strēlnieks», 1917, 15 jūl., № 76. (Ян Судрабкалн. Сборник латышской художественной литературы на русском языке. — «Бривайс стрелниекс», 1917, 15 июня, № 76).

³⁴ Труды Института языка и литературы АН Латвийской ССР, т. IX, 1958, стр. 80—81. (Literatūras vēstures un teorijas jautājumi).

³⁵ Eglītis Vīctors. — «Lidums», 1917, 11 aug., № 182 (Эглитис Виктор. — «Лидумс», 1917, 11 авг., № 182).

³⁶ «Русское богатство», 1918, № 1—3, стр. 371.

³⁷ A. Upīts. J. Jansons-Brauns. Rīgā, 1930, 187 lpp.

ный слой — приходящие к сознанию армянские рабочие, для которых Ак. Акопян — признанный поэт. Он является выразителем горестей и радостей этих рабочих, певцом их труда и борьбы. Если рабочие массы имеют в армянской жизни какое-нибудь значение, то их поэт, несомненно, должен был найти свое место в этом сборнике. Сотрудники Максима Горького не только должны были понять, что это нужно сделать, но и с радостью должны были сделать это. И, несомненно, из написанного Акопом Акопяном в последние годы можно было составить прекрасный букет для сборника».³⁸ Шаумян считал также, что значительно лучший выбор можно было сделать из произведений О. Туманяна и Р. Патканяна. Он справедливо связывал эти недостатки с характером националистического по духу вступительного «Очерка армянской литературы» П. Макинцяна, в котором нет даже упоминания об А. Акопяне и дана пренебрежительная общая оценка пролетарской литературы (стр. 11).

Серьезный упрек можно было сделать и финскому сборнику. В нем не был представлен виднейший писатель-демократ М. Лассила (А. Унтола), в 1918 году зверски убитый «при попытке к бегству» финскими белогвардейцами. О нем ни слова не сказано и в статье В. Таркианен «Очерк истории финляндской литературы».

В печати критиковалось качество стихотворных переводов. «... Многие переводы являются лишь отдаленным подобием оригиналов. Лучшими переводами армянских поэтов следует считать переводы В. Брюсова и Мариэтты Шагинян», — заявлял рецензент «Приазовского края».³⁹ Антон Биркерт подверг критике переводы произведений латышской поэтессы Аспазии, выполненные В. Спасским, Н. Ашукиным, В. Ходасевичем, С. Шервинским и др.⁴⁰

Значение национальных сборников, изданных «Парусом», заключалось при всех их недостатках не только в том, что они ознакомили русскую читающую публику с художественной литературой других народов, но и

³⁸ С. Шаумян. Литературно-критические статьи. Изд. 2-е. М., 1955, стр. 66.

³⁹ «Приазовский край», 1916, № 168, 27 июня.

⁴⁰ А. В. [Antons Birkerts]. Latviešu rakstnieki krievu valodā. — «Jaunais Vards», 1917, 6, 8, 9, 10 авг., № 178—181. (Антон Биркерт. Латышские писатели на русском языке. — «Яунайс вардс», 1917, 6, 8, 9, 10 авг., № 178—181).

в том, что они предлагали пути разрешения национального вопроса в многонациональной России. При этом нужно помнить, что сборники были подцензурные. Поэтому, скажем, Янсон не мог прямо написать, что настоящее развитие национальной культуры Латвии принесет только грядущая социалистическая революция. Однако эту мысль можно легко уловить в заключительной части статьи, где автор говорил о «героических стремлениях латышских народных масс к идеалам свободной демократической культуры», о большом ущербе, нанесенном империалистической войной, о том, что только будущее покажет, поднимется ли вновь молодая латышская культура. А несколькими абзацами ранее автор подчеркивал, что именно «1905 год совершил громадный сдвиг во всей общественной и культурной жизни края, развязал творческие силы народа и открыл живые ключи его энергии и инициативы» (стр. 31).

К сожалению, найти автора-марксиста для вводной статьи в армянском сборнике не удалось. Статья «Армянский вопрос в России» написана Д. Анануном в буржуазно-националистическом духе. Ананун не был сторонником национального самоопределения и разрешение армянского национального вопроса ставил в зависимость от демократизации страны в рамках буржуазного строя.

В несколько ином плане решал национальную проблему автор «Обзора политического, общественного и экономического развития Финляндии в течение последних ста лет» Э. Неванлинна. Отметив классовый раскол в стране, пробуждение «социального самосознания неимущей части населения», рост влияния марксистской социал-демократической партии, он не делал намека на возможность революционного разрешения национального вопроса. Но вся статья в целом говорила о необходимости национальной и политической самостоятельности Финляндии, с установлением в ней буржуазно-демократического порядка. Финский народ, писал автор, «считает право самоопределения во всех своих делах необходимым условием земного благополучия» (стр. 31).

При всем разнообразии предлагаемых путей разрешения национального вопроса общий вывод авторов был единым. Утверждались идеи демократического развития народов. Горький справедливо полагал, что эти статьи могут послужить некоторым материалом для темы «Национальные вопросы на Руси», которую он предлагал разработать М. Н. Покровскому в «Летописи». Дальней-

ший ход исторических событий снял эту тему с повестки дня: 17 января 1918 года была провозглашена «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая узаконила создание Советской Российской республики как свободного союза свободных наций.

Русская и мировая литература в изданиях «Паруса»

Большая заслуга Горького — публикация произведений В. Маяковского. Горький, один из первых увидевший в молодом Маяковском крупного поэта, предоставил ему не только страницы журнала «Летопись», но и выпустил в 1916 году в «Парусе» его первую «большую» книгу — «Простое как мычание», тем самым ввел его в большую литературу. Горький принимал самое активное участие в составлении этого сборника: по его советам Маяковский многие стихи выбросил, заменив их другими. Издание книги было встречено критикой недоброжелательно. «Совсем было поставили крест на «творчестве» Маяковского, — писала 21 октября 1916 года газета «День» (№ 290), — но вдруг его стихи издает издательство, девиз которого: — «Сейте разумное, доброе, вечное»... Большой грех на душе издателей Маяковского!»

Вопреки суждениям рецензентов, Горький издает и вторую книгу Маяковского «Война и мир» — страстное обличение империалистической войны. «Парус» собиравшись выпустить в свет и третью книгу Маяковского — поэму «Человек», но не успел.

Издательство «Парус», как прежде «Знание», всячески поддерживало молодых писателей. Кроме книг Маяковского, оно выпустило первые книги стихов М. П. Герасимова «Вешние зовы» (1917) и Э. Я. Германа «Растопленный полюс» (1918).

Горькому, к сожалению, не удалось полностью осуществить задуманное им издание собраний сочинений лучших русских писателей, хотя была проведена большая предварительная работа.

Среди писателей того времени Горький особенно выделял двух — И. Бунина и В. Брюсова. В письмах тех лет к Бунину нередко такие признания Горького: «Вы для меня великий поэт, первый поэт наших дней», «Вы для меня — первейший мастер в современной литературе русской».⁴¹

⁴¹ Горьковские чтения. 1958—1959. М., 1961, стр. 85, 88.

Кроме того, Бунин был одним из тех немногих писателей, которые в годы империалистической войны не впали в милитаристический тон. С первых же дней организации «Паруса» Горький стремился всячески привлечь Бунина к работе в издательстве. «Как бы хорошо снова собрать публику и заставить ее читать честные книги! — писал Горький ему 16 мая 1916 года. — Я уверен, что мы сможем сжаться в небольшой, но крепкий кулачок. При Вашей доброй помощи, разумеется».⁴²

Бунин приветствовал зарождение нового издательства, но, осторожный ко всякого рода издательским начинаниям, отделялся общими обещаниями. «Буду чрезвычайно рад, если Ваше книгоиздательство наладится!» — писал он Горькому.⁴³

В начале 1917 года З. И. Гржебин, привлеченный к работе в «Парусе» в конце 1916 года, вел предварительные переговоры в Москве с Буниным и Брюсовым об издании их собраний сочинений. Бунин выразил согласие. Договором было определено закончить издание сочинений Бунина в 10 томах к 31 декабря 1917 года. Однако в связи с трудностями времени дело продвигалось крайне медленно. В 1917—1918 годах в производстве находилось несколько томов: 5, 6, 9, 10,⁴⁴ но успел выйти в свет только последний том, содержащий «Господина из Сан-Франциско».

Согласился издать в «Парусе» свое собрание сочинений и В. Брюсов, который с каждым месяцем все более и более сближался с этим издательством. К обоюдному удовольствию, в марте 1917 года Брюсов договорился с «Парусом» о публикации полного собрания сочинений в 10 томах. Издательство было настолько заинтересовано в издании книг И. Бунина и В. Брюсова, что при заключении договоров полностью выплатило весь гонорар.

Но политические бури 1917 года тяжело отразились на хозяйстве страны в целом, и в частности, на деятель-

⁴² Горьковские чтения. 1958—1959. М., 1961, стр. 78.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Содержание томов: т. 1 — Первая книга стихотворений. — Песнь о Гайавате; т. 2 — Вторая книга стихотворений. — Манфред; т. 3 — Третья книга стихотворений. — Каин. — Небо и земля; т. 4 — Перевал и другие рассказы; т. 5 — Золотое дно и другие рассказы; т. 6 — Деревня; т. 7 — Суходол и другие рассказы; т. 8 — Иоанн Рыдалец и другие рассказы; т. 9 — Чаша жизни и другие рассказы. Четвертая книга стихотворений; т. 10 — Господин из Сан-Франциско и другие рассказы. — Пятая книга стихотворений.

ности издательств: повысились цены на бумагу, в несколько раз возросли типографские расходы.

В одном из писем К. А. Тимирязеву (от 1 августа 1917 года) Горький писал: «...нет типографии, бумаги, наборщиков и печатников. Цены на типографский труд — баснословны до курьеза!» (т. 29, стр. 384). Поэтому Горькому не удалось издать не только ни одного тома сочинений Брюсова, но и осуществить многие свои замыслы.

Собрание своих сочинений Горький издавал в издательстве «Жизнь и знание», с которым еще в декабре 1913 года был заключен договор. «Парус» выпускал новые сборники Горького. В 1917 году вышли «Статьи 1905—1916» (тираж 5 тыс. экз.), которые были переизданы затем в 1918 году утроенным тиражом (15 тыс. экз.), без цензурных изъятий, и дополнены статьями «О дураках и прочем» и «К читателю». В 1918 году были изданы три книги: «В людях», «Ералаш и другие рассказы» и «Русские сказки».

В годы империалистической бойни, когда бессмысленно гибли многие памятники человеческой культуры, Горький выступал с идеей о том, что наука и искусство «не только интернациональны, они всечеловечны, они должны быть и стремятся быть планетарными» (т. 24, стр. 175). Исходя из этого Горький-издатель считал одной из своих задач — знакомить русского читателя с зарубежной литературой. В 1916 году он совместно с Тихоновым выработал для издательства «Парус» список ста лучших книг мировой культуры.

Это, в первую очередь, антиимпериалистические книги зарубежных писателей.

Против империалистической войны была направлена книга Г. Уэллса «Мистер Бритлинг и война». Горький высоко ценил это произведение: «Несомненно, это лучшая, наиболее смелая, правдивая и гуманная книга, написанная в Европе во время этой проклятой войны», — писал он (т. 29, стр. 373).

Книга немецкого писателя Ферсхофена «Волк Фенрис. Финансовая повесть»⁴⁵ в свою очередь разоблачала мировой империализм, для которого хороши все сред-

⁴⁵ В скандинавской мифологии Волк Фенрис — это демон, страшный богам. Он вступил, в союзе с другими злыми силами, в бой с богами, победил и поглотил Вотана — владыку неба и земли, а затем и сам поглотил в нескончаемой свалке богов, полубогов, великанов и чудовищ.

ства — от подкупа газет, голосов избирателей, министерств, ученых до предательства и убийства. На примере Норвегии, «белым углем» которой завладел, поправ государственные и народные интересы страны, международный капитал, автор разоблачал иноземных поработителей. Пресса обошла молчанием антиимпериалистическую направленность повести, подчеркивая только необычность ее формы: она смонтирована из деловых бумаг, банковских писем, телеграмм, стенографических отчетов, протоколов заседаний, донесений агентов и газетных статей.⁴⁶

Ответом на разгул в России антисемитизма, подогретого империалистической войной, явилось издание книги датского писателя М. Гольдшмидта «Еврей». Хотя впервые книга была выпущена в свет еще в 1845 году, издание ее в 1916 году в новом переводе М. П. Благовещенской звучало весьма современно.

В издательстве готовились переводы антимилитаристического романа А. Барбюса «Огонь», антиимпериалистической драмы Д. Голсуорси «Борьба», разоблачающие шовинизм и милитаризм статьи Р. Роллана «Над схваткой» и др.

Критикой капитализма и борьбой за национальную самостоятельность привлекал Горького знаменитый бельгийский поэт, драматург и критик, член бельгийской рабочей партии Э. Верхарн. После его трагической гибели «Парус» решил обязательно почтить память поэта публикацией его стихотворений. В ноябре 1916 года издательство обратилось с просьбой к Брюсову — лучшему переводчику Верхарна в России — сделать новые переводы для предполагаемого альманаха. «Для альманаха вещь нужна большая и художественная из тех, что еще по-русски не переведены (если таковые у Верхарна еще имеются)».⁴⁷ А через несколько дней Тихонов по поручению Горького просит Брюсова взять на себя редакцию полного собрания сочинений Верхарна. «Мы очень увлечены идеей издания Верхарна, — писал 1 декабря 1916 года Тихонов, — и надеемся, что Вы не охладите наш пыл и согласитесь помочь нам в этом деле».⁴⁸

Брюсов составил проспекты 6- и 8-томного издания Верхарна. Издательство остановилось на более полном варианте.

⁴⁶ «Утро России», 1917, № 49, 18 февраля.

⁴⁷ ГБЛ, ф. 386, картон 105, ед. 2, л. 33.

⁴⁸ ГБЛ, ф. 386, картон 105, ед. 2, л. 33.

Брюсов намеревался дать Верхарна «полным, с поэмами социалистическими, и революционными, и богохульными, и предельно-чувственными, что все у него есть рядом с философскими строгими раздумьями, — дать его во весь рост!». ⁴⁹

В мае 1917 года руководители издательства торопят Брюсова с подготовкой переводов: «Парус очень хочет, чтобы работа по изданию Верхарна двинулась вперед с наибольшей быстротой». ⁵⁰

Издательством была выпущена в свет книга К. Чуковского «Поэзия грядущей демократии. Уот Уитмэн». В ней даны переводы лучших стихотворений знаменитого американского поэта, приведены высказывания русских и иностранных писателей и художников об Уитмэне. Выбор творчества Уитмэна весьма показателен. Поэт американской радикальной демократии, Уитмэн воспевал революционные традиции борьбы за независимость, идею братства народов.

Перечень изданных иностранных книг свидетельствует о тщательном их отборе. Выпускались книги, которые боролись против войны, империализма, национализма и угнетения народов.

Так в издательстве «Парус» зарождалась идея широкого издания зарубежных писателей, которая два года спустя найдет свое развитие в горьковском издательстве «Всемирная литература».

Книги для детей

Горький понимал, что будущее народа — дети. Патриот и гуманист, он был обеспокоен состоянием детской литературы. Империалистическая война калечила детские и юношеские души. Издаваемые в то время детские книги прививали русским детям чувства национального превосходства, пренебрежения и ненависти к другим народам, оправдывали империалистическую войну.

В «Парусе» Горький впервые пытается создать систему детского чтения, в основе которой лежало стремление дать будущим гражданам литературу, которая воспитывала бы не только благородные чувства,

добро и справедливость, но и активное отношение к жизни, ненависть к несправедливым войнам.

В издательстве была создана специальная группа по подготовке книг для детей. Во главе ее стоял Горький.

Одной из самых насущных задач детской литературы писатель считал выпуск серии книг для юношества, посвященной биографиям выдающихся людей мира. На примере лучших людей человечества Горький надеялся пробудить у молодежи активное отношение к жизни, ответственность за все происходящее на земле, глубокое уважение к человеку — творцу всего прекрасного, к его созидательному труду, воспитать чувства интернационализма и подлинного гуманизма.

В письме к Р. Роллану Горький ясно сформулировал задачи этой серии книг: «Наша цель — внушить молодежи любовь и веру в жизнь. Мы хотим научить людей героизму. Нужно, чтоб человек понял, что он творец и господин мира, что на нем лежит ответственность за все несчастья на земле и ему же принадлежит слава за все доброе, что есть в жизни. Нужно помочь человеку порвать цепь индивидуализма и национализма. Пропаганда всемирного союза между людьми поистине необходима». ⁵¹

Горький придавал международное значение воспитанию юношества, опаленного чудовищной войной. Поэтому он считал, что создание серии книг о жизни замечательных людей земли — дело далеко не только русских писателей и ученых, но и зарубежных.

Создание подобной серии не имело precedентов доньше ни в отечественной, ни в зарубежной практике издательского дела.

Горький обратился к писателям, избежавшим шовинистического угара, с просьбой принять участие в серии. Он просил Р. Роллана написать о Бетховене и Сократе, Г. Уэллса — об Эдисоне, Ф. Нансена — о Колумбе, К. А. Тимирязева — о Дарвине, А. К. Тимирязева — о Фарадее, И. Бунина — о Сервантесе. Сам Горький намеревался написать о Гарибальди. Подыскивались авторы для книг о Диккенсе, Байроне, Шелли, Д. Бруно, Франциске Ассизском, Жанне д'Арк. К сожалению, не все писатели отнеслись сочувственно к идее Горького.

Уэллс и Бунин отказались принять участие в работе, ссылаясь на свою занятость другими делами. С готов-

⁴⁹ М. Горький. Материалы и исследования. Т. 1. Л., 1934, стр. 189.

⁵⁰ ГБЛ, ф. 386, картон 105, ед. 3, л. 12.

⁵¹ Горький о детской литературе. Статьи и высказывания. М.—Л., 1952, стр. 140.

ностью откликнулись на просьбу Горького отец и сын Тимирязевы. Р. Роллан приветствовал идею «издать собрание популярных биографий», но обещал приступить к работе только в конце года. «Если я напишу эту книгу, — писал он Горькому, — то ради удовольствия сотрудничать с Вами и поработать над красивой и здоровой биографией. О жизни Сократа я подумую».⁵²

Горькому не удалось в то время претворить в жизнь свою идею. Она была осуществлена лишь в годы Советской власти в серии «Жизнь замечательных людей». Однако великая его заслуга — самый замысел такого издания.

Дети ищут в книге героя, которому хотелось бы подражать, на которого хотелось бы походить. Хорошо зная детскую психологию и детское восприятие художественного произведения, Горький в первую очередь издает книги, герой которых борется против насилия, рабства, несправедливости. Именно поэтому изданы «Парусом» в новых переводах «Вильгельм Телль» Ф. Шиллера и «Айвенго» Вальтера Скотта.

По свидетельству К. Чуковского, был составлен большой список лучшей детской литературы всего мира для последующего перевода и издания. План был составлен с большой перспективой, на много лет.⁵³

Не забыты были Горьким и малыши. Тут писатель придавал большое значение сказке, в образах которой заложены высокие нравственно-этические представления народа. В сказках народ рисовал своих героев-богатырей, наградив их лиризмом, душевной ясностью, нежностью, справедливостью, мужеством в борьбе с темными силами.

Малыши мыслят конкретно, образами. Поэтому писатель так заботился о рисунке в книгах. В издательство привлекаются лучшие графики того времени: М. Добужинский, С. Чехонин, А. Бенуа, Е. Нарбут, Ю. Анненков, В. Лебедев и др.

«Парус» готовил к печати иллюстрированные сказки как западных, так и русских писателей. Среди них сказки Г. Х. Андерсена «Дюймовочка» (с илл. Е. Нарбута) и «Свинопас» (с илл. М. Добужинского), Ш. Перро «Мальчик с пальчик» (с илл. А. Бенуа), В. Ходасевича «Золотая птица», Горького «Евсейка» (с илл.

⁵² «Ленинградская правда», 1962, № 188, 11 августа.

⁵³ Издательство успело выпустить только две вышеназванные книги.

В. Шухова) и «Воробышко» (с илл. Н. Ремизова). Однако свет увидела только последняя книга.

Одна из важных заслуг Горького — попытка создать новые кадры детских писателей. К работе над детской книгой он привлекает В. Брюсова, А. Толстого, Сашу Черного, К. Чуковского и др. Именно в горьковском «Парусе» Корней Чуковский дебютировал как детский писатель.

Для детей младшего возраста Горький задумал выпустить 12 художественных сборников, привлекая в них лучших писателей и художников. Успел выйти только один — «Елка», — в редактировании и составлении которого писатель принимал живейшее участие. Выступил он в нем и как автор рассказа «Самовар» и сказки «Про Иванушку-Дурачка».

В отличие от традиционных сусально-монархических изданий подобного рода, произведения сборника показывали ребенку мир обыденных вещей («Самовар» Горького, «Разговор человека с мышкой, которая ест его книги» В. Ходасевича, «Трубочист» и «Домик в саду» С. Черного), учили понимать ценность человеческого труда («Иеремия-лентяй» К. Богуславской), высмеивали глупость царей («О глупом царе» — норвежская сказка в пересказе К. Чуковского), восхваляли благородство, смелость, храбрость заступников народных («Джек победитель великанов» — английская народная сказка в пересказе К. Чуковского).

Много в сборнике веселых, забавных рисунков. Оформляли сборник такие художники, как И. Репин, М. Добужинский, С. Чехонин, Ю. Анненков, В. Замрайло и др. Горький привлек к оформлению детских книжек художников, которые боролись за возрождение культуры книги как единого эстетического целого. Но в вопиющем противоречии с содержанием сборника и его иллюстрациями находится рисунок А. Бенуа на оборотной стороне титульного листа, изображающий елку, на каждой ветке которой примостились ангелочки, а на вершине — младенец Христос. По воспоминаниям К. Чуковского, этот рисунок проник в книгу уже после того, как она была сверстана и подписана Горьким к печати. «Увидев херувимчиков, Горький брезгливо отодвинул от себя всю эту книгу, в которую было вложено им столько труда».⁵⁴

⁵⁴ К. Чуковский. Об одной забытой детской книге. — «Детская литература», 1940, № 1—2, стр. 60.

Горький задумал очень оригинальное издание — дети — взрослым. Показать взрослым, что думают дети об империалистической войне. В сборнике «Война и дети»⁵⁵ помещены детские письма, сочинения и рисунки о войне. Детское творчество призывало взрослых «сохранить в душе истинно человеческое в дни, когда торжествует обезумевшая свинья» (т. 24, стр. 180).

В «Парусе» Горький впервые пытается определить круг детского чтения. Детская литература становится отныне предметом постоянной заботы Горького.

Народные картинки-сказки

Буржуазно-демократическая революция и связанная с ней необходимость политического просвещения масс способствовали выпуску в издательстве «Парус» агитлубков или, как их называли в объявлениях, «народных многоокрасочных картинок», «народных картинок-сказок». Инициатором издания был З. И. Гржебин, большой знаток иллюстрированных сатирических журналов. (Во время революции 1905 года он редактировал сатирический журнал «Жупел»). Издательство опиралось также на опыт Сытина, но сделало лубки политически острыми.

При прямом участии Горького к созданию лубков были привлечены молодые художники-сатирики В. Маяковский,⁵⁶ А. Радаков, Н. Ремизов, В. Лебедев, С. Судейкин.

С марта по август 1917 года было издано 6 агитлубков: «Самодержавный строй», «Сказка о том, как жил-был царь-репка», «Царствование Николая Последнего», «Казенная винная лавка», «Кого мы защищали раньше и защищаем теперь», «Забывчатый Николай». Это были рисунки с текстами, тираж их от 10 000 до 10 400 экз. Реализовал лубки Сытин, бравший на комиссию по 6000—7000 экз. Он имел хорошо налаженный аппарат распространения дешевых изданий среди самых широ-

⁵⁵ Сборник был подготовлен, но по техническим причинам издание его было отложено. (См. Архив М. Горького, КГ-П, 44-9-1; ПГ-рл, 23-18). Книга вышла в 1919 году в Госиздате под названием «Интересные незнакомцы (Дети и война)» с предисловием Горького.

⁵⁶ Данные конторских книг свидетельствуют о том, что В. В. Маяковский участвовал в создании всех лубков, но в разной степени: иногда как «полный автор», то есть рисовал лубок и давал текст к нему, иногда как автор только текста или соавтор рисунка.

ких народных масс. Но лубки расходились не очень бойко: так, за 1917 год было продано всего лишь 340 экземпляров всех лубков.

Почему лубки не имели большого успеха? Вероятнее всего, это объясняется тем, что основная тематика лубков не поднимала тех вопросов, которыми жил народ в то время: прекращение кровопролитной империалистической войны, передача крестьянам помещичьих земель и власти народу, — а ограничивалась в основном «кристикой» царя, который был уже свергнут.

Научно-популярные издания

Многолетняя война искалечила и изуродовала человеческую психику. После Февральской революции, и особенно после Октября одной из главных задач, по мнению Горького, стало «выпрямление» человеческих душ. А это под силу лишь искусству и науке. Кроме того, через искусство и науку легче всего осуществить идею всемирного братства.

Горький писал: «Как наука является разумом мира, так искусство — сердце его. Политика и религия разъединяют людей на отдельные группы. Искусство, открывая в человеке общечеловеческое, соединяет нас. Ничто не выпрямляет душу человека так мягко и быстро, как влияние искусства, науки.

...пролетариат вносит в жизнь великую и благостную идею новой культуры, идею всемирного братства».⁵⁷

Горький считал одной из основных задач революции развитие науки и культуры, так как только это и сможет вырвать человека из тьмы невежества и религиозного дурмана. Поэтому Горький большое значение придавал вооружению широкой демократии научными и техническими знаниями. Строители «новой России» должны быть прекрасными работниками, а к этому можно прийти только овладев всеми новейшими знаниями, достигнутыми человечеством.

Стремясь вложить и свою лепту в демократизацию научных знаний, Горький попытался в 1917 — начале 1918 года организовать в издательстве «Парус» выпуск научно-популярных книг. Об этой серии писатель вел оживленные переговоры с К. А. Тимирязевым и его сы-

⁵⁷ «Новая жизнь», 1917, № 2, 20 апреля.

ном. Намечалось издание хрестоматии «Ученые о науке», план которой был составлен А. К. Тимирязевым. Горький предложил план издания книги «Научные идеи в будничной жизни». Готовилась к печати книга М. Н. Покровского «Русская история в сжатом очерке».

Из научно-популярных книг издательству удалось выпустить только три: «Как люди жили в старину» проф. Д. Н. Кудрявского (5-е изд.), «Реформа русского правописания» проф. П. Н. Сакулина и «Красное знамя. Притча ученого» К. А. Тимирязева, в которой, между прочим, доказывается, что красный цвет в природе и в общественной жизни (т. е. красные знамена революции) — символ истинной жизни, символ творческих, созидательных сил.

Как известно, Горький в первые годы революции уделял большое внимание народным празднествам. Героическое время требовало организации грандиозных празднеств. Очень полезно было все, что возможно позаимствовать из опыта народных торжеств эпохи Французской революции. Поэтому в 1918 году «Парус» издал книгу французского исследователя Т. Тьерсо «Празднества и песни Французской революции», в которой показана народность искусства Французской революции, отражавшего идеи солидарности, свободы, уважения к великим примерам, труду и братству. По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича,⁵⁸ В. И. Ленин, просматривая «Книжную летопись», особо отметил эту книгу как заслуживающую первоочередного ознакомления.

* * *

Хозяйственные трудности, обусловленные гражданской войной и начавшейся в стране иностранной интервенцией, не могли не сказаться и на издательском деле. «Безумно возросшие цены на бумагу, типографские расходы, на содержание книжных складов, редакций, на почтовую пересылку, упаковку и проч. почти приостановили издательство».⁵⁹ Последние книги «Паруса», по данным «Книжной летописи», вышли в июне 1918 года. С этого месяца «Парус» фактически прекратил свою издательскую деятельность. В декабре 1918 года издательство «Парус» прекратило и денежные операции, списав выданные ранее авторам авансы.

⁵⁸ Лит. наследство, т. 7—8. М., 1933, стр. 379.

⁵⁹ «Трудовое единение», 1918, № 4, стр. 37.

История книгоиздательства «Парус» свидетельствует о большой культурно-организационной деятельности Горького. Созданное во время империалистической войны издательство выделялось своими прогрессивными тенденциями среди издательств того времени. Горький стремился вооружить широкие массы новой демократической интеллигенции книгами по социально-экономическим, историческим, научным, философским проблемам, «поднять интерес к серьезной книге».

Издательство, руководимое Горьким, стремилось объединить вокруг себя лучших, демократически настроенных русских и иностранных писателей, не зараженных шовинистическим угаром, а также молодых пролетарских писателей, только вступающих на литературное поприще. Изданием сборников литературы национальных меньшинств Горький внес вклад в борьбу с проявлениями великодержавного шовинизма. В этом проявились интернационалистические, пролетарские тенденции издательства. Несмотря на строжайшую военную цензуру, издательство смогло выпустить в свет ряд книг антимилитаристской, антиимпериалистической направленности.

Горький помог стать писателями-профессионалами десяткам новых авторов.

Великая социалистическая революция выдвинула новые задачи: построение и упрочение Советского государства, воспитание нового человека, укрепление связей с пролетариями других стран. Октябрь делал существование издательства в прежнем виде ненужным. Задачи, поставленные Горьким перед «Парусом», исторически изжили себя.

Как известно, Горький, несмотря на свои расхождения с большевиками в оценке роли крестьянства и интеллигенции в революции, сразу же включился в культурное строительство Советского государства. Работа Горького в этой области была очень большой и напряженной. Горький наряду с И. Скворцовым-Степановым, В. Бонч-Бруевичем и М. Ольминским активно сотрудничал в редколлегии издательства «Коммунист», принадлежавшего ЦК Коммунистической партии. 20 июля 1918 года издательство «Коммунист» приняло план Горького по изданию художественных произведений.⁶⁰

⁶⁰ Протокол № 2 заседания от 20 июля 1918 г. — ГБЛ, ф. 369, картон 79, ед. 13. В «Летописи жизни и творчества А. М. Горького», вып. 3. М., 1959, стр. 90—91 — дана неверная дата.

В первые годы Советской власти Горький полагал, что издательское дело должно быть направлено на просвещение народных масс и служить делу интернационализма, которое является основой планетарной культуры. Люди должны лучше знать друг друга, это объединит их для строительства новой жизни на земле. Осуществляя свою идею, Горький организовал во второй половине 1918 года при Народном комиссариате просвещения издательство «Всемирная литература» и написал в конце 1918 года докладную записку об организации издательства «Русская литература».

Книга на службе новому обществу

«Всемирная литература»

Художественная литература... должна, наконец, исполнить свою планетарную роль — роль силы, наиболее крепко и глубоко изнутри объединяющей народы сознанием общности их страданий и желаний, сознанием единства их стремлений к счастью жизни красивой и свободной.

М. ГОРЬКИЙ

1918 год. Молодая Советская республика, терзаемая голодом и разрухой, залитая кровью, начинает строить новую жизнь. М. Горький, с присущей ему страстью и энергией, включается в это строительство. Писатель убежден, что путь к счастью, к социализму лежит через овладение знанием. Обратить все завоевания культуры, все духовные ценности человечества в общественное достояние. Помочь народу овладеть культурным наследием.

Русский и другие народы республики первыми открыли новую страницу в мировой истории. Но строить новую социальную жизнь этим народам придется вместе с другими народами мира. А поэтому нужно знать особенности истории, социологии и психики других наций. Кратчайший и самый эффективный путь познания — мировая художественная литература.

Художественная литература, по убеждению Горького, объединяет народы, способствует их взаимопониманию, взаимоуважению, показывает общность человеческих радостей и страданий. Литература воспитывает идеи интернационализма. «Надо взять из прошлого все лучшее, все прекрасное, что там есть, и пустить это в широкий оборот»,¹ — писал Горький в одном из писем тех лет.

Исходя из этого, Горький задумал план грандиозного издательства, которое должно было выпустить на русском языке произведения писателей Европы, Америки и Востока со времен Французской буржуазной револю-

¹ Д. Семеновский. А. М. Горький. Письма и встречи. [М.]. 1938, стр. 71.

ции и до Великой Октябрьской социалистической революции.

Реализуя этот замысел, Горький и его товарищи по издательству «Парус» — А. Н. Тихонов, И. П. Ладыжников и З. И. Гржебин — 20 августа 1918 года заключили между собою договор об организации издательства «Всемирная литература», которое ставило своей задачей издание переводов избранных произведений иностранной литературы со второй половины XVIII века и до современности. В сентябре 1918 года в Петрограде при Народном комиссариате просвещения было основано издательство «Всемирная литература». Это издательство, возглавляемое Горьким, пользовалось полной автономией в подборе сотрудников, выборе подлежащих изданию книг, установлении тиража, определении характера вступительных статей, примечаний, иллюстраций.

Для выработки плана редакционной работы были привлечены специальные эксперты — видные петроградские писатели и литературоведы, и организованы две редакционные коллегии — по западной и восточным литературам.

В редколлегию по западной литературе входили Ф. Д. Батюшков, А. А. Блок, Ф. А. Браун, Е. М. Браудо, А. Л. Волинский, М. Горький, Н. С. Гумилев, Е. И. Замятин, А. Я. Левинсон, М. Л. Лозинский, Б. П. Сильверсан, А. Н. Тихонов, К. И. Чуковский. Восточная редколлегия состояла из профессоров-лингвистов: В. М. Алексеева, Б. Я. Владимирцева, И. Ю. Крачковского, академиков Н. Я. Марра и С. Ф. Ольденбурга.²

Работа редколлегий была построена по языковому принципу: А. Блок, вместе с двумя профессорами-германистами, отбирал произведения, написанные на немецком языке, А. Волинский — на итальянском, К. Чуковский — на английском, В. Алексеев — на китайском, И. Крачковский — арабском, С. Ольденбург — персидском и т. д.

Кроме того, была создана специальная поэтическая коллегия: Блок, Гумилев и Лозинский. В ее задачу входило редактирование стихотворного материала.

На первом этапе работы главным было составление списка книг, отобранных для перевода и издания на русском языке. Была широко представлена проза,

поэзия, драматургия, критика, мемуарная и эпистолярная литература, публицистика, очерки. Предпочтение отдавалось тем книгам, которые были по своему содержанию достойны перевода, но до сих пор либо вообще не переводились, либо были плохо переведены.

По воспоминаниям К. Чуковского, сотрудничавшего в издательстве, список отобранных писателей и их произведений неоднократно и тщательно обсуждался при живейшем участии М. Горького. Горький часто поражал специалистов-профессоров своей эрудицией: прекрасным знанием иностранной литературы, подробными характеристиками писателей, о существовании которых специалисты подчас даже и не слышали.

В результате огромной проделанной работы были изданы два каталога — по западной и восточной литературе.

Основной — западный — каталог включал около 1200 авторов — представителей американской, английской, датской, испанской, итальянской, немецкой, норвежской, португальской, французской, шведской литератур; произведения писателей Аргентины, Бразилии, Венесуэлы, Индии, Канады, Колумбии, Кубы, Мексики, Никарагуа, Перу, Санто-Доминго. Каталог открывался вступительной статьей Горького.

Впоследствии предполагалось дополнительно издать избранные произведения венгерской, литовской, новогреческой, польской, сербской, чешской литератур.

Каталог «Литература Востока» содержал произведения абиссинской, ассирийской, арабской, вавилонской, еврейской, египетской, индийской, индонезийской, китайской, персидской, сирийской, тибетской, турецкой, японской и других восточных литератур.

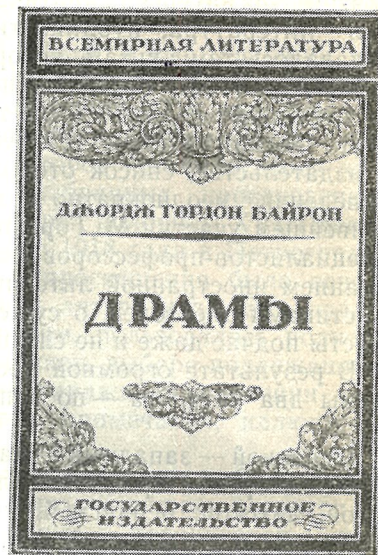
Каталоги были изданы параллельно на четырех языках: русском, французском, английском и немецком.

Издательство строго соблюдало дифференцированный подход к читателям. Горький всегда отчетливо видел перед собою читателя, которому адресовались книги. Поэтому предполагаемые издания были разделены на две серии: «Основная библиотека» и «Народная библиотека».

«Основная библиотека» предназначалась читателю, уже имевшему некоторое литературное образование. Планировалось выпустить в ней 1500 книг (объемом по 20 печатных листов), главным образом повести и романы.

² Архив М. Горького, ф. А. Н. Тихонова. Кн. п. 1218, ед. 494.

«Драмы» Байрона в издании
«Всемирной литературы»

По замыслу Горького, эти книги должны были не только воспитывать идеи интернационализма, но и показать огромную социальную и эстетическую ценность классического наследия всех времен и народов в деле строительства новой культуры. Книги были подобраны с таким расчетом, чтобы они могли также служить пособием при изучении истории мировой литературы во всем разнообразии ее национальных особенностей, литературных школ, течений и художественных форм.

«Все вместе книги, — писал Горький в предисловии к каталогу, — составят обширную историко-литературную хрестоматию, которая даст читателю возможность подробно ознакомиться с возникновением, творчеством и падением литературных школ, с развитием техники стиха и прозы, со взаимным влиянием литературы различных наций и, вообще, всем ходом литературной эволюции и ее исторической последовательности от Вольтера до Анатоля Франса, от Ричардсона до Уэллса, от Гете до Гауптмана и т. д.»³

Эти слова служат яркой иллюстрацией отношения писателя к культурному наследию прошлого. Точка зре-

³ Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном Комиссариате по просвещению. Пб., 1919, стр. 8.

ния Горького здесь совпадала с точкой зрения В. И. Ленина, что было принципиально важно в годы, когда футуристы и пролеткультовцы поднимали свой голос против культуры прошлого, низвергая с пьедесталов Пушкина и Рафаэля.

Так как книги этой серии предназначались образованному читателю, вступительные статьи должны были дать историко-литературный анализ творчества писателя в целом, вскрыть проблематику публикуемого произведения в тесной связи с социально-политическими взглядами автора и общества, в котором жил и творил автор.

«Народная (малая) библиотека» должна была состоять из небольших по объему книг, доступных пониманию и восприятию самых широких масс. В ней предполагалось издать от 3000 до 5000 книжечек. Для того, чтобы приохотить к чтению людей малообразованных, в библиотеку включались произведения с занимательной фабулой, юмористика, исторические и приключенческие повести и рассказы.

Брошюры должны были издаваться большими тиражами, рассказывать о жизни простых людей всех стран, показывать, как в их среде в разные времена рождались герои, народные вожди. Горький сам написал предисловия к двум книжкам — «Балладе о Робин Гуде» и «Святому» К. Мейера.

Говоря о задачах народной серии, Горький подчеркивал: «Пользуясь художественной литературой как могучим средством культурного воздействия и международного единения, народная библиотека имеет целью познакомить читателя с наиболее интересными особенностями исторических судеб, культуры, быта и психики европейских наций, а главное — с теми сокровищами веками накопленных знаний и культурных навыков, которые, являясь достоянием всего человечества, служат надежным залогом братства всех людей — залогом грядущего Интернационала».⁴

Горький придавал издательству «Всемирная литература» огромное политическое значение. Он намеревался использовать его среди зарубежной общественности как наглядное доказательство прогрессивности советской политики в области культуры. Создание издательства

⁴ Послесловие в кн.: Д. Лондон. Сын волка и другие рассказы. Пб., 1919, стр. [122].

со столь значительными культурными задачами, активное участие в нем виднейших представителей русской литературы — свидетельство огромных возможностей Советской власти даже в тяжелейшие годы разрухи и гражданской войны. Каталоги были посланы многим видным иностранным деятелям, «дабы пролетарии Запада, а также Уэллсы и разные Шейдемансы видели воочию, что российский пролетариат не токмо не варвар, а понимает интернационализм гораздо шире, чем они, культурные люди, и что он в самых гнусных условиях, какие только можно представить себе, сумел сделать в год то, до чего им давно бы пора додуматься», — писал Горький (т. 29, стр. 388).

Поставить такую задачу-мечту возможно было только в государстве, созданном пролетарской революцией. Однако осуществить практически эти грандиозные планы в период разрухи было очень трудно. Кроме большого коллектива квалифицированных переводчиков, редакторов, специалистов-филологов, необходима была соответствующая полиграфическая база, огромное количество бумаги. Со всем этим положение было далеко не блестящее.

К работе были привлечены почти все наличные культурные силы Петрограда. В редакционный отдел издательства входило около 350 человек. Но состав их был очень пестрый.

Наряду с активными строителями новой культуры, такими, как М. Горький, А. Блок, А. Луначарский, К. Чуковский, в работе издательства принимали участие также модернисты, декаденты, буржуазные эстеты, такие, как Ю. Айхенвальд, А. Амфитеатров, М. Гершензон, Вяч. Иванов, М. Кузмин, А. Ремизов и др.

Столь разношерстный состав объясняется стремлением Горького привлечь к сотрудничеству с Советской властью наиболее крупные, значительные силы интеллигенции. Использование старой, буржуазной интеллигенции в строительстве советской культуры было одним из ленинских указаний. Но дело это было нелегкое. Шла борьба за интеллигенцию. А Горький исходил из ошибочного представления, что вся интеллигенция по своей природе призвана служить только истине и справедливости, поэтому она может и должна беззаветно служить строительству новой культуры. На митинге в Петрограде 29 ноября 1918 года Горький, обращаясь к интеллигенции, сказал: «На капитал работать плохо и сам

бог прощал, но сейчас для народа нужно работать не покладая сил, не только за страх, но и за совесть».⁵ Свое издательство он рассматривал как некое связующее звено между Советской властью и литературной интеллигенцией.

Годы становления издательства были тяжелейшими годами в жизни молодой республики. Петроград жил в невероятно трудных условиях. Город находился почти все время на осадном положении, погруженный в холод и тьму, страдающий от нужды, нищеты, эпидемий. Предоставляя широкому кругу литературных работников переводческую работу, Советская власть тем самым оказывала им духовную и материальную поддержку.

Издательство, чтобы как-то облегчить жизнь и быт своим активным сотрудникам, организовало самостоятельный закупочный аппарат для снабжения продовольствием в виде добавочного гонорара. Кроме того, издательство обеспечило трудовыми пайками группу в 50 переводчиков и 30 редакторов, которых обязало выполнять ежемесячный минимум работы — 3 авторских листа для переводчиков и 5 листов для редакторов.

Горький впервые в издательской практике организовал студию художественного перевода, целью которой было подготовить для издательства переводчиков. Кроме того, студия давала литературное образование молодым поэтам и писателям. В студии читали лекции лучшие мастера-переводчики того времени, такие, как Блок, Чуковский, Лозинский; велись практические занятия. Издательство выпустило специальную брошюру «Принципы художественного перевода», в которую вошли статьи о переводах прозаических и переводах стихотворных.

Считая, что для лучшего перевода произведений необходимо знакомство со всем творчеством писателя, Горький организовал при издательстве специальную библиотеку иностранной художественной литературы, которая создавалась из запасов национализированных книг. Кроме того, она пополнялась новейшими произведениями западных писателей, в особенности революционных и пролетарских. Национализированные книжные запасы были грандиозны, и уже к концу 1921 года библиотека насчитывала 69 899 томов беллетристики и трудов по литературе на иностранных языках, спра-

⁵ «Северная Коммуна», 1918, № 167, 30 ноября.

вочников и словарей, а также русских переводов иностранной литературы.

Эти книжные богатства далеко превосходили потребности переводчиков издательства, и были не только самым полным в России собранием иностранных книг, но также и одним из крупнейших подобных книгохранилищ в Европе.⁶

От переводчиков и редакторов Горький требовал высокого качества работы: переводы должны быть близкими к подлиннику и написаны хорошим литературным языком. В помощь переводчикам и редакторам было организовано при издательстве «Бюро научных справок», которое выдавало справки по любому вопросу (выяснение исторических и мифологических сравнений, намеков, географических данных, правовых понятий, малоизвестных названий растений и животных и т. д.).⁷

В итоге издательству удалось в первый же год запустить в работу большое количество книг. В середине 1919 года в портфеле издательства было 3000 листов рукописей, в набор было сдано около 500 листов и 300 листов было матрицировано. Но в этом году ни одна книжка не вышла в свет. В 1919 году, когда все силы страны были брошены на борьбу с интервенцией, полиграфическая промышленность приходила в упадок: машины были изношены, бумаги не было, а рабочие уходили защищать молодую республику.

С каждым годом увеличивалась диспропорция между размахом редакционной работы и реальной возможностью издания книг.

За два с половиной года «Всемирной литературой» было выпущено всего лишь 14 книг «Основной библиотеки» и 36 брошюр «Народной библиотеки», между тем подготовленные к печати 8000 листов текста соответствовали 400 томам «Основной библиотеки».

Горький принимает все меры для развития издательской деятельности. Ему удалось добиться от Всероссийского Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) передачи в ведение «Всемирной литературы» большой типографии, принадлежавшей ранее газете «Копейка». В эту

⁶ В августе 1922 года библиотека была передана Российской Публичной библиотеке (ныне Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

⁷ Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (ГАОРС ЛО), ф. 2969, оп. 1, ед. 30, л. 263.

типографию Горький был назначен комиссаром. Но часто вышестоящее петроградское начальство вторгалось в деятельность типографии, забирая оттуда рабочих, давая какие-то поручения и т. д.

В 1921 году «Всемирная литература» не смогла издать ни одной книги, хотя по планам издательство предполагало перевести, отредактировать, снабдить вступительными статьями, набрать и матрицировать, иными словами, окончательно подготовить к печати около 100 томов «Основной библиотеки» (2000 печатных листов), из них 30 томов выпустить в свет, а также издать 50 брошюр «Народной библиотеки».⁸

На протяжении всех лет работы издательства Горький обращался неоднократно к правительству и прямо к В. И. Ленину за содействием в получении бумаги, в восстановлении своих фактических прав как комиссара типографии «Копейка», в разрешении печатать книги за границей, в выделении ассигнований и т. д.

В. И. Ленин довольно скептически относился к издательству «Всемирная литература», считая это начинание несколько преждевременным. Ленин был убежден, что такой большой художник, как Горький, мог бы сделать для молодой Советской республики несравненно больше, если бы вместо того, чтобы заниматься делами издательства и редактировать переводчиков, выступил как писатель.

«...Вы поставили себя в положение профессионального редактора переводов и т. п., положение, в котором наблюдать нового строения новой жизни нельзя»,⁹ — писал Ленин Горькому 31 декабря 1919 года. Тем не менее Владимир Ильич всегда помогал Горькому, неизменно откликался на все просьбы.

Нехватка бумаги заставила Горького обратиться в Совет Народных Комиссаров с просьбой выделить деньги и разрешить печатать книги за границей: либо в Эстонии, либо в Швеции. Была создана комиссия Совета Народных Комиссаров, которая приняла решение о целесообразности печатать за границей наиболее важные издания впредь до восстановления в стране полиграфической базы и бумажной промышленности. 27 апреля 1920 года Совнарком одобрил это решение. За границу были командированы Тихонов и Гржебин.

⁸ ГАОРС ЛО, ф. 2313, оп. 1, ед. 14, л. 1.

⁹ В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. Изд. 2-е, доп. М., 1961, стр. 138.

Вернувшись в Россию, Тихонов представил доклад, в котором доказывалась реальная возможность печатать часть изданий за рубежом. Но страна испытывала большие валютные трудности и не могла сразу выделить нужные суммы. 17 июля 1920 года Горький обратился к В. И. Ленину с просьбой пересмотреть решение Малого Совнаркома об отказе выдать издательству «Всемирная литература» 10 миллионов думских знаков.

Горький видел в печатании книг за границей единственный выход из создавшегося бумажного кризиса и поэтому настойчиво добивался этой возможности. Для Особой комиссии по книжным делам ЦК РКП(б) в феврале 1921 года Горький составляет тезисы доклада. По заключению Горького, каждая проданная за границей книга даст возможность выслать в Россию бесплатно один экземпляр. Было высчитано, что при печатании и частичной продаже книг за границей можно будет получить почти бесплатно от 10 до 15 тысяч экземпляров каждого издания.

27 апреля 1921 года Политбюро ЦК РКП(б) на своем заседании признало правильным печатание книг «Всемирной литературы» в Германии с тем, что часть книг будет продана на заграничном рынке, другая часть — поступит в Россию в распоряжение Госиздата.¹⁰

Тормозили работу и сложные взаимоотношения между «Всемирной литературой» и Государственным издательством (созданным в 1919 году), на которое, помимо чисто издательских функций, было возложено также регулирование деятельности всех издательств республики и контроль над ними. С созданием Госиздата «Всемирная литература» из ведения Наркомпроса перешла в Госиздат на правах самостоятельной организации, контролируемой и финансируемой Госиздатом.

В целях наиболее рационального использования бумаги издательство «Всемирная литература» должно было представлять на утверждение в Госиздат список планируемых к печати книг. Ограниченные бумажные фонды вынуждали Госиздат «резать» бумагу для книг «Всемирной литературы» на том основании, что это не политические брошюры, столь важные для пропаганды первоочередных задач Советской власти.

¹⁰ В 1923 году было создано Берлинское отделение издательства, которое, просуществовав около года, выпустило всего несколько книг.

Некоторые руководящие работники Госиздата резко отрицательно относились к «Всемирной литературе», критикуя состав ее сотрудников и выпускаемые книги. Руководители Госиздата неоднократно ставили вопрос о ликвидации всякой самостоятельности «Всемирной литературы», о полном слиянии ее с Госиздатом. Горький считал, что не только «Всемирная литература» должна сохранить свою автономию, но и частные издательства должны пока действовать в стране, испытывавшей книжный голод. Он написал VIII Всероссийскому съезду Советов открытое письмо о Госиздате (22 декабря 1920 года). «Частные издательства, — писал Горький, — можно поставить под самый строгий контроль, но в данный момент нет никаких оснований уничтожить их, а напротив, следует широко использовать всю энергию, все знания деятелей книг. А когда Госиздат превратится в живое, толковое и деятельное учреждение, оно покроет собою и вовлечет в себя все отдельные предприятия, как свои органы» (т. 29, стр. 398).

К началу 1921 года взаимоотношения между Госиздатом и издательством «Всемирная литература» настолько обострились, что при ЦК РКП(б) была создана специальная комиссия, подготовившая постановление (до 27 апреля 1921 года), по которому «Всемирная литература» становилась отделом Госиздата и на ее книгах ставились две издательские марки: Государственное издательство и «Всемирная литература». Госиздат должен был определять порядок издания книг, осуществлять их выпуск в свет, но за работу «Всемирной литературы» в целом, то есть за художественную и политическую редактуру изданий, за состав редколлегии ответственность перед ЦК возлагалась непосредственно на М. Горького.¹¹

В октябре 1921 года из-за тяжелого состояния здоровья (резкое обострение туберкулезного процесса) Горький вынужден был выехать на лечение за границу. С этого времени связь его с издательством ослабевает, и оно несколько меняет свое направление. С апреля 1922 года издательство, как и все государственные издательства, перешло на самоокупаемость, на хозрасчет.

¹¹ ГАОРС ЛО, ф. 2969, оп. 1, ед. 15, л. 5. (Копия постановления Комиссии ЦК); См. также Архив М. Горького, ф. А. Н. Тихонова, Кн. п. 1218, ед. 494.

Книги стали продаваться. До этого времени оно, получая государственные ассигнования, издавало книги бесплатно. Книги распределялись централизованно через отдел снабжения Наркомпроса, Севцентростать, Московский Совдеп и Главполитупуть и шли, главным образом, в библиотеки, клубы, школы.

Новый порядок хозяйствования заставил учитывать потребности книжного рынка. Основное внимание издательство сосредоточило на новинках иностранной литературы, на выпуске серии «Новости иностранной литературы», в которой были и далеко не первоклассные произведения. Таким образом, в ряде случаев издательство отступало от тех культурно-просветительных задач, которые ставил Горький перед «Всемирной литературой».

Даже работая в основном на книжный рынок, «Всемирная литература» все же не могла обойтись без дотаций Госиздата, книги расходились плохо.¹² В какой-то мере это объясняется общей слабостью книжной торговли в стране. Центральная оптовая книготорговая организация — Торговый сектор Госиздата не имел достаточно разветвленной книготорговой сети, запасы «затоваренных» книг росли. Из-за неустойчивости бумажных денег цены на книги были также неустойчивы, а покупательная способность широких слоев населения была довольно низкой.

К концу 1924 года Госиздат резко поставил вопрос о целесообразности существования «Всемирной литературы» как издательства. В декабре 1924 года она прекратила свое существование,¹³ став частью «Иностранного отдела редакционного сектора в Ленинграде».

За время непосредственного руководства Горького (1918—1921) «Всемирная литература» выпустила 59 книг тиражом около 1 млн. экз. Хотя это было чрезвычайно мало по сравнению с задуманным (1500 книг «Основной библиотеки» и 3000—5000 — «Народной библиотеки»), но, учитывая невероятно трудное время, не так уж мало.

¹² Архив М. Горького, ф. А. Н. Тихонова, Кн. п. 1218, ед. 191.

¹³ Акт о ликвидации издательства был подписан 2 января 1925 года. За время своего существования издательство «Всемирная литература» выпустило 213 книг и 11 номеров журнала «Восток» и «Современный Запад». См. статью И. А. Шомраковой «Книгоиздательство «Всемирная литература». (1918—1924)». — «Книга. Исследования и материалы». Сб. 14. М., 1967, стр. 174—192.

Некоторые произведения были впервые изданы на русском языке (например, книги португальского писателя Ж. М. Эса де Кейроша, аргентинского писателя Эмирике Ларрета), некоторые — в обновленном, улучшенном переводе.

В народной серии были изданы книги, пронизанные пафосом борьбы народа за свободу («Разбойники» Шиллера, «Легенда об Уленшпигеле» Шарля де Костера, «Баллада о Робин Гуде» и др.).

Из литературы Востока были изданы научные переводы литературных памятников. Некоторые из них (ассиро-вавилонский эпос, монгольско-ойрфутский) расценивались специалистами как крупнейшие научные открытия мирового значения.

Роль М. Горького в работе издательства была очень велика. Он не только принимал активное участие в отборе авторов и их произведений для издания, но и прочитывал переведенные рукописи, делал замечания, читал предисловия, участвовал в заседаниях редколлегии.

Из сохранившихся в архивах записок — отзывов Горького на рукописи, достаточно привести хотя бы одну, чтобы увидеть, как внимательно и тщательно работал Горький, поправляя и направляя переводчиков. Прочитав перевод книги Max Kemmerich, «Kultur-kuriosa», Мюнхен, 1909 (Макс Кеммерих, «Курьезы культуры»), сделанный Я. Г. Дорфманом, Горький дал следующее весьма характерное заключение: «Предложить переводчику внимательно просмотреть весь его перевод, исправить отмеченные неясные места, перевести латинские фразы, слова, имена, ввести единообразие всюду, где титул книги или имя автора пишутся без перевода по-русски, — характер и назначение издания требуют популярности, а потому иностранные начертания следует устранить. Исправить — местами — язык перевода несколько тяжеловатый».¹⁴

Горький горячо взялся за дела издательства, вкладывал в него всю свою душу — и его возмущало равнодушное отношение некоторых сотрудников. Былой оптимистический взгляд писателя на интеллигенцию в целом был поколеблен жизненной практикой. Горький понял, что для некоторой части старой интеллигенции работа в издательстве, а следовательно, и служение Советской власти — явление вынужденное и временное. Его

¹⁴ ГПБ, ф. Я. Г. Дорфмана, ед. 43 (копия).

искренне удручало, что некоторые комментаторы и авторы вступительных статей игнорировали читателей, для которых предназначались книги, что тенденции их работы были явно антинародными.

«Все эти статейки, — писал Горький, — имеют известное значение для знатоков литературы, специалистов, снобов, — но очень далеки от просто грамотного человека, мало понятны ему. Всего вероятнее, что ему это покажется игрою в словесные бирюльки и даже — можно опасаться — низведет литературное искусство в его глазах к чему-то ремесленному и фокусническому.

Странно, что люди не хотят понять великий и мрачный трагизм дней, в которые они живут, странно, что они не видят — нет больше старого, литературно грамотного читателя, нет его!»¹⁵

По свидетельству К. И. Чуковского, Горький «разочаровался и в нашей работе, и в нас. Понемногу для него в нашей среде обнаружились педанты, говоруны, халтурщики. С ними он сделался сух и суров... Понемногу обнаружилось также, что многие из нас ему чужие».¹⁶ Даже говоря о Блоке, которого в эти годы Горький уважал и ценил как большого поэта и человека «бесстрашной искренности», писатель с сожалением констатировал: «Как почти все в редакции, он относится к работе формально и равнодушно» (т. 15, стр. 329).

У Горького вызывало горечь неверие самих сотрудников в издательство,¹⁷ отрицательное отношение к нему общественности. Издательство критиковали и «справа» и «слева».

Оппозиционно настроенный к Советской власти журнал «Вестник литературы», информируя своего читателя об издательстве, иронизировал по поводу стремления Горького показать, что русская революция не «бунт варваров», а расцвет творческих сил, что, задумывая такое ответственное и огромное культурное дело в первый же год деятельности Советской власти, в условиях невыразимо тяжелых, русский народ ставит себе самому памятник.¹⁸

¹⁵ К. Д. Муратова. М. Горький в борьбе за развитие советской литературы. М.—Л., 1958, стр. 55.

¹⁶ К. Чуковский. Репин. Горький. Маяковский. Брюсов. Воспоминания. М., 1940, стр. 114.

¹⁷ Е. Замятин, один из членов редколлегии, называл издательство «Вавилонской башней», предвещая ему неминуемую гибель.

¹⁸ «Вестник литературы», 1919, № 8, стр. 6.

Люди, близко стоявшие к руководству издательским делом в стране, порой справедливо критиковали издательство за подбор литературы, считая, что он сделан «людьми, которые живут в прошлом и прошлым». «... Неужели, — писал И. Скворцов-Степанов, — издатели серьезно думают, что современный русский рабочий ни в чем так не нуждается, как в «Милом друге» или «Сильна, как смерть»?».¹⁹

Бесспорно, в выборе для печати книг были некоторые просчеты. Бесспорно, что грандиозные планы Горького в те годы были несколько утопичны. Просто писатель опережал время! Но в целом замысел Горького шел в плане осуществления больших задач культурной революции, определенных В. И. Лениным, который считал необходимым «дать народу, по 2 экземпляра на каждую из 50 000 библиотек и читален, все необходимые учебники и всех необходимых классиков всемирной литературы, современной науки, современной техники».²⁰

Издательство Горького имело большой общественно-политический резонанс за рубежом, демонстрируя всему миру творческий, созидательный характер Великой Октябрьской социалистической революции.

Г. Уэллс, приезжавший в 1920 году в Советскую страну в качестве гостя Горького, был ошеломлен грандиозной перспективой издательства «Всемирная литература». В известной своей книге «Россия во мгле» знаменитый английский фантаст писал: «В этой непостижимой России, воюющей, холодной, голодной, испытывающей бесконечные лишения, осуществляется литературное начинание, немыслимое сейчас в богатой Англии и богатой Америке. В Англии и Америке выпуск серьезной литературы по доступным ценам фактически прекратился сейчас «из-за дороговизны бумаги». Духовная пища английских и американских масс становится все более скудной и низкопробной, и это нисколько не трогает тех, от кого это зависит. Большевицское правительство, во всяком случае, стоит на большой высоте. В умирающей с голоду России сотни людей работают над переводами; книги, переведенные ими, печатаются

¹⁹ И. Степанов. Государственное издательство, частные фирмы и подрядные предприятия. — «Книга и революция», 1920, № 6, стр. 8.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 332. (Разрядка моя — О. Г.).

и смогут дать новой России такое знакомство с мировой литературой, какое недоступно ни одному другому народу».²¹

Организация издательства «Всемирная литература» — свидетельство страстной заботы Горького о создании новой культуры: с одной стороны, писатель стремился поднять культурный уровень широких трудящихся масс до уровня интеллигентного человека, с другой стороны — он хотел привлечь старую русскую интеллигенцию к сотрудничеству с Советской властью, к созидательной работе.

Впоследствии замысел Горького был частично осуществлен издательством «Академия», в котором Горький был некоторое время редактором.

В издательстве «Всемирная литература» Горький развивал те же принципы, которые были заложены им в «Парусе». Определяющими требованиями были научность и массовость. Планы издательства строились перспективно.

В наше время по решению Комитета по печати при Совете Министров СССР начался выпуск «Библиотеки всемирной литературы». Тексты готовятся с помощью специального научного учреждения — Института мировой литературы АН СССР им. А. М. Горького. По количеству планируемых изданий (200 книг) задуманная серия значительно скромнее горьковских планов. Правда, нельзя забывать и о том, что за годы Советской власти в разных сериях и вне серий издано большое число книг, выход которых был выполнением планов Горького. Придет время, и планы Горького будут осуществлены полностью. Советский народ уверенно овладевает всеми достижениями мировой культуры.

«Русская литература»

Вопреки иронии враждебных критиков,²² Горький никогда не забывал и об издании русской литературы. Писатель считал, что издание всей художественной литературы, как отечественной, так и зарубежной, должно находиться в одних руках. После ликвидации «Паруса», в августе 1918 года, заключая соглашение со своими

бывшими сотрудниками о создании издательства «Всемирная литература», Горький внес также пункт об издании избранных произведений русских писателей XVIII–XX веков. Однако в сентябре Наркомпрос, подписывая договор с Горьким об организации издательства «Всемирная литература», посчитал, что русскую литературу будет издавать сам Комиссариат народного просвещения.

Уже через несколько месяцев для Горького стало ясным, что Наркомпрос со своей задачей не справляется, что его издания фактически недоступны широкому демократическому читателю, которому трудно разобратся в выпускаемых полных собраниях сочинений писателей. Кроме того, эти собрания сочинений издавались по старым дореволюционным матрицам, со всеми неточностями и цензурными искажениями.

19 декабря 1918 года Горький пишет в Наркомпрос докладную записку об издании русской художественной литературы XVIII–XIX веков. Он по-прежнему считает, что издание русских книг должно быть идейно и организационно связано с изданием иностранных книг в издательстве «Всемирная литература». В записке предлагалось создать серию «Библиотека русских классиков» и серию народных изданий. Тип изданий предполагался тот же, что и для иностранной литературы.

По замыслу Горького «Библиотека русских классиков» должна содержать избранные произведения всех более или менее крупных писателей XVIII и XIX веков, оказавшие влияние на ход литературного и общественного развития. Сочинения каждого автора должны быть снабжены предисловием с краткой оценкой исторического значения писателя, его биографией, портретом и, если есть, одной-двумя критическими статьями классиков русской критики — Белинского, Добролюбова, Чернышевского. Книги этой серии предназначались для распространения по библиотекам.

Серия народных изданий должна была состоять из отдельных, небольших по размеру произведений авторов, как вошедших, так и не вошедших в «Библиотеку русских классиков». Эти издания рассчитывались на розничную продажу.

Горького особенно заботило издание русской литературы для новой советской школы. Писатель придавал классической художественной литературе большое значение в духовном и эстетическом воспитании подрастаю-

²¹ Г. Уэллс. Россия во мгле. М., 1959, стр. 29.

²² «Вестник литературы», 1919, № 8, стр. 6.

шего поколения. Он считал, что в школьной серии нужно расширить хронологические рамки, включить и произведения более ранних эпох, и фольклорные сборники. Он поднимает вопрос также о выпуске для школ иллюстрированных произведений русской литературы, рекомендует широко использовать старые иллюстрации Бенуа к Пушкину, Врубеля к Лермонтову, Агина и Боклевского к Гоголю, Островскому, Кардовскому к Грибодову, Трутовскому к Крылову.

Горький составил не только список писателей, но и наметил авторов предисловий к ряду книг: А. А. Блок должен был написать предисловие к сочинениям Тютчева и Лермонтова, К. И. Чуковский — Некрасова, В. А. Десницкий — Глеба Успенского, М. Горький — Лескова.

23 декабря 1918 года между А. В. Луначарским и М. Горьким был заключен договор, в силу которого литературно-издательская группа «Всемирная литература» брала на себя обязательство составить в количестве 400—500 томов, проредактировать, снабдить библиографическими справками, историко-литературными очерками и примечаниями, набрать, напечатать и выпустить в свет «Библиотеку русских писателей»²³.

Однако, как и в прежние годы, не забывает писатель о необходимости знакомить сегодняшнего читателя с сегодняшней литературой, пропагандировать произведения современных авторов. Отдельные книги, выходившие без особого плана в кооперативных издательствах, с этой задачей справиться не могли. Нужна была система.

В январе 1919 года Горький обращается к петроградским писателям — членам Союза деятелей художественной литературы — с призывом взять в свои руки издание современных писателей.

Развертывая план работы будущего издательства («Русская литература»), Горький подчеркивал, что «писателям теперь предстоит огромная, небывалая задача — собрать все свои силы, отобрать самое сильное, яркое и сказать темной массе свое слово о том, что переживает Россия»²⁴.

На должность заведующего издательством «Русская литература» Горький рекомендовал либо одного из вид-

ных историков литературы дореволюционных лет М. К. Лемке, либо К. П. Пятницкого. В интересах дела Горький отметил личную неприязнь к последнему.

Издательство должно было работать на нового читателя, «пробудившегося к сознательной жизни, потянувшегося к свету знания, ищущего путей и указания, как жить по-новому».

Горький предложил реальный план издания двух серий современных писателей. В первую вошли произведения 10 авторов: А. Куприна, Е. Замятина, Н. Гумилева, Ю. Слезкина, В. Шишкова, А. Грина, А. Чапыгина, М. Кузмина, А. Ремизова, В. Муйжеля.

Во вторую серию — Д. Мережковский, А. Блок, И. Потапенко, Д. Айзман, Вас. Немирович-Данченко, Д. Цензор, З. Гиппиус, Вл. Ленский, А. Амфитеатров, Г. Иванов, А. Свирский, В. Дорошевич.

Никакого особого принципа в отборе имен здесь не чувствуется — предлагалось к изданию все наличное. В этом сказалось отчасти стремление Горького сблизить литературную интеллигенцию с Советской властью, направить ее таланты на службу народу. Уже в эти годы у Горького зреет вопрос: «С кем вы, мастера культуры?».

«...Перед интеллигенцией всего мира, — писал он в 1919 году, — стоит суровый вопрос, требующий смелого решения: с народом к радикальному изменению всех форм жизни или с капиталом для защиты отжившего строя»²⁵.

Не чувствуя должной поддержки в Союзе деятелей художественной литературы, писатель ставит вопрос о создании при Наркомпросе специальной коллегии «Русской литературы XX века». Но вскоре (в конце апреля 1919 года) Союз деятелей художественной литературы распался, и тогда Горький предлагает более простой вариант — создать при издательстве «Всемирная литература» отдел «Русская литература XX века». Это было поддержано Наркомпросом и в конце апреля 1919 года «Всемирной литературе» переданы все дела, а также сметные ассигнования ликвидированного издательского отдела при Петроградском профессиональном Союзе деятелей художественной литературы. В издательство «Всемирная литература» поступили уже готовые избранные произведения А. Блока, А. Грина, Е. Замя-

²³ ГАОРС ЛО, ф. 2969, оп. 1, ед. 30, л. 298 (копия).

²⁴ «Вопросы советской литературы», 1958, т. VII, стр. 465—466.

²⁵ «Коммунистический Интернационал», 1919, № 7—8, стлб. 1078.

тина, В. Муйжеля, А. Чапыгина, К. Чуковского, В. Шишкова и др. Намечался выпуск 20 томов: 15 томов прозы и 5 томов стихов.

Итак, «Всемирная литература» получила от Наркомпроса официальное разрешение на издание всей художественной литературы: иностранной, классической русской и современных писателей. Но материально это право не было подкреплено: издательство не смогло получить необходимые ассигнования на организацию редакционных работ, на покупку бумаги, набор и печать.²⁶ В дальнейшем вопрос об издании «Всемирной литературой» произведений русских писателей был снят, ибо созданное в мае 1919 года Государственное издательство монополизировало выпуск русских классиков. Не разрешили издавать «Всемирной литературе» и произведения современных писателей. Это было резонно, так как намеченная Горьким программа не могла удовлетворить нового читателя. Предполагаемые авторы в большинстве своем были далеки от него и непонятны стилистически. И совершенно был прав И. Скворцов-Степанов, работавший в то время заместителем заведующего Госиздатом, когда писал: «Проложить же новые пути, заложить начало нового искусства для новых людей, — и даже для прежних, но попавших в совершенно новые общественные условия, — эта задача едва ли по плечу старым художникам: один подступ к ней требует не только новых художников, но и того, чтобы эти художники были новые люди».²⁷ Таких новых художников и новых людей среди сотрудников Горького были считанные единицы.

В некоторой степени горьковский план издания русской литературы был осуществлен издательством З. И. Гржебина, в которое писатель вложил немало сил и труда.

Горький и издательство З. И. Гржебина

Горький был глубоко убежден, что русский человек волею истории призван не только творить новые социально-политические формы жизни, но и из своей плоти

²⁶ «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 76.

²⁷ И. Степанов. Государственное издательство и ведомства, художественная литература и советские меценаты. — «Книга и революция», 1921, № 7, стр. 4.

воспитать нового человека — «умного, честного, сильного и доброго». Народ сможет построить новое общество только тогда, когда основная его масса будет образованной. «Сила народа, — писал Горький, — в количестве и качестве образованных людей, в любви к труду и знанию, в остроте и гибкости дисциплинированного разума, — сила народа в его духовной энергии».²⁸ Для воспитания образованных людей, создания новой интеллигенции необходимо огромное количество не только художественных книг, но и книг по широкому кругу вопросов, рассказывающих «ход истории всечеловеческого труда и творчества, рост мирового разума».

В мае 1919 года возникло Государственное издательство. Но вскоре Горький понял, что это издательство не в состоянии сразу справиться со всеми задачами. Книг выходило слишком мало. А время требовало быстрее утоления книжного «голода». Нужно было быстро и энергично поднять культуру народа. Поэтому Горький считал необходимыми на какое-то время кооперативные и частные издательства. Он начинает хлопотать о разрешении З. И. Гржебину сохранить частное книгоиздательство. Горький верил в большие организаторские способности Гржебина, рассчитывал с его помощью наладить издание нужных книг. Кроме того, Горький надеялся, что Гржебину удастся преодолеть бумажный голод, что издатель сможет, с разрешения Советской власти, наладить печатание книг за границей, в Финляндии или Швеции. Горький считал, что для Советской России эти страны не дадут бумаги и не будут печатать книги, а с частным лицом охотно вступят в деловые отношения.

Горький принял самое активное участие в организации редакционной части издательства З. И. Гржебина.

Программа издательства была весьма расплывчата: «дать русскому народу массу книг, которые всесторонне осветили бы весь сложный процесс культурного развития человечества вообще и в частности — России».²⁹ Иными словами, издательство ставило перед собой культурно-просветительские цели.

Намечалось издавать книги по естествознанию, медицине, технике, истории, географии, искусству, художе-

²⁸ Каталог издательства З. И. Гржебина. Петербург—Берлин, 1921, стр. 9.

²⁹ Каталог издательства З. И. Гржебина. Петербург—Берлин, 1921, стр. 10—11.

ственную литературу, учебные пособия, книги для детей, словари и справочники. Книги издательства были рассчитаны на различные читательские круги, с различной подготовкой. Универсальные задачи издательства были поистине грандиозными.

Издательство намеревалось активно руководить чтением читателя с учетом его общеобразовательной подготовки. Строго дифференцированный подход к читателю можно проиллюстрировать на примере раздела: «Естествознание, медицина и техника».

Для малообразованного читателя, впервые приступающего к чтению научных книг, намечался выпуск серии небольших, написанных просто и интересно книжечек (1—1,5 листа) о происхождении земли и жизни, о природе, о человеке; ряд брошюр по астрономии и геологии, физике и химии, общей биологии, гигиене и медицине, по технике и сельскому хозяйству. В задачу всех этих книжечек входило не только впервые ознакомить читателя с явлениями природы и материальной культуры, но и пробудить у него жажду знаний, подготовить к систематическому чтению.

Следующий цикл книг давал ряд «введений в науку» («Введение в физику», «Введение в химию», «Общедоступная биология» и др.). Эти книги предназначались уже для систематического изучения науки и рассчитаны были на более подготовленного читателя.

Для читателя, имеющего элементарное образование, но желающего расширить свои знания, предполагалась серия книг «Наука и ее значение для человечества».

Для студентов высшей школы готовились учебники, избранные сочинения классиков естествознания.

Хорошо подготовленному читателю предназначались солидные книги, отражающие современное состояние науки, монографии по различным частным вопросам физики, химии, медицины и т. д. (Мендель и менделизм, внутренняя секреция, радиоактивность вещества, успехи химического синтеза, лучистая энергия, космогонические гипотезы и т. д.). Для этой группы читателей готовились также монографии, посвященные отдельным ученым. Чувствовалась попытка создать стройную систему кругов чтения в целях самообразования.

По такому же строго дифференцированному, в зависимости от образовательного уровня, принципу строился и раздел гуманитарных наук.

Для совершенно неподготовленного читателя предназначались брошюры, дающие первые представления о человеке и мире: как человек начал жить сознательной жизнью, как он боролся с природой, как он создал язык, орудия производства, средства передвижения, как он открывал для себя мир и т. д.

Читателю, имеющему школьное образование, предлагались разнообразные серии книг: по истории, географии, экономике, литературе народов мира и России. Всего намечалось 13 серий. 1. История народов; 2. Очерки литератур разных народов; 3. Предания разных народов; 4. Истории религий; 5. Очерки стран; 6. Путешествия; 7. Биография городов; 8. Столицы мира; 9. Экономические и культурные биографии семей (Медичи, Семья Строгановых, Ротшильды и т. д.); 10. Биографии отдельных общественных групп (Северные промышленники. Новгородские бояре и т. д.); 11. Народы, населяющие Россию; 12. Россия в отдельных очерках; 13. Биографии выдающихся личностей всех времен и всех народов.

Как и ранее, Горький придавал большое значение изданию биографий выдающихся людей, считая, что на примере жизни «людей таланта, воли и труда»³⁰ русский человек научится понимать и сознавать значение строительства новой жизни во всех ее областях.

Для той же читательской группы намечались очерки по истории философской мысли, истории развития права, общему языкознанию, по истории письма, истории книги, истории географических открытий и др.

Специальные серии и отдельные монографии предназначались для людей, имеющих общее образование, но не являющихся специалистами в данной области. В эту группу входили сочинения, сыгравшие значительную роль в истории данной науки, особенно отличающиеся методологическими достоинствами.

Планировались такие серии, как: «Библиотека русских мемуаров», «Переписки», «Сказания иностранцев о России», «Путешествия», «Библиотека русских философов» и др.

Слишком широкие планы затрудняли создание стройной системы серий. Некоторая аморфность задач издательства сказалась в дальнейшем на результатах его деятельности.

³⁰ Каталог издательства З. И. Гржебина. Петербург — Берлин, 1921, стр. 73.

Как в «Парусе», так и в издательстве З. И. Гржебина тщательно продумывался отбор книг для детей. Издательство руководствовалось прежде всего желанием «возбудить в детях начала активности, уважения к творчеству, любовь к труду»,³¹ привить им веру в человека, в великий смысл его творчества.

Тематический издательский план, составленный под руководством Горького, был широко перспективным. Его осуществление требовало не только многих лет, но и систематической работы большого коллектива различных специалистов. Издательство должно было выполнить функцию своеобразного Народного университета — дать читателям не только книги по широкому кругу вопросов, но вести их от ступеньки к ступеньке в трудном процессе познания, способствовать воспитанию огромного круга широко образованных людей. На том этапе жизни страны такой план был утопией.

Горький несколько «торопил» время. Эти задачи стали в полной мере под силу только уже окрепшему Советскому государству, справившемуся с иностранной интервенцией, голодом и разрухой и приступившему к мирному строительству и культурной революции.

Горькому удалось привлечь к работе издательства виднейших ученых страны: академиков А. Е. Ферсмана, В. А. Стеклова, В. М. Шимкевича, С. Ф. Ольденбурга, А. А. Шахматова, профессоров Д. Н. Анучина, А. П. Панкевича, В. Н. Тонкова, О. Д. Хвольсона, О. А. Добиаш-Рождественскую, Б. Л. Модзалевского и многих других. Книжки по общественным наукам и художественную литературу должны были редактировать Горький и В. А. Десницкий.

«Дело Гржебина — мое дело», — писал Горький В. И. Ленину 2 ноября 1920 года,³² имея в виду, конечно, идейную, а не коммерческую сторону дела.

Благодаря авторитету Горького издательство Гржебина получило от Советского правительства ссуду в валюте на печатание книг за границей.

В 1920 году Гржебину удалось легализовать в Германии свою издательскую фирму и получить огромные

³¹ Каталог издательства З. И. Гржебина. Петербург — Берлин, 1921, стр. 87. Правда, после отхода от издательства Горького, Гржебин поставил перед детскими книжками главной задачей — увлекательность: «Текстом зачитываться, рисунками — заглядываться». — Архив М. Горького, КГ-П, 22-1-45.

³² В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. Изд. 2-е, доп. М., 1961, стр. 173.

льготы. Печатание книг обходилось ему довольно дешево. В первый же год Гржебин интенсивно развернул свою деятельность. Было отпечатано свыше 50 книг. Среди них — «Избранные рассказы» Горького, отдельные произведения Некрасова, Достоевского, Чехова, серия учебных пособий, карт. Опьяненный успехом, Гржебин писал в начале 1920 года Горькому: «Заказы идут, бегут, плывут, собираются, множатся — словом, столько, что и не снилось... Предстоит огромная работа».³³ Гржебин печатал книги не только в Берлине, но и в Стокгольме. В России же находился редакционный отдел и расчетная контора.

По договору с Госиздатом издательству запрещалось брать заказы без санкции Госиздата.³⁴ Но Гржебин, стремясь расширить свое дело, нарушал это условие и выпускал книги помимо заказанных Государственным издательством, что вызвало справедливый упрек В. И. Ленина. По воспоминаниям А. Воронского, ответственного редактора журнала «Красная новь», Ленин, просматривая принесенные Горьким книги, выпущенные Гржебиным за границей, подверг сомнению своевременность издания древних индийских сказок, считая, что страна, нуждающаяся в хлебе насущном, не может позволить себе такую роскошь и тратить на подобные книги валюту.³⁵ Более того, среди гржебинских книг были не только малополезные советскому народу, но и прямо враждебные. Достаточно назвать произведения вождя меньшевизма Л. Мартова и вождя правых эсеров В. Чернова. Естественно, это вызвало протест Госиздата, который порвал деловые отношения с Гржебиным.

Фактически это было началом конца издательства. Если в октябре 1922 года (в начале конфликта) Гржебин с поднятым забралом писал Горькому о Госиздате, что будет считать счастливейшим днем своей жизни день, когда «разделается» с ним, то примерно через год (29 сентября 1923 года) он уже пишет совсем иное: «Положение мое отчаянное: здесь ни издавать, ни про-

³³ Архив М. Горького, КГ-П, 22-1-6.

³⁴ Там же, КГ-П, 22-1-7.

³⁵ «Прожектор», 1927, № 6, стр. 19. Да и заказы Госиздата не всегда были актуальными. На справке Горького о заказах, сделанных Госиздатом Гржебину — биографии музыкантов и художников — на огромную сумму денег, Ленин написал: «Никому не нужное и несвоевременное предприятие. 21/X — 1920». — В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. Изд. 2-е, доп., М., 1961, стр. 163.

давать нет возможности».³⁶ А через несколько месяцев (12 января 1923 года), когда издательство фактически прекратило свое существование, Гржебин признается: «Всегда для меня было ясно, что русское издательство без России как человек на воде: сколько бы он ни плыл и как бы далеко ни уплыл, а вернуться на землю должен. И жить ему на земле. Я не вижу возможности работать настоящим образом вне России».³⁷

Бесславной кончине гржебинской фирмы в немалой степени способствовал и отход Горького от издательства.

С 1921 года, находясь за границей, Горький некоторое время активно сотрудничал с Гржебиным. Он продолжал издавать у него отдельные свои произведения, читал рукописи, одобрил привлечение к редакционной и авторской работе крупнейших зарубежных ученых. Горький приветствовал издание трудов зарубежных ученых по новейшим проблемам физики — по теории относительности, строению вещества, радиоактивности. Летом 1922 года писатель принимал живейшее участие в подготовке книг по русскому искусству. Но издательство небрежно относилось к редакторским указаниям писателя, несколько раз нарушало его волю и, более того, неблагоприятно использовало его имя. И самое главное, Горький понял, что Гржебин во главу дела ставил коммерческие интересы, а планы Горького его интересовали лишь постольку, поскольку они соответствовали его основной цели.

Издательство Гржебина — последнее издательство, в котором Горький принимал непосредственное участие.

* * *

Хотя в последние 15 лет Горький и не руководил непосредственно работой ни одного из советских издательств, он не переставал интересоваться их деятельностью, и его большой организационно-издательский опыт не пропал втуне. Особенное значение он придавал Государственному издательству, его социально-воспитательной роли. «Госиздат мне кровно дорог, как источник культурной силы, болезни его я вижу, в успехе — заинтересован», — писал Горький (т. X, кн. 1, стр. 5). Горь-

³⁶ Архив М. Горького, КГ-П, 22-1-42.

³⁷ Там же, КГ-П, 22-1-45. Гржебин не вернулся в Россию и умер в глубокой нищете за границей.

кий давал много полезных советов издательствам «Земля и фабрика», «Academia», «Федерация», «Время» и др.

Он требовал продуманного планирования в книжном деле страны в целом и в каждом отдельном издательстве. Планы издательств страны должны быть строго скоординированы между собой, всякая анархия в издательском деле должна быть прекращена. Стихийность, случайность, параллелизм Горький считал бичом в развитии издательского дела.

В статье «О работе неумелой, небрежной, недобросовестной и т. д.», опубликованной в апреле 1931 года, Горький подверг справедливой критике некоторые издательства («Молодую гвардию», ГИХЛ, «Федерацию», Госиздат) за выпуск ряда пустых, малограмотных книжек, за невероятную медлительность издания важных и нужных книг.

Изучая издательские планы, Горький предостерегал от излишней пестроты их, рекомендовал разбивать книги по сериям, чтобы чувствовалась внутренняя логика. Но в то же время писатель выступал против слишком подробных и детальных издательских планов, опасаясь, что они могут стеснить творческую свободу писателей, их инициативу.

Исходя из требований времени, Горький настоятельно рекомендовал издавать литературу, которая утверждала и укрепляла бы дружбу народов Советского Союза, показывала достижения советского народа, развивала идеи социалистического гуманизма и интернационализма.

Одной из важнейших задач советских издательств Горький считал выпуск книг для крестьянства, помогающих преодолению пережитков индивидуализма и собственничества, религиозных предрассудков, подчеркивал необходимость издания антирелигиозных книг.

Видя, что капиталистический мир не оставил надежду уничтожить страну Советов, Горький призывает развернуть контрпропаганду — разоблачать буржуазный образ жизни, помнить об издании оборонной литературы.

Не забывал Горький и о «занимательных» книжках, о научной фантастике, считая, что она, заглядывая в будущее, окрыляет повседневную жизнь, заставляет верить в осуществление человеческой мечты. Еще в 1927 году Горький писал председателю кооперативного издатель-

ства «Время» И. В. Вольфсону: «Желание *необыкновенного* всегда здоровое желание, а сейчас — более, чем всегда. Жизнь вообще должна быть *необыкновенной*, тогда она идет быстро и не утомляет. Мы существуем в эпоху чудовищных скоростей, чудесных событий, чудес науки, но — все это как бы вне «быта» и не влияет на него. А «необыкновенная» книга, входя в быт, тренирует мозг и воображение к более глубокому пониманию чудес действительности» (т. X, кн. 1, стр. 43).

Бесспорной истиной для Горького было то, что в издательском деле необходимы грамотные, знающие литературу люди, которые должны заниматься и воспитанием молодых авторов. В статье «О работе литературных издательств» Горький писал: «Редактора издательств слишком торопят «выводить в свет» начинающих писателей и весьма часто принимают куриц за петухов, причем курицы оказываются способными нести только яйца, именуемые «болтунами». Иными словами: происходит фабрикация литературных неудачников, которые неизбежно претворяются в паразитов литературы».³⁸

Горький неоднократно выступал за новые формы в литературной работе — за коллективизм, за подготовку коллективных изданий. Он был инициатором таких коллективных работ, как «История фабрик и заводов», «История гражданской войны», «Библиотека поэта», «День мира», «Творчество народов СССР» и многих других.

Известно, что Горький — основатель и многих советских журналов и альманахов: «Наши достижения», «СССР на стройке», «За рубежом», «Литературная учеба», «Колхозник», «На стройке МТС и совхозов», альманахов «Год XVI», «Год XVII», «Год XVIII», «Год XIX».

Горький был принципиальным противником дробления писателей на группы, противником всякой кружковщины. В сентябре 1930 года в письме к заведующему Госиздатом А. Б. Халатову, возмущаясь взаимной грызней различных литературных групп, он писал: «Следовало бы создать что-то вроде конференции из представителей всех марксистских литгрупп и кружков, создать и вменить им в обязанность договориться до единства. Если — они действительно марксисты, так это значит,

что основная их линия — едина. Стало быть, расколы, раздоры и развалы идут по боковым, по второстепенным линиям. Стало быть — договориться можно и должно и необходимо» (т. X, кн. 1, стр. 216).

Пожелания Горького были весьма своевременными. Несколько позже ЦК ВКП(б) приняло постановление «О перестройке литературно-художественных организаций», ликвидировавшее особые пролетарские организации в литературе и объединившее всех советских писателей в один союз.

Переписка Горького с руководителями издательства пестрит критическими замечаниями — это было вызвано горячим желанием писателя улучшить издательское дело, которому в жизни Советского государства он отводил большую и важную роль.

В издательском деле для Горького не было мелочей. Он серьезно занимался и гонорарной политикой, и качеством бумаги, иллюстраций, шрифта, перевода, и корректурой, форматом, внешним оформлением книги.

Многие издательские планы и начинания Горького в силу разных причин не могли быть осуществлены в свое время и нашли воплощение значительно позже. Некоторые же интересные замыслы Горького (в частности, исторические серии «Столицы мира», «История городов», «История женщины», «История деревни» и др.) ждут еще своей реализации советскими издательствами.

* * *

Двадцать лет великий пролетарский писатель стоял во главе прогрессивных издательств своего времени.

Возглавив в конце 1902 года издательское товарищество «Знание», Горький сумел, по выражению В. И. Ленина, объединить «лучшие силы художественной литературы».³⁹ Вокруг издательства «Знание», особенно в период первой русской революции группировался общедемократический фронт русской литературы, здесь вырабатывалась программа планомерной борьбы против реакционной, аполитичной и безыдейной литературы.

В годы первой империалистической войны М. Горький создает «широкое демократическое издательство «Парус», которое ведет антиимпериалистическую про-

³⁸ М. Горький. О печати. М., 1962, стр. 188.

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 3.

паганду, защищает пролетарские, интернациональные интересы.

Защита интернациональных принципов в культуре ярко проявилась и в созданном Горьким в первые годы Советской власти издательстве «Всемирная литература».

Какие же принципы считал Горький неперенными для издателя-демократа и для себя лично?

На первое место следует поставить последовательно проводимую идейность: все замыслы подчинялись главной задаче — социальному пробуждению трудящихся масс.

Горький придавал большое значение политической книге. В период первой русской революции — это марксистские брошюры, разъясняющие большевистскую тактику и стратегию. В годы реакции — литературно-публицистические сборники, направленные против «литературного распада». В годы первой мировой войны, в годы разгула шовинизма и милитаризма — серия антиимпериалистических, антиимпериалистических книжек. В советский период — книга, служащая коренным задачам культурной революции.

Все свои издательские планы писатель подчинял тем задачам, которые, по его мнению, являлись первостепенными для общественно-политического и эстетического воспитания народа. Поэтому идейность для него неизбежно соединялась с актуальностью издательского репертуара.

Демократизм издательской деятельности Горького выразился в выпуске общеобразовательных книг для рабочего человека. В системе образования народных масс Горький одно из первых мест отводил художественной литературе, которая доходила быстрее и была понятнее малоподготовленному читателю. Это была первая ступень познания действительности. После этого, по мнению Горького, можно было переходить к агитационной литературе.

Соответственно читательскому назначению подбирались не только тематика, но и форма издания: серии «дешевых библиотек», политические лубки — «народные картинки».

Горький не боялся делать ставку на молодых многообещающих, талантливых, но еще мало известных литераторов. Он стремился привлечь к работе пролетарских писателей, помогая им, учил и воспитывал их. Многих

писателей он вывел в «большую литературу». В его издательствах опубликовали свои первые книги такие писатели, как Л. Андреев, Скиталец, С. Найденов, С. Гусев-Оренбургский, С. Юшкевич, С. Елеонский, И. Сургучев, М. Герасимов и др.

Горький-интернационалист считал, что знание мировой литературы воспитывает братское отношение к другим народам, служит объединению людей, заставляет их заимствовать у каждого народа самое лучшее, приводит, в конечном счете, к созданию общечеловеческой культуры. Отдавая предпочтение изданию современных русских прогрессивных писателей, Горький не забывал об издании классического мирового наследия, национальной литературы прошлого и настоящего, современных зарубежных писателей.

При организации издательства в деталях продумывалась его программа, разрабатывался общий тематический план, серии книг, часто создавались планы-тезисы отдельных книжек, тщательно подбирались авторский коллектив. Чтобы обеспечить высокое качество рукописей, Горький создавал редакционные коллегии из высококвалифицированных специалистов.

Издательские планы Горького, как правило, не ограничивались только беллетристикой. Его всегда интересовала философия, социально-экономическая, историческая проблематика. Придавая большое значение науке в жизни общества, писатель считал совершенно необходимой пропаганду основных ее достижений среди широких народных масс. С каждым годом увеличивалась тенденция к универсальности задач издательства.

В своей издательской деятельности Горький неукоснительно следовал выработанным им принципам. Несмотря на трудности, он твердо проводил свою линию — ориентацию на демократического читателя, на реалистическое искусство, на издание литературы, пробуждающей социально-политическое сознание народа.

Издательские планы Горького всегда носили перспективный характер, были рассчитаны на многие годы. В значительной степени этим и объясняется, что его замыслы не только достояние истории, не только живая традиция современности, но и в какой-то степени — будущее издательского дела Советской страны. Вся издательская деятельность Горького сводилась к активному стремлению приблизить будущее не только в социально-политическом плане, но и культурном.

Горький был не только великим художником, громадным художественным талантом, «который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению» (Ленин). Он был и большим общественным деятелем. Свою издательскую деятельность он рассматривал как активное служение обществу. Всю свою жизнь Горький стремился воспитывать у людей активное отношение к миру, бороться за социальную справедливость, за создание бесклассового общества, в котором человек ценится за свои трудовые и моральные качества. Большую роль в создании такого общества Горький отводил книге — «наиболее сложному и великому чуду из всех чудес, сотворенных человечеством на пути его к счастью и могуществу будущего».

Голубева Ольга Дмитриевна

ГОРЬКИЙ — ИЗДАТЕЛЬ

Редактор Э. Б. Кузьмина

Художественный редактор И. В. Печенкин

Художник Э. Д. Меджитова

Технический редактор Е. И. Полякова

Корректор Л. С. Веденеева

А-05696. Сдано в набор 5/III 1968 г. Подписано в печать 6/VI 1968 г. Формат бум. 84×108¹/₃₂. Типографская № 1. Усл. печ. л. 6,72. Уч.-изд. л. 6,85. Тираж 5000 экз. Заказ 1253. Цена 30 коп.

Издательство «Книга».

Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10.

Типография № 2 Управления по печати
Ленгорисполкома. Ленинград, Фонтанка, 36.

ошб-1
мз-1
лб-1